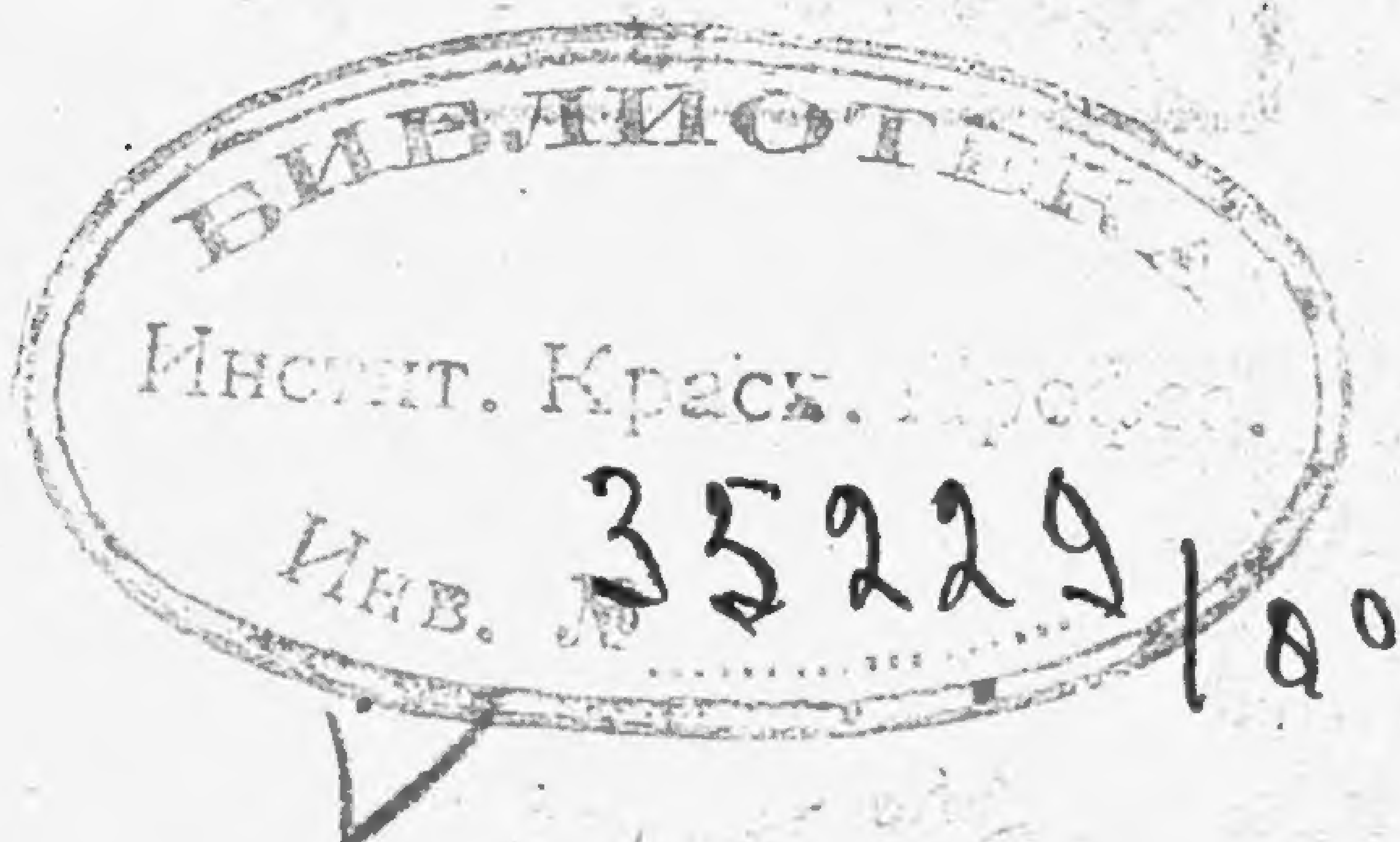
А. Карелинъ.

Государство и Анархисты.

МОСКВА. Бунтарь
1918 г.

Опредѣленіе государства.

„Государство, это—шайка разбойниковъ на работѣ“, „государство—все, государство—Богъ“.

Государство, это—антагонистическое (распадающееся на враждебныя части) общество живущихъ на какой-либо территоріи людей, часть которыхъ—правители—обладаетъ самостоятельно принудительной властью, а другая часть—подвластные—не имѣютъ ея. Въ этомъ обществѣ правители принимаютъ тѣ или иныя рѣшенія, заставляютъ подвластныхъ угрозами насилія и мученій подчиняться такимъ рѣшеніямъ и мучаютъ или приказываютъ мучить неповинующихся.

Государство, это извѣстнымъ образомъ для цѣлей эксплуатаціи и угнетенія прекрасно организованные люди, угнетающіе и эксплуатирующіе плохо организованныхъ трудящихся людей.

Тэкеръ опредѣляетъ государство, какъ „воплощеніе идеи насилія въ одномъ или нѣсколькихъ лицахъ, которые претендуютъ на званіе представителей и господъ надъ всѣмъ населеніемъ извѣстной территоріи“.

Такимъ образомъ, государство, это—союзъ людей, изъ которыхъ одни,—волей-неволей—отказались отъ „права“ устраивать свою жизнь такъ, какъ это хочется имъ самимъ, а другіе захватили „право“ устраивать эту чужую жизнь такъ, какъ хочется этимъ захватчикамъ.

Съ государственной точки зрѣнія, подвластные являются пассивными (бездѣятельными) членами общества, что не исключаетъ, разумѣется, ихъ реагированія (отвѣтнаго дѣйствія) на дѣятельность властныхъ и активныхъ (дѣятельныхъ въ смыслѣ управленія государственными дѣлами) членовъ этого общества.

Естественно, что правители пользуются властью для своей выгоды и для выгоды тѣхъ лицъ, на которыхъ имъ приходится опираться или которыхъ они боятся. Эти угнетатели и эксплуататоры такъ организовали разныя учрежденія, главнымъ образомъ, учрежденія насилія, что не позволяютъ трудящимся серьезно организоваться для сопротивленія этому насилію и угнетенію.

Короче, государство, это — организація господствующихъ, „давящихъ“, по точному выраженію Л. Н. Толстого, классовъ.

Государство является совокупностью институтовъ (учрежденій) насилія, но такъ какъ послѣднихъ не хватаетъ для цѣлей эксплуатаціи и угнетенія, то есть, не хватаетъ для того, чтобы держать народъ въ повиновеніи, то и институтовъ лецемѣрія.

Начавъ говорить о государствѣ, мы тотчасъ же заговорили о правительствѣ. Здѣсь нѣтъ смѣшенія понятій. Говоря слово „правительство“, мы тѣмъ самымъ подразумѣваемъ и подвластныхъ, а, слѣдовательно, и то антагонистическое общество, которое называется государствомъ. Вся дѣятельность государства, какъ таковаго, есть дѣятельность правительства.

Государство—это „собраніе однихъ людей насилующихъ другихъ“, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой. „Основываясь на наблюденіи дѣйствительности,—писалъ Элизе Реклю,—анархисты говорятъ, что государство и все, что съ нимъ связано, представляетъ не что-то абстрактное, не какую-либо абстрактную формулу, а совокупность людей, поставленныхъ въ особыя условія и испытывающихъ на себѣ ихъ вліяніе. Имъ предоставлены высшія должности, больше власти и больше содержанія, чѣмъ остальнымъ ихъ согражданамъ“.

Противникъ анархистовъ, буржуазный, если можно такъ выразиться, авторитетъ государственнаго права Іеллинекъ заявляетъ, что „государство можетъ существовать лишь черезъ посредство своихъ органовъ; *) если его мыслить безъ нихъ, то остается не государство, какъ носитель своихъ органовъ, а юридическое ничто“. Комментируя эти слова, другой извѣстный государствовѣдъ Л. Дюги пишетъ:—„если позади того, что называется органами государства нѣтъ ничего, то это означаетъ, что личность государства есть чистѣйшая фикція (выдумка). Это означаетъ, что въ дѣйствительности существуютъ лишь органы, т о е с т ь л ю д и, которые налагаютъ на другихъ людей с в о ю волю и дѣлаютъ это с и л о ю матеріальнаго п р и н у ж д е н і я“. „То что мы видимъ, что мы чувствуемъ, это—проявленіе воли того, или тѣхъ, которые обладаютъ фактической (дѣйствительной) властью“.

Выясняя сущность государственной власти, Леонъ Дюги пишетъ:—„я говорю прежде всего, что государственная власть есть не право, а простой фактъ, фактъ превосходства силы... Постоянно были и, вѣроятно, постоянно будутъ въ общежитіи личности, классы, большинство, которые на дѣлѣ, въ силу безконечно разнообразныхъ обстоятельствъ, сосредоточиваютъ въ себѣ силу принужденія“. Мы знаемъ, что это предсказаніе ошибочно, но вѣрно то, что до послѣдняго времени почти вездѣ имѣлись насильники-правители. Ж. Сорель тоже считаетъ госу-

*) Здѣсь подъ словомъ „органъ“ понимается учрежденіе, членами котораго состоятъ люди.

дарство группой правителей, но онъ говоритъ о демократическомъ государствѣ и пишетъ слѣдующее:—„государство, это—группа интеллигентовъ, надѣленныхъ привилегіями и обладающихъ такъ-называемыми политическими средствами для отраженія тѣхъ атакъ, которыя ведутъ противъ нея другія группы интеллигентовъ, жаждущихъ использовать общественныя должности". Не надо только забывать, что такіе интеллигенты служатъ не только себѣ, но и буржуазіи.

Приведенное въ началѣ главы опредѣленіе государства является научнымъ опредѣленіемъ, такъ какъ говоритъ о дѣйствительно существующихъ признакахъ этого института. Тѣмъ не менѣе, мы очень часто встрѣчаемся съ такими опредѣленіями понятія государства, въ которыхъ говорится не о дѣйствительно существующихъ, а о мнимыхъ, только воображаемыхъ, вѣрнѣе о желательныхъ для авторовъ такихъ опредѣленій, признакахъ. Во всѣхъ такихъ опредѣленіяхъ приводятся доводы въ пользу существованія государства и мы остановимся на нихъ.

Нельзя говорить, (хотя и говорятъ), о такомъ признакѣ государства, какъ мирный порядокъ, такъ какъ не видимъ мира ни въ государствѣ, ни между государствами. Мы не можемъ сказать, что государство есть союзъ свободныхъ людей, такъ какъ не считаемъ свободными ни наемныхъ рабочихъ, ни солдатъ, ни лицъ, заключенныхъ въ разныя тюрьмы. Мы не считаемъ свободными даже подвластныхъ, подданныхъ именно потому, что они—подданные. Такимъ образомъ ошибочно опредѣленіе Канта, по которому „государство есть правовой союзъ свободныхъ людей, свобода которыхъ только тогда требуетъ ограниченія, когда она мѣшаетъ свободѣ другихъ членовъ союза" (См. Д. Койгенъ).

Ошибочными опредѣленіями понятія государства полны книги. Ошибались, давая такія опредѣленія, очень серьезные ученые. „Государство,—говорилъ, напримѣръ, Н. Г. Чернышевскій,—существуетъ для блага индивидуальной личности".

Бѣдный Чернышевскій! Онъ на себѣ испыталъ блага такого „существованія". Онъ видѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ, зналъ, какъ живутъ они и всетаки написалъ эти слова. Такъ сильно у нѣкоторыхъ мыслителей желаніе заставить какое-либо учрежденіе дѣйствовать для общей пользы, для чего представителямъ этого учрежденія внушается (къ сожалѣнію, тщетно), что оно имѣетъ хорошія свойства или цѣли.

Лассаль опять-таки говорилъ не о существующей, не о присущей государству, а о желательной для этого блестящаго юриста цѣли государства. Эта цѣль заключалась, по его мнѣнію, „въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ ступеней существованія, которыя никогда недостижимы для отдѣльной личности, дать имъ возможность пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, какая была бы немыслима для отдѣльной личности. И такъ, цѣль государства положительно развивать и

неустанно совершенствовать человѣческое существо; другими словами: осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, то есть, культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; цѣль государства—воспитаніе и развитіе человѣчества въ направленіи къ свободѣ".

Какъ все это невѣрно! Какъ не схоже съ дѣйствительностью! Ни въ древнемъ Египтѣ, ни въ древней Греціи, ни въ тысячелѣтіяхъ исторіи Китая, ни въ Римскомъ государствѣ, ни въ государствахъ средневѣковья, ни въ современныхъ государствахъ нельзя найти и намека на указанную Ф. Лассалемъ цѣль.

Какъ разъ противъ воли государствъ, люди стремились, въ рядѣ случаевъ, къ указаннымъ Лассалемъ цѣлямъ. А государство мѣшало имъ въ этомъ всѣми силами своей мощи.

Опредѣляя государство его цѣлью, исторически и логически вѣрно было бы сказать слѣдующее:—„цѣль государства заключается въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать возможность однимъ людямъ обогащаться на счетъ другихъ и пользоваться ихъ услугами, не давая ничего взамѣнъ, мѣшать этимъ лицамъ осуществлять тѣ цѣли, мѣшать достигать такихъ ступеней существованія, какія возможны для свободныхъ, не знающихъ принудительной власти обществъ. Цѣль государства сводилась къ развращенію лицъ, обладавшихъ принудительной властью, къ тому, чтобы сохранить ее въ рукахъ этихъ лицъ, для чего приходится мѣшать подвластнымъ пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая мыслима въ вольномъ обществѣ, то есть держать подвластныхъ въ невѣжествѣ, рабствѣ и безсиліи. И такъ, цѣль государства отуплять, уродовать и принижать большинство человѣческихъ существъ, развращать и отуплять меньшинство; другими словами—мѣшать проявиться той культурѣ, къ которой способно человѣчество, мѣшать проявиться назначенію послѣдняго; цѣль государства — всѣми силами препятствовать развитію человѣчества въ направленіи къ свободѣ".

Какъ видно, можно сказать нѣчто буквально противоположное словамъ Ф. Лассаля и эти слова будутъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ слова этого юриста.

Государство,—говорятъ далѣе это—союзъ людей, ставящій своей задачей помѣшать однимъ людямъ, однимъ членамъ даннаго общежитія причинять страданія и мученія другимъ лицамъ. Такое опредѣленіе государство опять таки ошибочно. Развивая только что приведенное положеніе, мы приходимъ къ слѣдующему выводу:—„государство, желая помѣшать однимъ людямъ причинить страданія другимъ людямъ, вручило принудительную власть части своихъ членовъ для того, чтобы послѣдніе могли причинять страданія и непріятности тѣмъ людямъ, которые заставили страдать кого либо". Очень ужъ не умно.

Не надо забывать, что государство, это—„самое очевидное, самое циничное и самое полное отрицаніе человѣчности", какъ

говорилъ М. А. Бакунинъ и на такомъ фундаментѣ трудно себѣ представить что либо похожее на государство, мѣшающее причинять страданія.

Въ государствѣ сближеніе между людьми происходитъ на почвѣ причиненія страданій и, не говоря уже о томъ, что причиняемыя правителями страданія ужаснѣе тѣхъ страданій, которыя могли бы причинять не облеченные принудительной властью лица, замѣтивъ, что государство вовсе не мѣшаетъ однимъ людямъ причинять страданія себѣ подобнымъ.

Прежде всего, государство не имѣетъ силы для того, чтобы помѣшать однимъ людямъ мучить другихъ людей: оно только мститъ мученіями нѣкоторымъ изъ такихъ мучителей.

Оно даетъ, далѣе, плохой примѣръ, само обучая однихъ людей мучить другихъ. Обрушивая свою месть на головы разныхъ лицъ, преступившихъ законы государства, послѣднее заставляетъ нанятыхъ имъ чиновниковъ или палачей мучить этихъ преступниковъ. Оно не только покровительствуетъ этимъ новымъ мучителямъ, но и создаетъ, подстрекаетъ людей дѣлаться палачами, судьями, тюремщиками и тому подобными истязателями.

Государство не только мучитъ неповинующихся ему людей, но, забирая, напримѣръ, своихъ подданныхъ въ солдаты и посылая ихъ на смерть и раны, причиняетъ мученія какъ разъ законопослушнымъ гражданамъ.

Нечего и упоминать, что государство мучитъ людей, защищая такихъ эксплуататоровъ-мучителей, какъ рабовладѣльцы, крѣпостники, предприниматели, защищая власть правителей.

Очень несерьезно также указаніе на то, что государство является такимъ союзомъ людей, который способствуетъ ихъ моральному сближенію и такому же сближенію разныхъ группъ населенія. Наблюденія не подтверждаютъ правильности только что сказаннаго: достаточно вспомнить о политической или классовой борьбѣ-враждѣ, такъ раздѣляющей населеніе государствъ, о присущемъ этимъ общежитіямъ антагонизмѣ.

Намъ говорятъ, далѣе, что государство имѣетъ своею цѣлью организовать взаимопомощь, добиться лучшихъ взаимоотношеній между людьми.

Лицемѣріе такого опредѣленія черезъ чуръ уже ясно. Достаточно припомнить, какъ государство устанавливало отношенія рабовъ и рабовладѣльцевъ, крѣпостныхъ и помѣщиковъ, предпринимателей и рабочихъ, правителей и подвластныхъ и т. д. Тутъ были не отношенія взаимопомощи, а отношенія паразитизма съ одной стороны и жертвы съ другой. Государство всегда мѣшало проявленію взаимопомощи, всегда мѣшало людямъ хорошо устроиться.

Никогда и нигдѣ государство не ставило своей цѣлью охрану слабыхъ отъ сильныхъ. Его девизомъ всегда былъ нелѣпый совѣтъ:—„слабаго обижай, падающаго толкни.

Если ему и приходилось иногда защищать слабаго отъ нападенія сильнаго (очень рѣдко), то только для того, чтобы не потерять объекта угнетенія и эксплуатаціи, (чтобы не лишиться людей, которыхъ оно могло бы эксплуатировать и угнетать), другими словами только для того, чтобы поддержать свое могущество, но отнюдь не потому, что защита слабыхъ была цѣлью государства.

Всѣ опредѣленія государства, которыя приписываются этому учрежденію, благородныя задачи, сводятся, въ сущности, къ болѣе или менѣе вульгарной (пошлой) апологетикѣ (восхваленію) и не имѣютъ научной цѣнности.

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ предполагается доказаннымъ не могущее быть доказаннымъ, глубоко невѣрное положеніе, по которому общество безъ принудительной власти нѣкоторыхъ своихъ членовъ безсильно противодѣйствовать несправедливости и безсильно помочь людямъ хорошо устроиться. Истина заключается въ совершенно противоположномъ утвержденіи. Можно привести безчисленное множество доказательствъ, что общество съ принудительной властью, какъ разъ и занималось поддержаніемъ несправедливости и мѣшало людямъ хорошо устроиться.

То одно, то другое преимущество общежитія, а то и нѣсколько такихъ преимуществъ, приписывались въ этихъ опредѣленіяхъ общежитію, въ которомъ имѣется принудительная власть, другими словами государству, то есть, какъ разъ такому общежитію, которое умалило или растеряло многія изъ преимуществъ, присущихъ не знающему принудительной власти обществу.

И только потому, что творческія силы общества не могли быть всецѣло уничтожены государствомъ, возможно было приписывать ему благотворное вліяніе на людей.

Одними изъ важнѣйшихъ факторовъ (дѣятелей) прогресса является взаимопомощь и самодѣятельность людей, а государство, мѣшая самодѣятельности своихъ подданныхъ, всегда и вездѣ мѣшало развитію въ ихъ средѣ взаимопомощи.

„Поглощеніе государствомъ всѣхъ современныхъ функцій по необходимости благопріятствовало необузданному, узко понимаемому индивидуализму. По мѣрѣ того, какъ обязанности къ государству возрастали численно, граждане явно освобождались отъ своихъ обязанностей по отношенію другъ къ другу.... Въ то время, какъ въ дикихъ странахъ, у готентотовъ, считалось бы неприличнымъ приняться за пищу, не сдѣлавъ троекратнаго, громогласнаго предложенія другимъ принять участіе въ трапезѣ, у насъ едва ли найдется охотникъ подѣлиться пищей съ кѣмъ бы то ни было; все, къ чему въ настоящее время обязанъ почтенный гражданинъ, это—заплатить налогъ для бѣдныхъ и затѣмъ предоставить имъ умирать голодной смертью". (П. А. Кропоткинъ).

И такъ, государство убивало и взаимопомощь и самодѣятельность. Дѣло доходило иной разъ до того, что, — какъ писалъ Токвиль о французахъ 18-го вѣка,—„никто не считаетъ себя

способнымъ привести къ благополучному концу серьезно дѣло, если въ него не вмѣшается государство".

Современнымъ государствомъ предшествовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ автономное устройство городовъ и областей, а еще раньше, на зарѣ исторіи мы встрѣчаемся съ разными формами родоваго быта и человѣчество знало общинно эволюціонную стадію развитія.

Но каковы бы ни были формы общежитія, разъ только въ него врывалась принудительная власть, оно превращалось въ государство, хотя бы это государство было совсѣмъ иного типа, чѣмъ современныя государства.

Нельзя, поэтому, вполнѣ согласиться съ П. А. Кропоткинымъ, когда онъ говоритъ, что „понятіе о государствѣ обнимаетъ собою не только существованіе власти надъ обществомъ, но и сосредоточеніе управленіе мѣстною жизнью въ общемъ центрѣ, то есть, территоріальную концентрацію, также сосредоточеніе многихъ или даже всѣхъ отправленій общественной жизни въ рукахъ немногихъ".

Это опредѣленіе вѣрно, разъ дѣло идетъ о современномъ государствѣ, но мыслимы и государства и съ децентрализованными отправленіями общественной жизни.

Мы думаемъ, далѣе, что Господинъ Великій Новгородъ, съ его „улицами", „концами" и областями, былъ государствомъ, хотя и не такимъ, какъ современныя. Былъ государствомъ, потому что зналъ принудительную власть.

Говоря вообще, государствомъ надо называть всякое общежитіе, часть членовъ котораго, опираясь на насиліе, суверенно правитъ другою частью его членовъ *).

---

*) С. Симонъ утверждалъ, что „каждая политическая система покоится на опредѣленной организаціи собственности и производства". К. Марксъ повторяетъ это положеніе въ нѣсколько иной формѣ, говоря, что „совокупность производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка"...

Въ наше время едва ли стоитъ останавливаться на разсмотрѣніи этихъ положеній. Вѣрно только то, что тамъ, гдѣ существовала частная собственность, неизбѣжно появлялась государственная принудительная власть, а, гдѣ имѣлась послѣдняя, тамъ неизбѣжно появлялась и частная собственность, при чемъ разнымъ формамъ производства можетъ соотвѣтствовать одинъ типъ принудительной власти и одна и таже форма производства можетъ существовать при наличности разнообразнѣйшихъ формъ принудительной власти. Производственныя отношенія существовали, а государства не было. Производственныя отношенія будутъ существовать, а о государствѣ останутся только тяжелыя воспоминанія, какъ о пагубномъ учрежденіи.

Л. Н. Толстой доказывалъ, что нельзя считать вѣрнымъ то утвержденіе, по которому отношенія между людьми складываются на базисѣ экономическихъ условій:—„но такое утвержденіе,—говорилъ онъ,—есть только подстановка, вмѣсто очевидной и явной причины явленій, одного изъ его послѣдствій. Причина тѣхъ или иныхъ экономическихъ условій и не можетъ быть ни въ чемъ другомъ, какъ только въ насиліи однихъ людей надъ другими: экономическія же условія суть послѣдствія насилія и потому ни какъ не могутъ быть причиной отношеній между людьми"

Государство и общество.

Государство и общество — одно и тоже „въ томъ смыслѣ, въ какомъ левъ и ягненокъ составляютъ одно и тоже послѣ того, какъ левъ съѣлъ ягненка“. (Тэкеръ).

Попыткой отождествить государство и общество встрѣчаются очень часто, но это не мѣшаетъ такимъ отождествленіямъ быть ошибочными.

Оба эти понятія упорно смѣшивались до начала XIX-го вѣка, но съ этого времени въ понятіе государства всегда вводится существенный признакъ, который вовсе не характеренъ для общества, а именно „властвованіе“.

Тѣмъ не менѣе, государству зачастую приписываютъ дѣятельность вольнаго общежитія.

Признакъ властвованія, принудительнаго властвованія, является, разъ дѣло идетъ о государствѣ, настолько важнымъ, что многіе государствовѣды довольствуются, опредѣляя государство, однимъ этимъ признакомъ.

„Отличительную особенность государства, какъ особой формы человѣческаго общенія составляетъ принудительное властвованіе. Государство есть, прежде всего властвованіе“, говоритъ Н. Коркуновъ. „Государство не можетъ дѣйствовать иначе, какъ принудительно“.

Люди, это—общественныя, стадныя животныя *). Гдѣ находятся люди, тамъ создается и общество съ его сотрудничествомъ, съ его связями между людьми, съ его разносторонней жизнью.

Даже въ послѣднее время встрѣчаются общежитія людей, не знающія принудительной государственной власти и въ этихъ общежитіяхъ господствуетъ удивительный порядокъ. У эскимосовъ, напримѣръ, не было никакого правительства. Не зная начальства, эскимосы живутъ очень мирно. У нихъ почти что не бываетъ ссоръ. На эскимосскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ бранныхъ словъ. Преступленія среди эскимосовъ чрезвычайно рѣдки. Обидчиковъ или преступниковъ обличаютъ во время общественныхъ празднествъ и игръ. Одобреніе или неудовольствіе собравшихся замѣняютъ судебный приговоръ. Иногда осужденный человѣкъ долженъ удалиться отъ осудившаго его общежитія эскимосовъ.

---

*) Необходимость объединенія наблюдается, впрочемъ у всѣхъ жизнеспособныхъ существъ.

Таковы нравы гренландскихъ эскимосовъ и надо замѣтить, что они—общинники (коммунисты). Между ними нѣтъ людей, которые не имѣли бы всего необходимаго для жизни.

Любопытно, что въ этихъ, незнающихъ государственной власти обществахъ „нѣтъ,—по словамъ Энгельгардта—классовъ, сословій; у нихъ нѣтъ злости, нѣтъ мстительности; у нихъ отсутствуетъ жестокость и властолюбіе“, а „отсутствіе жестокости, насилія и угнетенія естественно связано съ отсутствіемъ чувствъ, являющихся послѣдствіемъ насилія—коварства, подлости и проч.“ „Алеуты, по словамъ Веньяминова, проживавшаго въ средѣ ихъ десятки лѣтъ, никогда не дерутся и не ругаются, не бьютъ и не бранятъ дѣтей, такъ что и дѣти не умѣютъ браниться и драться.

Отсутствіе ссоръ у эскимосовъ сѣверо-восточной Гренландіи поражаетъ европейскихъ путешественниковъ; цѣлый годъ, напр. живутъ сто семей подъ одной кровлей въ общемъ домѣ, и за все это время ни разу не возникаетъ не то что драки, а сколько нибудь крупнаго недоразумѣнія, перебранки. У караимовъ, по словамъ Лаво, не бываетъ дракъ, а самое сильное наказаніе ребенка заключается въ томъ, что мать или отецъ брызжетъ ему въ лицо водою“. (По кн. И. В. Богословскаго. Вопросы жизни).

„Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ австралійскихъ племенъ, по свидѣтельству Эйра, не было найдено признаннаго начальника“,— говоритъ профессоръ Н. Зиберъ.

„Безъ видимыхъ властителей,—писалъ объ индѣйцахъ Сѣверной Америки Шарльвуа,—они пользуются всѣми выгодами благоустроеннаго правительства“.

„Когда я жилъ между южно-американскими дикарями и на востокѣ,—писалъ знаменитый ученый Уоллесъ,—то мнѣ случалось проживать въ такихъ общинахъ, гдѣ не имѣлось ни законовъ, ни судовъ, ничего, кромѣ свободно выраженнаго мнѣнія всей деревни. Здѣсь каждый самымъ совѣстливымъ образомъ уважаетъ право другого, такъ что здѣсь никогда или почти никогда не случается никакого нарушенія этихъ правъ. Въ такой общинѣ всѣ приблизительно равны между собой“.

У юкагировъ „не признается никакого начальства и индивидуальная (личная) свобода уважается до такой степени, что даже сынъ не считается обязаннымъ повиноваться отцу“. (Н. Зиберъ).

„Общественная жизнь берберовъ представляетъ намъ рѣдкій примѣръ весьма совершеннаго строя, поддерживаемаго безъ участія или вмѣшательства какой-либо выдѣленной изъ народа власти“. Здѣсь всѣ работаютъ ручнымъ трудомъ. „У нихъ не существуетъ дѣленія общества на знатныхъ и незнатныхъ, на ничего не дѣлающихъ и трудящуюся массу, прокармливающую господъ“. (Э. Ренанъ, А. Помель, по книгѣ Л. Мечникова).

Такимъ образомъ, даже въ наше время существовали безгосударственныя общежитія, вольныя общества.

Безгосударственными остались только тѣ общества, которыя не подверглись внѣшнему нападенію-насилію или которыя отбили такія нападенія. Многія, едва ли не всѣ, избѣжавшія нападенія общежитія избѣгли его потому, что страна въ которой онѣ жили не представляла для побѣдителей чего либо интереснаго ни по климату, ни по богатству жителей.

Эти не знающіе государственной принудительной власти общества, затерянныя въ бѣдныхъ уголкахъ земнаго шара, не могли быть показателями того благосостоянія, котораго достигли бы вольныя, не знающіе принудительной власти общества попавшія въ обычныя, не столь неблагопріятныя для существованія условія.

Впрочемъ, жители безгосударственныхъ мѣстностей жили лучше нашихъ бѣдняковъ, а иногда и пролетаріевъ.

Государство появилось, какъ слѣдствіе насилія. Государство родилось изъ нападенія, – писалъ Г. Спенсеръ. И это обстоятельство отразилось на всей дѣятельности государства. Гдѣ не было и нѣтъ принужденія—насилія, тамъ нѣтъ и государства.

Ни по своему происхожденію, ни по своей дѣятельности принудительная власть не имѣетъ ничего загадочнаго. Это — просто хорошо устроенное постоянное насиліе, около котораго въ скоромъ времени обвилисъ ядовитыя цвѣты обмана и лицемѣрія правителей и купленныхъ ими людей.

Государственная принудительная власть не имѣетъ ничего общаго съ духовнымъ вліяніемъ одного лица на другое и попытки соединить эти понятія въ одно оказалисъ неудачными.

Л. Н. Толстой указываетъ на разницу этихъ понятій и объясняетъ, чѣмъ является государственная власть. „Человѣкъ, подчиняющійся вліянію духовному, дѣйствуетъ соотвѣтственно своимъ желаніямъ,—говоритъ Толстой,—власть же, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, есть средство принужденія человѣка поступать противно своимъ желаніямъ. Человѣкъ подчиняющійся власти, дѣйствуетъ не такъ, какъ хочетъ, а такъ какъ его заставляетъ дѣйствовать власть. Заставлять же человѣка дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, чего онъ нехочетъ, можетъ только физическое насиліе или угроза имъ, то есть, лишеніе свободы, побои, увѣчья или легко исполнимая угроза исполненія этихъ дѣйствій. Не смотря на неперестающія усилія находящихся во власти людей скрыть это и придать власти другое значеніе, власть есть приложеніе къ человѣку веревки, цѣпи, которой его свяжутъ и потащутъ, или кнута, которымъ его будутъ сѣчъ, или ножа, топора которымъ ему отрубятъ руки, ноги, носъ, уши, голову, приложеніе этихъ средствъ или угроза ими. И такъ это было при Неронѣ и Ченгисъ-ханѣ и такъ это и теперь при самомъ либеральномъ правленіи и американской и французской республикѣ. Если люди подчиняются власти, то только

потому, что въ случаѣ неподчиненія ихъ, къ нимъ будутъ приложены эти дѣйствія. Всѣ правительственныя требованія:—уплаты податей, исполненія общественныхъ дѣлъ, подчиненія себя налагаемымъ наказаніямъ, изгнанія, штрафы и т. п., которымъ люди какъ бы подчиняются добровольно, въ основѣ всегда имѣютъ тѣлесное насиліе".

И такъ, обладающіе принудительной властью правители причиняютъ людямъ тяжелыя страданія. Гдѣ государство,—тамъ всегда имѣются палачи въ мундирахъ или въ сюртукахъ, утонченно лютые или спроста свирѣпые палачи.

Государство неразрывно связано съ принудительной властью. Не всякое общество является поэтому государствомъ, но всякое государство является вмѣстѣ съ тѣмъ и обществомъ, при чемъ самодѣятельность этого общества подавлена государствомъ. Ясно, что возможно и общество—не государство, вольное, не знающее принудительной власти правителей общество.

М. А. Бакунинъ указываетъ что общество отличается отъ государства, тѣмъ, что оно является естественной формой существованія человѣчества, что оно управляется нравами, привычками людей, но не законами. Оно идетъ впередъ благодаря толчкамъ, которые даются ему почином отдѣльныхъ лицъ, но не потому, что его толкаетъ впередъ мысль и воля законодателя.

Утверждая, что люди должны жить въ государствахъ, а не въ вольныхъ общежитіяхъ, обыкновенно говорятъ, что люди слишкомъ испорчены для того, чтобы жить безъ приказовъ начальниковъ.

Монахи — аскеты востока — изобрѣли всевозможныя пытки, чтобы улучшить человѣка, чтобы выдворить дьявола, обитающаго въ каждомъ. Намъ смѣшно это теперь,—говоритъ П. А. Кропоткинъ,—но тѣ же самые взгляды, модернизованные, передѣланные на новый ладъ и смягченные научной болтовней, побуждаютъ ученыхъ мудрецовъ утверждать, что безъ жандармовъ и тюремщиковъ человѣкъ не можетъ жить въ обществѣ".

Нельзя смѣшивать уничтоженіе принудительной власти съ уничтоженіемъ творчества общественной жизни. Государство можно, конечно, уничтожить. „Что же касается общества,—какъ говоритъ анархистъ Тэкеръ,—то анархисты не убили бы его, если бы могли и не могли бы убить его, если бы даже хотѣли этого".

Правители.

„Больные, страдающіе маніей величія, очень опасны".

Правительство, это—группа лицъ, имѣющая „возможность заставлять подчиняться своей волѣ" другихъ людей. Л. Н. Толстой, вмѣсто словъ „другихъ людей" пишетъ „большинство народа", что вѣрно для настоящаго времени и для длиннаго ряда предшествующихъ вѣковъ.

Нерѣдко власть сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ правители взаимно ограничиваютъ другъ друга, но, въ цѣломъ, какъ группа правителей, стремятся къ полнотѣ власти, къ простому произволу или къ произволу, основанному на законѣ, и добиваются этой цѣли, если только подвластные не ставятъ предѣла этому произволу.

Ограниченіе предѣловъ власти разныхъ категорій правителей нужно самимъ правителямъ, такъ какъ такимъ образомъ они увеличиваютъ всю сумму власти надъ подданными.

Полнота, а точнѣе, произволъ власти,—характерная черта современныхъ государствъ. Но грубый произволъ вызываетъ рѣзкіе протесты подвластныхъ. Въ силу этого умные правители позволяютъ себѣ роскошь выходящаго за „законныя" рамки произвола только тогда, когда опасность грозитъ благосостоянію или даже существованію правителей. Правители не стѣсняются вводить въ этихъ случаяхъ такъ-называемое „военное положеніе" въ самыхъ демократическихъ республикахъ. Военное же положеніе, это—безграничный произволъ и терроръ правителей.

Правители не менѣе, а зачастую болѣе, чѣмъ капиталисты и землевладѣльцы, обираютъ трудящееся населеніе, взимая съ него разные налоги и подати.

И вотъ, для того, чтобы сбирать съ подданныхъ подати и держать ихъ въ повиновеніи, правители дѣлятся на группы, задачи которыхъ будто бы строго разграничены. Законодатели, судьи и чиновники—исполнители представляютъ изъ себя группы со строго будто бы раздѣленными функціями (дѣятельностью). Въ сущности же, эти функціи не могутъ быть строго разграничены, а затѣмъ, только смѣшивая понятія, можно сказать, что эти „раздѣлившіе" власть правители тѣмъ самымъ ограничили ее. Въ сущности же, „раздѣленіе власти" только усилило власть правителей, какъ раздѣленіе труда усиливаетъ его производительность.

И такъ, правители распадаются на нѣсколько группъ. Законодатели указываютъ, въ чемъ именно заключается воля правителей. Судьи приказываютъ мучить людей, нарушающихъ эту волю. Полиція это—сборище насильниковъ, прибѣгающихъ и къ убійству для того, чтобы была исполнена воля правителей.

Армія, это — подчиненныя извѣстнымъ правиламъ люди, большая часть которыхъ, путемъ угрозъ муками и путемъ мученій, обращена въ дисциплинированныхъ и обученныхъ убійству вооруженныхъ рабовъ; другая же часть этой арміи, состоящая изъ членовъ правительства, командуетъ этими рабами для пользы правителей.

Среди правителей или лицъ, находящихся на жалованьи правителей особенно замѣтны:—1) учителя, главнѣйшая обязанность которыхъ сводится, какъ къ подготовкѣ вѣрныхъ правительству подвластныхъ, такъ и къ подготовкѣ нужныхъ правительству помошниковъ и замѣстителей правителей, 2) духовенство, дѣятельность котораго, поскольку она сводится къ чиновничьей дѣятельности, заключается въ восхваленіи правителей и въ проповѣди необходимости покоряться правителямъ, 3) сборщики податей, въ распоряженіи которыхъ, какъ и въ распоряженіи судей, находятся убійцы и мучители, 4) чиновники, задача которыхъ заключается въ подавленіи разнообразныхъ проявленій протеста подвластныхъ, при чемъ наиболѣе свирѣпыми и безнравственными изъ нихъ являются судьи-подстрекатели всевозможныхъ палачей: отъ тюремщиковъ до душителей людей.

Правители организованы іерархически: низшіе подчинены высшимъ, а тѣ еще болѣе высшимъ, вплоть до главныхъ правителей.

Главные правители разрѣшаютъ соглашеніями непредусмотрѣнные конфликты (столкновенія) между собою. Остальные же члены іерархіи повинуются главнымъ правителямъ или потому, что подкуплены деньгами (жалованьемъ) и заинтересованы въ поддержкѣ правительства, частью котораго они являются, или же потому, что имъ грозятъ, въ случаѣ неповиновенія, лишеніями и мученіями, которымъ они будутъ подвергнуты по распоряженію главныхъ правителей.

Низшіе исполнители повелѣній правителей, напримѣръ, солдаты, присяжные засѣдатели, сельскіе полицейскіе низшихъ ранговъ завербовываются на службу правительства силою, угрозами тяжкихъ и легкихъ наказаній.

Среди подкупленныхъ и безкорыстно служащихъ правительству чиновниковъ и навербованныхъ людей попадаются и такіе, которые убѣждены, что правителей надо слушаться потому, что такое послушаніе полезно людямъ.

Правителямъ выгодно имѣть въ своихъ рядахъ и глупыхъ людей, не разбирающихся въ томъ, гдѣ добро, гдѣ зло, но вмѣстѣ съ тѣмъ людей, убѣжденныхъ въ правотѣ правителей. Такого человѣка выгодно держать на виду, поставивъ его, хотя бы и

номинально, во главѣ правительства. Онъ импонируетъ подвластнымъ увѣренностью въ правотѣ своего дѣла. Особенно пригодны для такой цѣли наслѣдственные монархи, съ молодыхъ лѣтъ дрессируемые такъ, что они проникаются сознаніемъ „святости“ своей власти. Такіе цари, какъ бы глупы и ничтожны они ни были, все же импонировали части населенія. Пригодны для такой роли и фанатики-вожди политическихъ партій. На сравнительно низшихъ должностяхъ мы встрѣчаемся съ судьями, которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ убѣждали профессора разныхъ правъ въ „святости“ судейской миссіи.

Изъ числа правителей мы выдѣлимъ судей и остановимся на ихъ дѣятельности, главнымъ, образомъ, что эта группа чиновниковъ пользуется особымъ почтеніемъ у буржуазіи. Буржуазное правительство даетъ имъ очень много денегъ, подкупаетъ ихъ за дорогую цѣну. Чѣмъ болѣе свирѣпыя наказанія долженъ назначить судья, тѣмъ больше уважаетъ буржуазія, тѣмъ больше денегъ даетъ ему правительство.

Особенно дорого платитъ правительство тѣмъ судьямъ, которые приняли на себя обязанность приказывать другимъ людямъ (палачамъ) душить или рѣзать людей.

Оно и понятно, почему буржуазія уважаетъ, а правители большими деньгами подкупаетъ судей. Эти судьи горой стоятъ за правителей, приказывающихъ мучить людей, не исполняющихъ приказовъ-законовъ этихъ же правителей; они горой стоятъ за буржуазію, наказывая людей, которые наносятъ ей или только думаютъ нанести ей имущественный ущербъ. Но они не наказываютъ буржуа и правителей, постоянно наносящихъ ущербъ рабочему люду.

Судьи занимаются тѣмъ, что подстрекаютъ палача или тюремщика мужчинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ, больныхъ и здоровыхъ, разъ только они по бѣдности, по неразумію, по велѣнію своей совѣсти, или по какой либо другой причинѣ, нарушили приказъ-законъ правительства.

Бываетъ и такъ, что судья приказываетъ мучить или убить человѣка, такъ какъ ему показалось, что этотъ человѣкъ нарушилъ законъ.

И зачастую,—даже очень часто, къ сожалѣнію,—судъ, какъ двѣ капли воды, походитъ на подлую травлю подсудимаго, напрасно доказывающаго свою невиновность.

Судьи гражданскаго процесса помогаютъ эксплуататорамъ подѣлить награбленную добычу.

Нравственная испорченность судей позволяетъ имъ считать себя порядочными людьми и даже посторонніе люди считаютъ ихъ таковыми, не смотря на ихъ палаческія занятія. Вѣдь приказывать мучить и душить людей такъ же скверно, какъ самому мучить или душить ихъ. Къ тому же, судья приказываетъ въ теченіи своей жизни замучить столько людей, что на это требуется очень много палачей.

Умѣя внушить себѣ почтеніе не очень сильныхъ умственно лицъ, судьи чрезвычайно полезны для правителей, но очень опасны для подвластныхъ.

Подвластные не очень то уважаютъ своихъ законодателей, нерѣдко глубоко презираютъ представителей исполнительной власти, но, по странному недоразумѣнію, съ уваженіемъ относятся, (по крайней мѣрѣ, въ демократіяхъ) къ судьямъ.

Мы знаемъ, что имѣются и свирѣпые, и глупые, и безчестные законы. Хотя судья толкуетъ законы такъ, какъ находитъ нужнымъ, все же онъ обязуется примѣнять всѣ существующіе законы. Приказывая мучить человѣка, который отказался повиноваться какому либо закону, судья приказываетъ примѣнять силу и противъ тѣхъ, кто считаетъ законъ или данное ему судьей толкованіе нелѣпостью и подлостью.

Даже гражданскій процессъ грозитъ насиліемъ человѣку, не желающему подчиниться рѣшенію судьи.

Судьи, то есть, подстрекатели палачей, тюремщиковъ и другихъ насильниковъ, это — одни изъ самыхъ развращенныхъ людей въ мірѣ. Они меньше считаются съ человѣческимъ достоинствомъ, чѣмъ самые послѣдніе хулиганы.

Необходимымъ придаткомъ судейской дѣятельности является выслѣживаніе тайнъ, шпіонство, предательство. Подъ видомъ свидѣтельскихъ показаній, судья требуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ людей самаго подлаго предательства, требуетъ съ непостижимой наглостью и опять таки угрожая мучить тѣхъ, кто не согласится на такое позорное дѣяніе.

Эти презрѣнные люди, эти судьи, требуютъ для себя особаго почета и большого жалованья. Ихъ окружаютъ почтеніемъ, имъ даютъ много денегъ и люди думаютъ, что уваженіе и правительственный подкупъ могутъ гарантировать безпристрастіе судей, хотябы на почвѣ примѣненія закона.

Но эти въ конецъ развращенные люди не могутъ быть безпристрастными. Слишкомъ глубоко ихъ нравственное паденіе. Они поддерживаютъ правителей и эксплуататоровъ даже въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда законъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, оказывается на сторонѣ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ.

Характерна въ этомъ отношеніи дѣятельность американскихъ судей или дѣятельность бывшаго русскаго сената. Нельзя не удивляться, наблюдая, какъ безчестно ведутъ себя эти судьи въ спорахъ между буржуазіей и наемными рабочими, всегда выступая противъ первыхъ.

Искаженіе закона путемъ его толкованія въ пользу эксплуататоровъ и угнетателей — обычное дѣло разныхъ судовъ.

Даже примѣняя уголовный законъ, судья зачастую обрушиваетъ тягчайшую изъ степеней наказанія на лицъ изъ трудящихся классовъ общества и легчайшую на тѣхъ, кто близокъ къ судьямъ по классу, по воззрѣніямъ и пр..

Нѣтъ безпристрастнаго судьи. Нѣтъ и судьи, способнаго охватить всю жизненную сложность разбираемыхъ имъ дѣлъ. Нѣльзя утѣшаться и тѣмъ, что обычно нелѣпый сводъ обычно глупыхъ законовъ выведетъ судью на вѣрную дорогу.

Дѣятельность судей позорна, такъ какъ она вся основана на насиліи беззащитнаго. По приказу судьи вся сила государства давитъ, въ лицѣ разныхъ палачей, на слабаго подсудимаго.

Мы не будемъ много говорить о дѣятельности такъ называемыхъ военныхъ судей. Правители назначаютъ на эти мѣста или особо неразвитыхъ, особо тупоумныхъ или особо свирѣпыхъ и злобныхъ людей, примѣняющихъ къ попавшимъ имъ людямъ, обычно не совершившимъ ничего плохого или злого, самыя дикія, самыя нечеловѣческія муки.

Изъ того, что судьи окружены почетомъ, вовсе не слѣдуетъ, что ихъ дѣятельность почетна или полезна. Бывали и такія общежитія, которыя окружали почетомъ палача. Почему же не окружить почетомъ и подстрекателя къ палачеству? Бывали общежитія, гдѣ судья былъ въ тоже время и палачемъ и такому судьѣ пожимали руку.

Тѣмъ не менѣе, передъ нами повсюду стоитъ одна картина:— „съ одной стороны заключенный, посаженный подобно дикому звѣрю въ желѣзную клѣтку, доведенный до полнаго упадка умственныхъ и нравственныхъ силъ; съ другой—судья, лишенный всякаго человѣческаго чувства, живущій въ мірѣ юридическихъ фикцій, посылающій людей на гильотину со сладострастіемъ и холоднымъ спокойствіемъ сумашедшаго, не сознающій даже до какого паденія онъ дошелъ“. (П. Кропоткинъ).

И только тогда, когда человѣчество устроится на анархическихъ началахъ, только тогда „такихъ судей, которые осуждаютъ на цѣлые года голода и лишеній и на смерть отъ истощенія ни въ чемъ неповинныхъ женъ и дѣтей приговариваемыхъ людей—такихъ звѣрей не существовало бы“. (П. А. Кропоткинъ).

Да и вообще, эта порода звѣрья изчезла бы тогда съ лица земли.

Въ средніе вѣка, и нѣсколько позднѣе, судьи приказывали пытать на своихъ глазахъ людей за то, что они по своему, а не по ихнему, вѣрили въ Христа, въ Іегову или Аллаха. Они приказывали жечь огнемъ и раскаленнымъ желѣзомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, тянуть изъ нихъ жилы, ломать имъ кости, рѣзать и колоть тѣла, уродовать людей и выдумывали для нихъ невѣроятныя мученія.

Первыми негодяями на всемъ земномъ шарѣ были тогда судьи и только по тому, что ихъ называли судьями, потому, что они ссылались на законъ, эти злодѣи и сумашедшіе творили свои злодѣянія безнаказанно и насмѣхались надъ всѣмъ, что было хорошаго въ человѣчествѣ.

Современные судьи недалеко ушли отъ своихъ предшественниковъ и между ними не мало злодѣевъ и даже полусумашед-

шихъ, свирѣпыми или насмѣшливыми глазами посматривающими вокругъ послѣ того, какъ ни за что, ни про что они послали человѣка на долгіе годы, а иной разъ и на десятки лѣтъ, въ тюрьму.

Какъ судьи короля Филиппа испанскаго заживо погребали въ Нидерландахъ дѣвушекъ, такъ и современные судьи заживо погребаютъ въ каменныхъ гробахъ попавшихъ имъ въ лапы людей.

Судья „съ насмѣшливыми глазами", это — опаснѣйшій изъ тупоумныхъ преступниковъ. Это—нравственно помѣшанный, несчастный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвратительный маньякъ, посматривающій съ сумашедшей улыбкой на губахъ и въ глазахъ на здоровыхъ людей, которые не догадались помѣстить его для леченія въ сумашедшій домъ. Онъ радъ, что ему вручили право жизни и смерти надъ здоровыми людьми, но не можетъ совладать со своимъ сумашествіемъ, и за полные пустяки, лишь бы доставить себѣ удовольствіе взглянуть на ужасъ осужденнаго на погребеніе заживо человѣка, назначаетъ ему 10, 20, 30 лѣтъ тюрьмы. Ужасъ! Сумашедшій, издѣвающійся надъ свободными и надъ схваченными и приведенными къ нему на судъ людьми!.

Среди такихъ судей неизгладимыми буквами записалъ свое имя въ исторіи цивилизаціи и въ исторіи рабочихъ союзовъ австралійскій судья Принґъ, осудившій въ 1916-мъ году 12 „Промышленныхъ рабочихъ Міра": шестерыхъ онъ заточилъ въ тюрьму на 15 лѣтъ, каждаго, пятерыхъ—на 10 лѣтъ, каждаго и одного —на пять лѣтъ. Онъ обвинилъ ихъ за то, что они были противъ войны, заявивъ, что они виновны въ заговорѣ и измѣнѣ. Возможно, что Прингъ былъ просто сумашедшимъ, умѣло скрывающимъ свою болѣзнь субъектомъ, возможно, что онъ былъ первымъ злодѣемъ Австраліи, но интересно, что онъ и послѣ этого приговора продолжалъ судить людей, хотя и написалъ въ немъ сумашедшую фразу, что „Промышленные Рабочіе Міра" есть организація преступниковъ худшаго сорта и пристанище злодѣяній.

Судейское званіе даетъ злодѣямъ и сумашедшимъ возможность губить людей и клеветать на организаціи рабочихъ.

Левъ Николаевичъ Толстой, въ старости, былъ всецѣло проникнутъ духомъ всепрощенія, но по адресу судей и у него вырвалась рѣзкая фраза. По поводу судьи, приговорившаго человѣка къ смерти, то есть по поводу человѣка, приказавшаго убить другого человѣка, Л. Н. заявилъ: — „воръ за три рубля вещи продаетъ. Судья за нѣсколько полтинниковъ жизнь человѣческую продаетъ. Вора мы бранимъ, презираемъ, прогоняемъ, а судью мы принимаемъ и за столъ сажаемъ. Страшно. А вѣдь, уже кого въ шею вытолкать, то этого".

Какой то не очень умный баринъ заступился за судей и разсказалъ, что знакомый ему судья приговариваетъ не за деньги, что этотъ судья говорилъ ему, что приговаривать къ смертной казни непріятно.

Въ двухъ словахъ Л. Н. Толстой замѣтилъ, что этими словами какъ разъ и доказывается, что судья понималъ, что имъ дѣлается нехорошее дѣло, что именно за получаемое жалованье, за деньги онъ убивалъ людей.

Тысячилѣтіями приговариваютъ судьи людей, преступившихъ и не преступившихъ законы, къ тяжкимъ мученіямъ, а преступность и не подумала исчезнуть съ лица земли. Порожденное соціальной неурядицей явленіе нельзя устранить свирѣпостью разныхъ господъ. Зачастую, по мѣрѣ усиленія свирѣпости наказаній, увеличивалось количество преступленій.

Только въ зависимости отъ улучшенія жизненныхъ условій, уменьшается преступность. Ничего не понимаютъ въ этомъ тѣ люди съ больной нравственностью, которыхъ называютъ судьями.

Въ Америкѣ нашелся, впрочемъ, рѣдкостный судья, отказавшійся отъ этой должности. „Я усталъ отъ судопроизводственной комедіи,—заявилъ судья Джонъ Стевенсонъ.—Отправленіе того, что называютъ правосудіемъ, это комедія, которая стала для меня столь отвратительной, что я не могу болѣе участвовать въ ней.

Что получится, если я пошлю въ тюрьму пьянствующаго человѣка? Пока онъ въ тюрьмѣ, его жена и дѣти не получаютъ отъ него денегъ и онъ снова начинаетъ пьянствовать, какъ только выйдетъ изъ тюрьмы.

Когда я посылаю въ тюрьму вора, развѣ я дѣлаю этимъ вора или общество лучшими? Нѣтъ! Выйдя изъ за рѣшетки, онъ начинаетъ воровать и становится рецедивистомъ.

Если я посылаю въ тюрьму женщину за плохое поведеніе, развѣ это можетъ помѣшать тому, что имѣются проститутки, развѣ это уменьшаетъ ихъ число? Нѣтъ, такъ какъ это зависитъ отъ соціальныхъ условій, а въ эту область суды не могутъ вмѣшиваться.

Но, не говоря о немногихъ просто ошибающихся людяхъ, судьи, особенно судьи-человѣкоубійцы, эти воры человѣческой свободы и жизни, являются или преступниками, или нравственно помѣшанными людьми.

Въ низшихъ рядахъ правительственной іерархіи попадаются иногда лица, возмущающіяся палаческими функціями правительства и противодѣйствующія послѣднему. Если высшіе правители узнаютъ объ этомъ, они удаляютъ такихъ лицъ изъ рядовъ правительства и наказываютъ, то есть, мучаютъ ихъ.

Каждому члену правительственной іерархіи предоставлена доля власти надъ подданными, но онъ—рабъ высшихъ чиновъ іерархіи, исполнитель ихъ приказаній, которыя часто называются законами.

Каждый членъ развитой правительственной іерархіи, властвуя, подчиняется и прячется за спину другого властителя, а всѣ пра-

вители вмѣстѣ прячутся за законъ, какъ будто законъ не является простымъ выраженіемъ воли высшихъ правителей, обычно тождественной съ волей богатыхъ классовъ общества.

Каждый правитель оправдываетъ свое поведеніе даже тогда, когда самъ понимаетъ, что оно приноситъ вредъ людямъ и ссылается при этомъ на волю другихъ людей, какъ бы не понимая, что такая ссылка ничего не оправдываетъ. „Я очень сожалѣю о томъ, что долженъ предписывать отобраніе произведеній труда, заключеніе въ тюрьму, изгнаніе, каторгу, казнь, войну, то есть, массовое убійство, но я обязанъ поступить такъ потому, что этого самаго требуютъ отъ меня люди, находящіеся во власти. Если я отнимаю у людей собственность, хватаю ихъ отъ семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю ихъ, стрѣляю въ города по женщинамъ и дѣтямъ, то я дѣлаю это не на свою отвѣтственность, а потому что исполняю волю высшей власти, которой я обѣщалъ повиноваться для блага общаго“. (Л. Н. Толстой).

Конечно, это—оправданіе подкупленныхъ людей, которымъ перестаютъ выдавать жалованье, разъ только они вздумаютъ поступать по совѣсти.

Высшіе же правители, опять таки преслѣдуя свои личные интересы, еще охотнѣе ссылаются на „общее благо“, какъ разъ тогда, когда творятъ зло и оправдываютъ, такимъ образомъ, удивительно подлые поступки.

Исторія указываетъ, что до сихъ поръ власть почему-либо утраченная одними правителями подхватывалась другими. Въ современныхъ демократическихъ республикахъ предусмотрѣно закономъ, то есть, тѣми же правителями, при какихъ условіяхъ одни правители должны уступить власть другимъ. Все одни и тѣ же правители скорѣе надоѣли бы подвластнымъ и такія смѣны начальства поддерживаютъ самый институтъ власти.

Но если правительство—эта шайка мучителей—вредно для людей, то естественно его надо уничтожить. Тѣмъ не менѣе, часто приходится слышать, что не „правительство“ вредно для общежитія людей, а какое-нибудь опредѣленное правительство, какая-либо опредѣленная его организація. При этомъ говорятъ иногда, что только правительство, реорганизованное на новыхъ началахъ, напримѣръ, республиканскихъ, явится полезнымъ факторомъ народной жизни.

Всѣ, говорящіе такимъ образомъ, забываютъ, что всякая власть, при всякихъ условіяхъ неизбѣжно развращаетъ правителей. Палачъ, какъ таковой, не можетъ быть полезенъ пытаемому, хотя, имѣются болѣе и менѣе мучительныя пытки, но вѣдь палачъ, именно потому, что онъ палачъ, не можетъ отмѣнить пытку.

Къ правительству, измѣнившему свою форму и утверждающему, что, поэтому, оно стало полезнымъ народу, надо отнестись такъ, какъ отнесся крестьянинъ къ змѣѣ, смѣнившей свою кожу и потому предлагавшей крестьянину подружиться съ нею. Крестьянинъ отвѣтилъ на это предложеніе ударомъ топора.

Сущность власти одна и та же, какова бы ни была ея форма и какъ бы часто не мѣнялись правители, правительство остается страшно вреднымъ для населенія учрежденіемъ.

Не говоря о томъ, что „господство людей, называющихъ себя правительствомъ, не совмѣстимо съ моралью, основанной на солидарности", (П. А. Кропоткинъ), укажемъ, что исторія всѣхъ государствъ доказала развращающее вліяніе власти на правителей.

„Насильничество и несправедливость властителей,—давно уже говорилъ Адамъ Смитъ,—есть старое зло, противъ котораго, какъ я опасаюсь, природа человѣческихъ дѣлъ едва ли найдетъ цѣлебное средство".

„Свойства привилегированнаго человѣка,—говорилъ М. А. Бакунинъ,—таковы, что они отравляютъ духъ и сердце человѣка. Этотъ законъ соціальной жизни, который не допускаетъ никакихъ исключеній, примѣнимъ, какъ къ цѣлымъ народамъ, такъ и классамъ и къ единичнымъ лицамъ".

„Люди,—писалъ Л. Н. Толстой,—вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности, то есть, къ подчиненію общихъ интересовъ личнымъ, чѣмъ люди, не имѣющіе власти, какъ это и не можетъ быть иначе". „Разсчетъ или даже безсознательное стремленіе насилующихъ всегда будетъ состоять въ томъ, чтобы довести насилуемыхъ до неизбѣжнаго ослабленія, такъ какъ, чѣмъ слабѣе будетъ насилуемый, тѣмъ меньше потребуется усилій для подавленія его". „Нѣтъ тѣхъ ужасающихъ преступленій, которыхъ не совершили бы люди, составляющіе часть правительства и войско по волѣ того, кто случайно можетъ встать во главѣ". (Л. Н. Толстой).

Подчиненіе всегда оскорбительно и тягостно для взрослаго человѣка.

Власть,—эта моральная язва,—развращаетъ и подчиняющихъ и подчиненныхъ. Правительство противодѣйствуетъ серьезнымъ порывамъ людей къ самосовершенствованію. Такое совершенствованіе неизбѣжно порождаетъ протестъ противъ поработителей и, въ конечномъ счетѣ, противъ всякаго правительства. И конечно, нельзя не развратиться, борясь съ попытками людей совершенствоваться.

Элизе Реклю объясняетъ причины неизбѣжнаго, такъ сказать, развращенія правителей. „Правителямъ, говоритъ онъ,—„предоставлены высшія должности, больше власти и больше содержанія, чѣмъ остальнымъ ихъ согражданамъ и это почти поневолѣ за-

ставляетъ ихъ считать себя выше обыкновенныхъ людей, а между тѣмъ, всевозможныя искушенія, которымъ подвергаетъ ихъ занимаемое ими положеніе, почти фатально заставляетъ ихъ падать ниже общаго уровня".

Даже А. Менгеръ,—противникъ анархизма,—признаетъ развращающее вліяніе власти, категорически заявляя:—„опытъ всѣхъ временъ говоритъ, что господствующіе классы всегда злоупотребляли своею властью, чтобы обезпечить себѣ привилегированное положеніе".

Развращенные правители не могутъ не развращать подвластныхъ, обращая ихъ въ орудія насилія. Одна изъ особенностей правительствъ заключается въ томъ,—говорилъ Л. Н. Толстой,—„что они требуютъ отъ гражданъ того самаго насилія, которое лежитъ въ основѣ ихъ и поэтому въ государствѣ всѣ граждане стали угнетателями самихъ себя".

Въ самомъ дѣлѣ, правители угрозами мученій заставляютъ гражданъ служить въ солдатахъ, а этихъ солдатъ посылаютъ на усмиреніе недовольныхъ гражданъ. Правители заставляютъ гражданъ быть присяжными засѣдателями и пр.

Ужъ одно то, что и государственная власть немыслима безъ мученій, а государство не мыслимо безъ такой принудительной власти, заставляетъ смотрѣть на государство, какъ на нежелательное учрежденіе.

Правда, правители приводятъ много доказательствъ въ пользу того положенія, что они должны мучить неповинующихся имъ людей, но тотъ фактъ, что мученіе, въ особенности же мученіе беззащитнаго (правительство лишаетъ возможности сопротивляться тѣхъ, кого мучитъ) противно нормальнымъ и не глупымъ людямъ, этотъ фактъ остается въ силѣ.

Но дѣло не въ количествѣ доводовъ, а въ ихъ убѣдительности. Самый сурьезный, не смѣшной, (какъ смѣшны ссылки на велѣнія боговъ), доводъ правителей изложенъ Л. Н. Толстымъ въ слѣдующихъ словахъ:—„всѣ люди, находящіеся во власти, утверждаютъ, что власть нужна для того, чтобы злые не насиловали добрыхъ, подразумѣвая подъ этимъ то, что они-то суть тѣ самые добрые, которые ограждаютъ другихъ добрыхъ отъ злыхъ", но,— продолжаетъ Л. Н. Толстой,—„для того, чтобы захватить власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбіе же соединяется не съ добротою, а съ противоположными добротѣ качествами—съ гордостью, хитростью, жестокостью. Безъ увеличенія себя и униженія другихъ, безъ лицемѣрія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ не можетъ ни возникнуть, ни держаться ни какая власть".

Человѣкъ, считающій себя добрѣе и лучше своихъ знакомыхъ, обычно ошибается. Считать же себя добрѣе и лучше тѣхъ, кого не знаешь,—очень не умно. Но цинизмомъ глупости надо

назвать утвержденіе, что добрый человѣкъ долженъ мучить или, что еще хуже, приказывать мучить другихъ, хотя бы и злыхъ людей.

„Правительства не только военныя,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Толстой;—но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю—полезны, но безвредны только въ томъ случаѣ, если бы они состояли изъ непогрѣшимыхъ святыхъ людей, какъ это и предполагается у китайцевъ. Но вѣдь правительства, по самой дѣятельности своей, состоящей въ совершеніи насилій, всегда состоятъ изъ самыхъ противоположныхъ святости элементовъ, изъ самыхъ дерзкихъ, грубыхъ и развращенныхъ людей.

Всякое правительство по этому, а тѣмъ болѣе правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное въ мірѣ учрежденіе".

Цѣпи, которыми сковываютъ руки и ноги человѣка, а иногда приковываютъ на долгіе годы къ стѣнѣ или къ тачкѣ, розги и плети, (между прочими странами и въ будто-бы цивилизованной Англіи), удушеніе путемъ стягиванія веревкой горла, отрѣзаніе головы или сожженіе живьемъ электрическимъ токомъ, запрятываніе человѣка на многіе годы въ желѣзную клѣтку или въ каменный мѣшокъ и многое множество другихъ болѣе слабыхъ и болѣе страшныхъ мученій обрушивается правителями на нарушающихъ ихъ приказы лицъ.

Къ числу мученій правители давно уже присоединили то томленіе, въ которое они повергаютъ осужденнаго человѣка, ожидающаго неизбѣжнаго задушенія веревкой или отрѣзанія головы. Правители называютъ это варварское свое дѣйствіе осужденіемъ на смертную казнь. Но всякая смертная казнь является ничѣмъ инымъ, какъ предумышленнымъ убійствомъ съ рядомъ отягчающихъ обстоятельствъ, при чемъ судья-правитель, по приказу другихъ правителей, даетъ въ этомъ случаѣ приказъ одному человѣку убить другого человѣка; въ этомъ случаѣ непосредственному убійцѣ даются за убійство деньги и ему обезпечивается ненаказуемость совершеннаго имъ преступленія.

Ясно, что правители—не только преступники, но и лица, создающія преступниковъ. Но это—такіе преступники, которымъ почти всегда гарантирована безнаказанность, хотя ихъ преступленія невѣроятно тяжки. Они изводятъ людей томленіемъ въ разныхъ тюрьмахъ,—въ томъ числѣ, въ одиночныхъ, въ тюрьмахъ принудительнаго молчанія, обязательной и часто безсмысленной работы, въ тюрьмахъ-клѣткахъ, гдѣ вся жизнь человѣка проходитъ на виду, въ тюрьмахъ-подвалахъ, то есть въ тюрьмахъ, ужаснѣе и подлѣе которыхъ не выдумалъ бы и соборъ дьяволовъ.

Низость людей, причиняющихъ такія мученія очевидна. Замѣтимъ только, что легко убить человѣка: достаточно, чтобы одинъ или нѣсколько нравственныхъ идіотовъ приказали другимъ

нравственнымъ идіотамъ перетянуть веревкой или перерѣзать ножемъ горло связанному по рукамъ и ногамъ человѣку. Но всѣ эти идіоты, собравшись со всѣхъ концовъ свѣта, не сумѣютъ возвратить убитому человѣку жизни.

„Никогда—пишетъ Л. Н. Толстой,—никакимъ злодѣямъ изъ простыхъ людей не могло придти въ голову совершать всѣ тѣ ужасы костровъ, инквизицій, пытокъ, грабежей, четвертованій, вѣшаній, одиночныхъ заключеній, убійствъ на войнахъ, ограбленій народовъ и т. п., которыя совершались и совершаются всѣми правительствами и совершаются торжественно. Всѣ ужасы Стеньки Разина, пугачевщины и т. п. суть только послѣдствія и слабыя подражанія тѣхъ ужасовъ, которые производили Іоанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и производятся всѣми правительствами. Если дѣятельность правительства заставляетъ воздерживаться,—что очень сомнительно,—десятки людей отъ преступленій, то сотни тысячъ преступленій совершаются людьми только по тому, что люди воспитываются для преступленій правительственными несправедливостями и жестокостями.“

„Вся исторія древнихъ и современныхъ государствъ,—писалъ М. А. Бакунинъ,—есть ничто иное, какъ рядъ возмутительныхъ преступленій... настоящіе и бывшіе короли, правители всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, государственные люди, дипломаты, бюрократы и воины, если ихъ судить съ точки зрѣнія простой нравственности и человѣческой справедливости, сто разъ, тысячу разъ заслужили висѣлицы и каторги. Потому, что нѣтъ ужаса, жестокости, святотатства. клятвопреступленія, лицемѣрія, безчестной сдѣлки, циничной кражи, постыднаго грабежа и грязной измѣны, которые не были бы совершены и не совершались бы ежедневно представителями государства, безъ какого бы то ни было извиненія, кромѣ эластичнаго одновременно и удобнаго и ужаснаго слова:—государственная польза“.

Своими угрозами и муками государство поддерживаетъ современныя невыгодныя для рабочихъ массъ порядки, какъ поддерживало рабовладѣльчество и крѣпостничество, служило и служитъ въ мало почетной роли палача богатымъ группамъ населенія.

Казалось бы, что эти люди—властители, все себѣ берущіе и все себѣ позволяющіе,—могли бы стать полубогами. Въ дѣйствительности же передъ нами сборище жалкихъ, но свирѣпыхъ и лицемѣрныхъ нравственныхъ идіотовъ, хороше вымуштрованыхъ, удивительно низменныхъ людей.

И эти нравственные идіоты не только причиняютъ намъ матеріальный ущербъ но и губятъ насъ—своихъ подданныхъ умственно и морально. „Всякое правительство есть зло,—писалъ В. Годвинъ,—оно лишаетъ насъ собственнаго сужденія и совѣсти“.

Воля правителей и воля общежитія.

„Государство — самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ. Холодно лжетъ оно и эта ложь медленно выползаетъ изъ его пасти:—„я—государство, я—народъ".

Государственное властвованіе считается большинствомъ государствовѣдовъ проявленіемъ чьей то воли. Весь вопросъ въ томъ, чья именно воля проявляется въ этомъ властвованіи. Нельзя утверждать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіемъ воли государства, какъ юридическаго лица, такъ какъ государства, это—люди съ тѣломъ и кровью и понятіе „юридическое лицо" приложимо къ „государству" менѣе, чѣмъ къ чему либо, (если только оно приложимо къ чему либо).

Въ каждомъ государствѣ мы замѣчаемъ двѣ общественныя группы, желанія которыхъ зачастую не только не совпадаютъ, но и находятся въ рѣзкомъ антагонизмѣ (противорѣчіи, враждѣ). Приходится, слѣдовательно, рѣшать о чьей волѣ идетъ здѣсь рѣчь—объ „общей волѣ" подвластныхъ, если таковая существуетъ или о волѣ правителей, которая безспорно существуетъ.

Наблюдая проявленія государственнаго властвованія, мы признаемъ, что здѣсь проявляется воля правителей.

Опредѣляя государственную власть такими словами, какъ „власть есть сила, обусловленная зависимостью подвластныхъ" (Н. М. Коркуновъ), мы все таки не уйдемъ отъ необходимости указать субъекта этой государственной власти. Развертывая только что приведенную фразу, мы говоримъ, что „власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго отъ властителя". Разсматривая эту зависимость, мы встрѣтимся съ волей правителей и должны сказать, что государственная власть есть проявленіе воли правителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта воля правителей скрещивается съ волей отдѣльныхъ группъ населенія и даже отдѣльныхъ личностей и ея проявленіе идетъ по равнодѣйствующей. Эта воля замѣтно считается съ волей сильныхъ группъ населенія.

Мыслимо и такое положеніе дѣлъ, при которомъ правительство, являясь, какъ мы увидимъ ниже, и самодовлѣющей силой, можетъ не считаться съ населеніемъ страны. Таково, напримѣръ, правительство завоевателей, (хотя бы правительство Бельгіи во время завоеванія ея нѣмцами въ 1914-мъ году), таково бывшее русское царское правительство по отношенію къ Финляндіи.

Таковымъ можетъ быть и любое правительство по отношенію къ своимъ подданнымъ.

Пока имѣется государство, имѣются и властные правители, противополагаемые остальнымъ членамъ государства-общества. Конечно, властители, это люди, преслѣдующіе и свои личныя цѣли. Эти правители являются и самодовлѣющей группой, хотя имъ приходится въ большей или меньшей степени, считаться съ другими членами государства-общества.

Нѣтъ такого государства, въ которомъ правители могли бы быть отождествлены съ подвластными. Деспотическое, демократическое или будущее, (если оно будетъ существовать), соціалъ-демократическое государство—всѣ они состоятъ или будутъ состоять изъ двухъ антагонистическихъ группъ: — правителей и подвластныхъ-подданныхъ.

Въ силу этого, правительство никогда, въ сущности, не занимается общественными дѣлами. Оно занято своими дѣлами и дѣлами близкихъ къ правительству общественныхъ группъ, но спокойно лжетъ:—„мы занимаемся общественными дѣлами".

Бываетъ и такъ, что правительство обособляется даже отъ сильныхъ группъ населяющихъ государство и держится вопреки воли большинства населенія.

Дѣло въ томъ, что правительство само по себѣ является прекраснымъ орудіемъ для причиненія зла, является прекрасно организованной разбойничьей шайкой, а люди боятся особо-грубаго насилія правителей и терпятъ иго правительствъ.

Правительство, нужное какимъ либо сильнымъ группамъ населенія, поддерживается послѣдними. Затѣмъ, оно можетъ почувствовать себя настолько сильнымъ, что перестанетъ считаться и съ этими общественными группами.

Въ Россіи, напримѣръ, царское правительство было учрежденіемъ вреднымъ для всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, оно существовало долгое время, такъ какъ являлось самодовлѣющей силой. Конечно, такое правительство могло быть свергнуто скорѣе всякаго другого, (служащаго, напримѣръ, интересамъ сильной группы населенія).

Государственная власть не можетъ считаться проявленіемъ воли цѣлаго общества надъ отдѣльными членами послѣдняго. Другими словами, власть не можетъ принадлежать обществу, какъ цѣлому.

Если бы даже общество проявило власть надъ однимъ изъ его членовъ, то даже въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ обществомъ, какъ съ цѣлымъ, а съ обществомъ минусъ одинъ его членъ и минусъ всѣ недѣеспособные члены общества.

Всякое правительство—все равно выборное или нѣтъ — обладаетъ принудительной властью. Выбирая кого либо въ депутаты, избиратели даютъ ему власть надъ собой. Въ любой республикѣ депутатъ получаетъ право подчинять законамъ, издаваемымъ де-

путатами, „всѣ проявленія нашей жизни, распоряжаться всѣмъ, что у насъ есть самаго дорогого — нашими дѣтьми, трудомъ и правами“.

Избиратель вручаетъ власть не только надъ собою, но и надъ тѣми, кто не хотѣлъ избрать выбраннаго имъ человѣка въ правители, кто, быть можетъ, искренне презиралъ такого депутата.

Депутатъ проявляетъ въ парламентѣ свою волю и, конечно, воля Чернова, Геда или Зедекюма не совпадаетъ съ волей жителей Россіи, Франціи и Германіи. Для того, чтобы эти лица считались выразителями воли русскихъ, французовъ и нѣмцевъ, надо во первыхъ, чтобы такая общая воля дѣйствительно существовала, а во вторыхъ, надо, чтобы за перваго депутата подали голоса всѣ, по крайней мѣрѣ, дѣеспособные жители Россіи, за второго всѣ дѣеспособные жители Франціи, а за третьяго всѣ дѣеспособные жители Германіи.

Въ дѣйствительности же, депутатъ избирается небольшой частью населенія страны.

Такимъ образомъ, если даже допустить, что депутатъ можетъ выражать волю своихъ избирателей, то депутаты законодательнаго собранія представляютъ изъ себя не представителей воли народа, а конгломератъ воль жителей разныхъ мѣстностей. Но и при этомъ допущеніи надо помнить, что въ каждой мѣстности только большинство избирателей высказывается за каждаго изъ посланныхъ въ законодательное собраніе депутатовъ.

Институтъ выборовъ (со всѣми его поправками, вродѣ пропорціональнаго представительства и пр.) не обладаетъ магической способностью переливать въ выборныхъ волю общества и, даровавъ выборнымъ власть надъ избирателями, не можетъ отождествить ее съ властью послѣднихъ. Избиратели, какъ таковые, не имѣютъ власти.

Нельзя поэтому говорить, что весь народъ участвуетъ въ парламентскихъ республикахъ во властной законодательной дѣятельности при посредствѣ своихъ представителей. Выбрать доктора для леченія не значитъ еще участвовать въ леченіи при посредствѣ этого доктора.

Все сказанное относится и къ такой республикѣ, какъ республика совѣтовъ крестьянъ, рабочихъ и солдатъ.

Говоря о различіяхъ, которыя по существу, а не по формѣ, хотятъ установить между демократическими и недемократическими государствами, надо остановиться на слѣдующемъ. Невѣрно утвержденіе, что законъ господствуетъ въ демократическихъ, а произволъ въ недемократическихъ государствахъ. Закономъ управляются и недемократическія государства, а въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не выгоденъ почему либо сильнымъ общественнымъ группамъ, смѣло попираетъ его и демократическое государство. Произволъ власти, не считающейся съ закономъ, можетъ господствовать и въ „совѣтской“ республикѣ.

Невѣрно и то, что въ недемократическихъ государствахъ власть распространяется на кого угодно, а въ демократическихъ только на нарушившихъ законъ.

Какой либо гражданинъ демократическаго государства не нарушаетъ закона, но и съ него власть беретъ подати, и ему предписываетъ форму брака, тащитъ его въ казарму или гонитъ на войну и, если правителямъ не нравятся его политическія убѣжденія, бросаетъ его въ тюрьму, вводя или даже не вводя для этого то, что называется военнымъ положеніемъ.

Всѣ государства ссылаются на законъ и всѣ нарушаютъ его каждый разъ, когда правители считаютъ такое нарушеніе для себя выгоднымъ.

Невѣрно и то заявленіе, что въ демократическихъ государствахъ законъ является выраженіемъ воли всего общества-государства, а въ деспотическомъ государствѣ выраженіемъ воли только части такого общества.

„Всѣ согласны съ тѣмъ, что преимущественное выраженіе государственной власти есть законъ,—говоритъ Л. Дюги.—Какъ же законъ въ дѣйствительности создается? Если онъ вотируется непосредственно народомъ, то съ необходимостью образуется большинсто и меньшинство и законъ вотируется большинствомъ. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, законъ не есть истеченіе изъ общей воли; онъ создается только большинствомъ индивидовъ, составляющихъ народное собраніе".

Такимъ образомъ даже при томъ условіи, что законъ вотируютъ непосредственно всѣ граждане государства, онъ—этотъ законъ—не является выраженіемъ общей воли. Конечно, и въ совѣтской республикѣ законъ не можетъ быть выраженіемъ общей воли трудового народа, Въ этой республикѣ существуетъ, напримѣръ, смертная казнь, а противъ нее едва ли не громадное большинство рабочаго населенія.

Тѣмъ не менѣе, говоря о современныхъ государствахъ, мы можемъ указать на существенную разницу между демократическими и недемократическими государствами. Власть первыхъ, опираясь на болѣе широкій базисъ, сильнѣе, чѣмъ власть послѣднихъ. Власть устойчивѣе въ демократіяхъ: здѣсь больше людей, готовыхъ за совѣсть, а не только за страхъ поддерживать ее. Тѣмъ не менѣе, правъ былъ М. А. Бакунинъ, когда говорилъ:— „между монархіей и самой демократической республикой существуетъ только одно существенное различіе: въ первой чиновный міръ притѣсняетъ и грабитъ народъ для вещей пользы привилегированныхъ имущихъ классовъ, а также и своихъ собственныхъ кармановъ во имя монарха; въ республикѣ же онъ будетъ точно также тѣснить и грабить народъ для тѣхъ же кармановъ и классовъ, только уже во имя народной воли. Въ результатѣ мнимый народъ—народъ легальный, будто бы пред-

ставляемый государствомъ, душитъ и будетъ душить народъ живой и дѣйствительный. Но народу отнюдь не будетъ легче, если палка, которой его будутъ бить, будетъ называться палкою народной".

„Республиканское государство, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, можетъ быть очень деспотическимъ, даже болѣе деспотическимъ, чѣмъ монархическое государство, когда подъ тѣмъ предлогомъ, что оно представляетъ всеобщую волю, это государство будетъ тяготѣть надъ волей и свободными поступками каждаго изъ своихъ членовъ всей тяжестью своей коллективной воли".

Сознаніе, что человѣкъ обладаетъ властью—(хотя бы это сознаніе и было ложнымъ, хотя бы здѣсь смѣшивалась власть и возможность выбирать властителя) отодвигаетъ моментъ уничтоженія института власти. Расширеніе круга властвующихъ мнимовластвующихъ, возможность попасть въ ряды первыхъ, является слѣдствіемъ силы, накопленной какой-либо частью населенія. Это расширеніе круга власти можетъ совпасть съ улучшеніемъ быта какой-либо части населенія. Такое улучшеніе быта достигается, какъ разъ благодаря возросшимъ силамъ, но совершенно неосновательно приписывается расширенію круга властвующихъ.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ улучшенію своего положенія и, въ частности, къ уничтоженію власти, люди стремятся къ призраку власти, къ мнимому праву на власть.

Процессъ обобществленія власти не наблюдался и не наблюдается въ настоящее время. Разъ только этотъ процессъ начнется, его логическимъ завершеніемъ будетъ уничтоженіе государственной власти, точно такъ же, какъ логическимъ завершеніемъ процесса обобществленія средствъ производства явится уничтоженіе собственности на нихъ.

И такъ, такъ-называемое „представительство" народа не отражало да и не могло отражать его воли. Оно проявляло свою волю, называя ее волей народа.

Воля правительства вовсе не воля народа, иначе, къ слову сказать, народу жилось бы получше.

Лицу, не заинтересованному въ государственномъ угнетеніи и въ государственной эксплуатаціи, трудно не согласиться со слѣдующими словами М. А. Бакунина;—„каждый разъ, какъ намъ представляютъ республику, какъ положительное и серьезное рѣшеніе всѣхъ современныхъ вопросовъ, какъ высшую цѣль, которую должны достигнуть наши усилія, мы испытываемъ потребность протестовать".

Къ сожалѣнію, все еще не мало людей, для которыхъ слишкомъ глубокой и серьезной, а потому и непонятной, является мысль Прудона о томъ, что „всякое господство людей надъ людьми, въ формѣ ли монархической, олигархической или демократической—всегда самодержавіе и въ равной степени несправедливо и безсмысленно".

Къ сожалѣнію, все еще имѣются люди, неспособные вдуматься въ слова В. Тэкера, указывающія, какъ дешево стоитъ современная выборная система, маскирующая все то же старое насиліе, претендующая на то, что истина отыскивается подсчетомъ голосовъ. „Но что такое выборы,—спрашиваетъ Тэкеръ.— „Это не больше какъ бумажное представительство штыка, полицейской дубинки и пули. Это способъ, не тратя лишняго времени, удостовѣриться, на чьей сторонѣ сила и подчиниться неизбѣжному". „Вѣдь главная цѣль избирательнаго права заключается въ томъ, чтобы найти истину посредствомъ подачи голосовъ и опровергнуть своихъ противниковъ, показавъ имъ, что они менѣе многочисленны, чѣмъ наши друзья". (Тэкеръ).

„Если у рабочаго человѣка,—говорилъ Л. Н. Толстой,— „нѣтъ земли, нѣтъ возможности пользоваться самымъ естественнымъ правомъ каждаго человѣка извлекать изъ земли для себя и своей семьи средства пропитанія, то это не потому, что этого хочетъ народъ, а потому, что нѣкоторымъ людямъ, землевладѣльцамъ предоставлено право допускать и не допускать къ этому рабочихъ людей. И такой противоестественный порядокъ поддерживается войскомъ. Если огромныя богатства, накопленныя рабочими, считаются принадлежащими не всѣмъ, а исключительнымъ лицамъ; если власть собирать подати съ труда и употреблять эти деньги, на что это они найдутъ нужнымъ, предоставлена нѣкоторымъ людямъ; если стачкамъ рабочихъ противодѣйствуется, а стачки капиталистовъ поощряются; если нѣкоторымъ предоставлено избирать способъ религіознаго и гражданскаго обученія и воспитанія дѣтей, если нѣкоторымъ лицамъ предоставлено право составлять законы, которымъ всѣ должны подчиняться, и распоряжаться имуществомъ и жизнью людей,— то все это происходитъ не потому, что народъ этого хочетъ и что такъ естественно должно быть, а потому, что этого для своихъ выгодъ хотятъ правительства и правящіе классы и посредствомъ физическаго насилія надъ тѣлами людей устанавливаютъ это".

Воля правителей—не воля общества и не становится таковой въ томъ случаѣ, если правители выбраны.

Во всякомъ случаѣ сторонники избирательной системы едва ли отвѣтятъ удовлетворительнымъ образомъ на вопросъ, надо ли подчиняться велѣніямъ глупыхъ и безчестныхъ людей, такъ какъ они стали „выразителями" воли, потому что обманули мало знающихъ ихъ людей и были выбраны въ законодатели или чиновники.

Происхожденіе государства.

„Отецъ государства—насиліе; мать—собственность".

Крупная собственность почти всегда шла рука объ руку съ политическимъ могуществомъ. Но сама крупная собственность не могла существовать безъ насилія. Предшествуя такой собственности, а въ послѣдствіи всегда поддерживая ее и существуя наряду съ нею, насиліе всегда создавало и закрѣпляло фактъ „держанія" многихъ вещей, а затѣмъ институтъ собственности на вещи.

Насиліе же создавало и порабощеніе—собственность на людей, которая, въ свою очередь, создавала и государственное угнетеніе.

Первый промыселъ людей—охота,—въ своемъ первоначальномъ видѣ, встрѣчается и съ простымъ насиліемъ человѣка надъ человѣкомъ, а затѣмъ переходитъ въ нападеніе на людей, въ набѣгъ. Удачный набѣгъ, завоеваніе, сопровождались захватомъ добычи, захватомъ людей, обложеніемъ людей данью.

Результатомъ набѣга зачастую являлись рабы, то есть, принудительная власть человѣка надъ человѣкомъ, а обладаніе такой властью и создаетъ государство.

Тэкеръ былъ правъ, говоря, что „нападеніе, захватъ, управленіе—все это однозначущіе термины".

Понятенъ, по этому, взглядъ профессора Дюги на государство:—„государство и государственная власть,—говоритъ Дюги,—возникаетъ тамъ, гдѣ на опредѣленной территоріи произошла дифференціація (разложеніе) между сильными и слабыми или что то же, между правителями и управляемыми, гдѣ другими словами, сильнѣйшіе монополизировали въ своихъ рукахъ принудительную власть.

Государственная власть, по Дюги, есть такимъ образомъ не правовое явленіе, а фактическое отношеніе: господство сильныхъ надъ слабыми.

Нельзя по этому, говорить о правѣ государственной власти повелѣвать: правители, образующіе эту власть, не имѣютъ права повелѣвать, а лишь силу принуждать. (Изложеніе профессора А. С. Алексѣева).

Вопреки мнѣнію К. Маркса (ни на чемъ, впрочемъ, не основанному, какъ и многія положенія этого писателя), государственная власть навязана обществу извнѣ, а не является, какъ полагалъ этотъ писатель, продуктомъ общества на извѣстной ступени его развитія.

Противъ указанія на то, что государство возникло, какъ слѣдствіе насилія, было выдвинуто очень несерьезное возраженіе, говорящее, что въ государствахъ меньшинство правитъ большинствомъ, тогда какъ, еслибы государства возникли, какъ слѣдствіе насилія, то большинство правило бы меньшинствомъ.

Но въ моментъ возникновенія государства побѣждало какъ разъ большинство, какъ разъ большинство управляло меньшинствомъ, то есть, грабило и угнетало его. Только очень медленно правящее большинство становится меньшинствомъ.

Господствующее большинство ведетъ войны, сначала, быть можетъ, одно, а потомъ съ подчиненнымъ ему меньшинствомъ. Рабъ сѣдой древности—этотъ побѣжденный въ бою человѣкъ—въ рядѣ случаевъ являлся человѣкомъ съ тѣми же правами, что и младшій членъ семьи и ему небыло разсчета измѣнять своимъ господамъ, такъ какъ новые господа, побѣдивъ старыхъ, могли быть, да и бывали, хуже прежнихъ.

Одержавъ побѣду, правящее большинство захватывало новыхъ плѣнниковъ, новыхъ рабовъ или обращало побѣжденныхъ въ крѣпостныхъ и относительная численность подвластной группы росла.

Численность рабовъ росла и потому, что къ ней присоединялись рабы, купленные у разбойниковъ, у пиратовъ и пр.. Подчиненное меньшинство росло въ числѣ и, наконецъ становилось большинствомъ.

Одновременно съ этимъ группа правителей распадается на богатыхъ и бѣдныхъ, (главнымъ образомъ, въ виду разной военной добычи), и богатые, опираясь первое время на своихъ рабовъ, обращаютъ вольныхъ бѣдняковъ, если не въ рабовъ, то во всякомъ случаѣ въ „свободныхъ подвластныхъ".

Хотя нѣсколько времени спустя послѣ образованія государствъ, подвластные составляютъ уже большинство, но это большинство не обладаетъ силою достаточною для освобожденія не столько по недостатку хорошаго оружія и по неумѣнью владѣть имъ, сколько по тому, что оно—это большинство—не является однороднымъ.

Прежде всего, подвластное большинство распадается на рабовъ и свободныхъ, а интересы послѣднихъ не были тождественны съ интересами рабовъ.

Въ свою очередь, рабы не представляли изъ себя однородной массы, почему и были слабы. Рабы, это—люди разныхъ племенъ, вѣръ, обычаевъ и, что очень важно, разныхъ языковъ. Имъ трудно сговориться, трудно понять другъ друга. Они не могли выставить общую цѣль, къ которой они стремились бы путемъ уничтоженія рабства; они не могли даже сговориться о способахъ добиться такого освобожденія.

Нѣкоторое значеніе имѣло и отсутствіе у рабовъ оружія, хотя его и можно было достать. Но по мѣрѣ того, какъ правящее большинство становилось меньшинствомъ, оно разору-

жило рабовъ. Право носить оружіе имѣли только свободные и тѣ немногіе избранные рабы, на которыхъ можно было положиться, благодаря ихъ привилегированному положенію среди рабовъ.

Масса рабовъ не только обезоруживалась, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, буквально, какъ сельскіе рабы римлянъ, напримѣръ, заковывались въ цѣпи.

Рабы терроризировались, оставлялись въ невѣжествѣ, имъ не позволяли имѣть семействъ, у нихъ отнималось все свободное время (рабъ долженъ работать или спать), короче—въ цѣляхъ помѣшать возстанію рабовъ—принимались всѣ тѣ многочисленныя мѣры, которыя въ болѣе утонченной, а потому и болѣе опасной формѣ, и нынѣ примѣняются къ угнетеннымъ подданнымъ. Послѣднихъ тоже терроризируютъ, тоже оставляютъ въ невѣжествѣ или стараются оставить въ таковомъ; имъ даютъ такой ничтожный заработокъ, что завести семью значитъ еще болѣе обезсилить себя; у нихъ отнимаютъ длиннымъ днемъ интенсивной работы чуть ли не все свободное отъ труда и отдыха время.

Свободные подвластные опять-таки не представляли изъ себя однородной массы: одни были богаче, другіе бѣднѣе, но они все-таки могли возставать противъ правителей и возставали противъ нихъ, пожалуй, чаще, чѣмъ рабы.

Случалось, что возставшіе одерживали верхъ надъ своими властителями, но они не умѣли да и не хотѣли уничтожить власть. Уничтоживъ однихъ правителей, они давали возможность появиться другимъ, обычно изъ рядовъ побѣдителей. Хозяйственное неравенство, стремленіе побѣдителей эксплуатировать болѣе слабыя группы населенія было той гидрой, которая, вмѣсто отрубленной головы, немедленно выращивала другую.

Нѣтъ научныхъ основаній, которыя позволили бы согласиться съ мнѣніемъ (между прочими, Ф. Энгельса и К. Маркса), по которому государство явилось,какъ результатъ появленія классовъ.

Въ сущности, это мнѣніе провозглашается, но не доказывается. Оно является гипотезой, имѣющей противъ себя громадный историческій матеріалъ, который указываетъ, что государство явилось результатомъ завоеванія—набѣга—насилія, а не внутренней классовой борьбы. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и классовъ не было до такихъ завоеваній. Во всякомъ случаѣ, въ подтвержденіе названной гипотезы не приводится ни какихъ фактовъ.

Эта гипотеза живо напоминаетъ гипотезу вульгарныхъ экономистовъ, по которой появленіе собственности объясняется прилежаніемъ и бережливостью отдѣльныхъ лицъ, при чемъ не то что игнорируется, но прямо таки остается неизвѣстнымъ авторомъ этой гипотезы указаніе на то, что собственность явилась первоначально въ видѣ военной добычи и пр..

Выдумали люди, сидя за письменнымъ столомъ, объясненіе, показавшееся имъ удовлетворительнымъ, и выдаютъ его за научную истину.

Именно насиліе создало классы, а не классы создали насиліе, которое нѣкоторые изъ нихъ постоянно поддерживали. Правители всегда были и остались насильниками, хотя въ послѣднее время они перепутались съ богатыми и часто перепутывались съ ними и въ болѣе ранніе періоды исторіи.

Въ высшей степени не серьезно игнорированіе роли насилія въ дѣлѣ созданія классовыхъ экономическихъ отношеній и созданія государства. У Ф. Энгельса оцѣнка роли насилія является въ его полемикѣ съ Дюрингомъ болѣе, чѣмъ не серьезный.

Древнее государство обычно состояло изъ правителей одного племени или рода (побѣдители) и изъ подвластныхъ, происходящихъ изъ другихъ племенъ и родовъ (побѣжденные). Это государство или падало подъ ударами нападающихъ иноплеменниковъ или же держалось и крѣпло, подчиняя себѣ и пріобщая къ своему населенію другіе народы и племена.

Наиболѣе крѣпко держались тѣ государства, правители которыхъ сознательно руководствовались принципомъ: „раздѣляй и властвуй“.

Институты насилія и силы государства.

„Основа государства сила, а не право“.

Правители выработали въ теченіи вѣковъ сложную систему порабощенія массъ. Ими были созданы всевозможные институты грубаго, впослѣдствіи слегка окрашеннаго лицемѣріемъ насилія, каковыми являются войска, полиція, судъ, законодательныя учрежденія, тюремное вѣдомство, учрежденія для сбора дани-податей и т. д. Всѣ эти институты созданы для проявленія насилія, постоянно примѣняютъ его или грозятъ имъ людямъ, неповинующимся правительству.

Все сводится въ настоящее время къ такому общественному устройству, которое основывается на насиліи и лицемѣріи. „Правительство и правящіе классы опираются теперь не на право, даже не на подобіе справедливости,—говорилъ Л. Н. Толстой,—а на такую съ помощью усовершенствованій науки искусную организацію, при которой всѣ люди захвачены въ кругъ насилія,

изъ котораго нѣтъ никакой возможности вырваться *). Кругъ этотъ составляется теперь изъ четырехъ средствъ воздѣйствія на людей. Средства эти всѣ связаны между собою и поддерживаются одно другимъ, какъ звенья кольцомъ соединенной цѣпи. Первое самое старое средство есть средство устрашенія. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было—свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чѣмъ то священнымъ и неизмѣннымъ и потому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки измѣненія его“..... „Второе средство есть средство подкупа. Оно состоитъ въ томъ, чтобы, отобравъ у трудового рабочаго народа, посредствомъ денежныхъ податей, его богатство, распредѣлять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа“... „Третье средство есть то, что я не умѣю назвать иначе, какъ гипнотизація народа. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы задерживать духовное развитіе людей и различными внушеніями поддерживать ихъ въ отжитомъ уже пониманіи жизни, на которомъ и зиждется власть правительствъ“... (школы, обученіе религіи, патріотизму, отсутствіе свободы слова и печати, поощреніе чувственныхъ увеселеній, физическихъ средствъ одуренія. Всѣми правительствами безъ исключенія скрывается отъ народа все, могущее освободить его и посвящается все, могущее развратить его“).... „Четвертое средство состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлять изъ всѣхъ такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы подвергнуть этихъ людей особеннымъ усиленнымъ способамъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ тѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству“ (т. е. сдѣлать изъ нихъ солдатъ, жандармовъ)...

„Этимъ средствомъ замыкается кругъ насилія. Устрашеніе, подкупъ, гипнотизація приводятъ людей къ тому, что они идутъ, въ солдаты; солдаты же даютъ власть и возможность и казнить людей и обирать ихъ (подкупая на эти деньги чиновниковъ) и гипнотизировать и вербовать въ тѣ самые солдаты, которые даютъ власть дѣлать все это“.

Массы приняли участіе въ выборахъ правителей и куютъ тѣ кандалы, въ которыхъ ихъ держали и держатъ правители и эксплуататоры, а сторонники государственной и „полезной“ для общества власти стараются разрѣшить неразрѣшимую задачу:— „найти такое правительство, которое могло бы заставить личность повиноваться, при чемъ само не выходило бы изъ повиновенія обществу“ (П. А. Кропоткинъ).

---

*) Это положеніе о невозможности вырваться изъ круга насилія не обосновано Л. Н. Толстымъ и самъ онъ указывалъ средство вырваться изъ него—несопротивленіе злу насиліемъ, мирная забастовка, отказъ помогать насилію правящихъ и эксплуататоровъ.

На помощь правительственнымъ силамъ выступаютъ эксплуататоры, требуя отъ правителей за свою, часто очень умѣлую поддержку покровительства.

Если бы богатые классы общества не поддерживали правителей, то послѣдніе, какъ никому ненужные, кромѣ самихъ себя, были бы сравнительно скоро сметены возстаніемъ подданныхъ. Правительство, какъ общее правило, нуждается въ поддержкѣ.

Правители сильны своей организаціей, сильны тѣмъ, что умѣло заставляютъ служить себѣ и часть угнетеннаго большинства, гипнотизировавъ и терроризировавъ послѣднее.

Это Чингисъ-ханы съ телеграфами, какъ называлъ ихъ А. И. Герценъ,—исторически выработали умѣлые пріемы угнетенія и устрашенія.

Правительство сильно сотнями тысячъ дисциплинированныхъ и загипнотизированныхъ убійцъ, послушныя сборища которыхъ называются войсками и полиціей.

Правительство сильно подкупленнымъ чиновничествомъ, продающимъ за жалованье интересы народныхъ массъ высшимъ правителямъ и крупнымъ эксплуататорамъ.

Правительство сильно тѣмъ, что умѣетъ гипнотизировать массы религіей; сильно такими служителями послѣдней, которые составляютъ часть класса эксплуататоровъ и убѣждаютъ массы, (за серебрянники, конечно), что богъ благоволитъ къ правителямъ и къ холопамъ и караетъ людей, стремящихся къ свободѣ и благоденствію.

Сильно раздувая патріотическое чувство, правительство легко подсовываетъ, вмѣсто того или другого отечества, само себя и побуждаетъ патріотически настроенныхъ людей служить себѣ.

Правительство сильно монотоннымъ однообразіемъ жизни угнетенныхъ массъ населенія и вытекающей отсюда ихъ способностью поддаваться хотя бы и нелѣпымъ, но повторнымъ внушеніемъ.

Правительство сильно тѣмъ умственнымъ развратомъ, который систематически сѣятся учителями среди молодого поколѣнія, той ложью, которой, подъ именемъ науки, забиваютъ головы, убѣждая людей, что невозможно устроиться на безгосударственныхъ началахъ.

Между прочимъ правительства дурачатъ людей при помощи двухъ пріемовъ обмана—„внушенія лжи дѣтямъ и воздѣйствія на чувства людей внѣшней торжественностью“ (Л. Н. Толстой). Они дурачатъ дѣтей школьной муштровкой, а взрослыхъ—блескомъ парадовъ и мундировъ—блескомъ этихъ шутовскихъ игръ и шутовскихъ нарядовъ, разсчитанныхъ на пережитки варварскихъ инстинктовъ.

Правительство сильно гипнотизирующей народъ прессой, неустанно на разные лады повторяющей ложь о необходимости власти. Оно сильно учеными, твердящими, что принудительная власть не можетъ быть уничтожена. Оно сильно интеллигентами,

которымъ очень недурно живется въ государствахъ. Оно сильно партіями, въ томъ числѣ и соціалистическими, мечтающими о томъ, что ихъ вожди займутъ мѣста правителей и законодателей или выдвинувшими такихъ вождей на эти посты. Правительство сильно тѣмъ, что оно такъ или иначе защищаетъ экспуататоровъ, обирающихъ трудящихся. Сплетая интересы капиталистовъ со своими интересами, оно заставляетъ послѣднихъ служить своимъ цѣлямъ.

Правительство сильно разрозненностью и противоположностью экономическихъ интересовъ подвластныхъ, при чемъ зачастую поддерживаетъ неравенство въ благосостояніи разныхъ общественныхъ классовъ.

Правительство подкупаетъ такъ называемыхъ „вожаковъ" трудящихся, разъ только не можетъ запугать ихъ. Не мало такихъ „вожаковъ", которые отказались бы отъ прямой взятки, но бросаются на взятку замаскированную.

Правительство сильно своимъ терроромъ - мучительствомъ, казня „самыми жестокими казнями" всѣ попытки даже мирнаго измѣненія существующаго государственнаго строя, а тѣмъ болѣе попытки ниспровергнуть государство.

Насиліе создало государство. Поэтому всякое государство держится насиліемъ, грабежомъ, ужасами, кровью, дикими расправами со своими противниками или съ ослушниками воли правителей.

Справедливо говорилъ государственный дѣятель Франціи Жоржъ Клемансо: — „государство имѣетъ долгую исторію, всю состоящую изъ убійствъ и крови. Всѣ преступленія, совершенныя въ мірѣ—погромы, войны, клятвопреступничества, костры, казни, пытки, все оправдывали интересами государства. Государство имѣетъ долгую исторію:—она вся въ крови".

И, сдѣлавшись министромъ-президентомъ французской республики, Жоржъ Клемансо, въ два пріема, вписалъ новыя кровавыя страницы въ исторію государствъ.

Насиліе—вотъ происхожденіе государства. Насиліе—вотъ его дальнѣйшая опора.

Л. Н. Толстой очень часто возвращался къ указанію на то, что правительство постоянно употребляетъ насиліе и не можетъ не употреблять его.

Правители „совершаютъ насилія не во имя противодѣйствія злу, а во имя своей выгоды или прихоти, а другіе люди подчиняются насилію не потому, что они считаютъ... что насиліе дѣлается надъ ними во имя избавленія ихъ отъ зла и для ихъ добра, а только потому, что они не могутъ избавиться отъ насилія". (Л. Н. Толстой).

„Русское правительство, какъ всякое правительство, есть ужасный безчеловѣчный разбойникъ, зловредная дѣятельность котораго, не переставая, проявлялась и проявляется точно также, какъ зловредная дѣятельность существующихъ правительствъ".

„Не только русское, но и всякое правительство, я считаю ложнымъ, освященнымъ преданіемъ и обычаемъ учрежденіемъ для совершенія, посредствомъ насилія, безнаказанно самыхъ ужасныхъ преступленій, убійствъ, ограбленій, спаиванія, одурѣнія, развращенія и эксплуатаціи народа богатыми и властвующими, а потому полагаю, что всѣ усилія людей, желающихъ улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобожденіе себя отъ правительствъ, зло и, главное ненужность которыхъ становятся въ наше время все болѣе и болѣе очевидными".

„Предложеніе правительствамъ не употреблять насилія, а по справедливости рѣшать недоразумѣнія, есть предложеніе уничтожиться, какъ правительство, а на это никакое правительство не можетъ согласиться".

„Правительство есть, по существу своему, всегда сила, нарушающая справедливость, какъ оно и не можетъ быть иначе. Справедливость не можетъ быть обязательной для человѣка или людей, которые держатъ подъ рукою обманутыхъ или дрессированныхъ для насилія людей-солдатъ, и посредствомъ ихъ управляютъ другими".

„Правительства въ наше время, — всѣ правительства, самыя деспотическія такъ же, какъ и либеральныя,—сдѣлались тѣмъ, что такъ мѣтко называлъ Герценъ „Чингисъ-Ханомъ съ телеграфами". т.-е. организаціями насилія, не имѣющими въ своей основѣ ничего, кромѣ самаго грубаго произвола и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующимися всѣми тѣми средствами, которыя выработала наука для совокупной общественной мирной дѣятельности свободныхъ и равноправныхъ людей и которыя они употребляютъ для порабощенія и угнетенія людей" (Л. Н. Толстой).

Государственная власть основывается на лишеніи свободы, на мукахъ, которыми грозятъ правители подвластнымъ и которыми они мучаютъ ихъ въ случаѣ неповиновенія. „Основа власти есть тѣлесное насиліе", говорилъ Л. Н. Толстой и говорилъ, конечно, истину.

Насиліе—зло. Зло можетъ и должно быть уничтожено. Можетъ быть уничтожена и государственная принудительная власть. Общежитія людей могутъ существовать безъ принужденія и насилія и людей, которые будутъ жить вольными, объединившимися между собою общинами, будутъ жить лучше и много счастливѣе, чѣмъ живутъ въ наше время.

Конечно, всѣ пріемы, посредствомъ которыхъ держится государство, всѣ эти институты насилія и угнетенія имѣютъ свою ахиллесову пяту. По мѣрѣ пробужденія сознательности подданныхъ, каждый изъ этихъ институтовъ начинаетъ возмущать послѣднихъ.

Жизнь народныхъ массъ становится менѣе однообразной, менѣе монотонной и эти массы сопротивляются гипнотизаціи, которой вчера еще такъ легко поддавались.

Попытки устрашенія начинаютъ вызывать озлобленіе. Поддержка государствомъ эксплуататоровъ начинаетъ сердить массы, въ ряды которыхъ проникаютъ новыя идеи и мысли.

Солдатская сила, на которую опирается правительство, становится, благодаря всеобщей воинской повинности, призывающей подъ знамена милліоны подданныхъ, орудіемъ, которое угнетенные могутъ направить противъ правителей.

Подвластные начинаютъ подумывать о необходимости уничтожить государство, похоронивъ подъ его развалинами давящіе классы общества, будь то эксплуататоры-капиталисты или эксплуататоры-правители.

Мало по малу, подданные освобождаются отъ многотысячелѣтняго обмана, учившаго о необходимости государства, какъ освободились отъ многихъ другихъ долго длившихся обмановъ.

Дѣло въ томъ, что ненужность государственной организаціи для массъ населенія становится все болѣе и болѣе очевидной. Дѣло въ томъ, что, при личности государства, нельзя освободиться отъ экономическаго порабощенія, которое можетъ только видоизмѣняться, даже сдѣлаться порабощеніемъ со стороны государства-собственника, но не можетъ исчезнуть до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ государство.

Массы начинаютъ понимать, что правители, это—просто сильные люди, а болѣе, чѣмъ понятно, что на силу всегда можно найти силу, что можно вырвать, ту основу, на которой покоится сила правителей. Массы начинаютъ понимать, что возможенъ общественный строй, въ рамки котораго, при всемъ желаніи, нельзя будетъ втиснуть правителей, то есть такой строй, при которомъ эксплуатація, то есть, разрѣшенное закономъ удержаніе и присвоеніе продуктовъ чужого труда станетъ невозможнымъ.

Все большее и большее число подвластныхъ, сознательно или полусознательно, стремится къ реорганизаціи общества на безвластныхъ, не допускающихъ эксплуатаціи началахъ.

Все яснѣе вырисовывается тотъ фактъ, что государство нужно только рабовладѣльцамъ, при чемъ безразлично—рабами, или крѣпостными, или колонами, или пролетаріями, или рабочими принадлежащихъ государству предпріятій называются рабы, то есть, люди, продукты труда которыхъ отбираются другими людьми.

Институты лицемѣрія.

Однимъ изъ свойствъ правителей является лицемѣріе. Имъ надо прикрывать свои корыстныя, эгоистическія дѣла ссылками на общую пользу. Передъ этими насильниками всегда мелькаетъ призракъ возстанія народныхъ массъ.

Для нихъ такъ важно прикрывать свои поступки, нерѣдко переходящіе въ злодѣйства, лицемѣріемъ, что, по молчаливому соглашенію, они обязываются лицемѣрить, даже другъ передъ другомъ. Такое лицемѣріе называется тактомъ, выдержкой, дипломатіей.

Изрѣдка кто нибудь изъ нихъ обмолвливается правдой. „Интересы правителей,—говорилъ, напримѣръ, извѣстный дипломатъ Робертъ Вайполь,—находятся всегда въ абсолютномъ противорѣчіи съ интересами управляемыхъ". Бисмаркъ какъ то замѣтилъ, что онъ говоритъ то, что думаетъ, такъ какъ увѣренъ, что никто ему не повѣритъ, зная, что всѣ дипломаты говорятъ неправду.

Лицемѣріемъ проникались всѣ институты насилія: — парламентъ, полиція, судъ и пр., и всѣ они приписываютъ себѣ тѣ достоинства, которыми не обладаютъ, указываютъ тѣ будто бы свои задачи, которыя совершенно чужды имъ и умалчиваютъ о своихъ дѣйствительныхъ цѣляхъ.

Выборные правители, какъ и всѣ вообще законодатели, должны лицемѣрить, дѣлая видъ, что ими издаются мудрые законы, тогда какъ зачастую эти законы далеко не умны.

Онъ,—пишетъ П. А. Крапоткинъ о депутатѣ перламента,— „долженъ будетъ установлять налоги на собакъ и утверждать реформы по высшему образованію, когда нога его не была въ университетѣ и онъ никогда не видѣлъ деревенскихъ собакъ. Онъ долженъ будетъ защищать преимущества одной системы ружей передъ другими, выбирать мѣсто для помѣщенія управленія государственнаго коннозаводства, высказывать свое мнѣніе относительно филоксеры, гуано, табаку, начальнаго обученія и оздоровленія городовъ, говорить о Кохинхинѣ и Гвіанѣ, объ обсерваторіи и устройствѣ компасовъ. Не имѣя понятія о военномъ искусствѣ, онъ будетъ размѣщать военные корпуса... Онъ будетъ подавать голосъ за киверъ или за кепи, сообразуясь со вкусомъ своей супруги. Онъ будетъ покровительствовать сахарозаводству въ ущербъ воздѣлыванію пшеницы, убивать винодѣліе, стремясь способствовать ему, подавать голосъ за лѣсоводство и въ то же время покровительствомъ полеводству убивать лѣсное дѣло. Онъ выскажется противъ прорытія дан-

наго канала, за проведеніе такой то желѣзной дороги, не зная даже, въ какой части страны они проектируются. Онъ введетъ новыя статьи въ уложеніе о наказаніяхъ, не заглянувъ даже въ него. Всевѣдущій и всемогущій, сегодня военный, завтра счетоводъ, потомъ банкиръ, академикъ, докторъ, астрономъ, аптекарь, фабрикантъ, купецъ, въ зависимости отъ порядка дня въ парламентѣ, онъ никогда, ни въ чемъ не будетъ сомнѣваться". (П. А. Кропоткинъ).

Только прикрытая глубокимъ лицемѣріемъ наглость позволяетъ депутатамъ смотрѣть въ глаза своихъ избирателей.

Можно удивляться выдержкѣ современныхъ властителей: они могутъ смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, тогда какъ морочившіе римлянъ авгуры не могли встрѣтиться безъ того, чтобы не разсмѣяться.

„Мы знаемъ, какъ дѣлаются законы,—писалъ Л. Н. Толстой,—мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, что законы суть произведеніе корысти, обмана, борьбы партій, что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости". И вотъ издавая свои вредные для народа законы, правительство заставляетъ относиться къ нимъ, какъ къ воплощенной мудрости и справедливости.

Надо обладать громадной дозой лицемѣрія для того, чтобы выдавать свои приказы за воплощеніе справедливости. Тѣмъ не менѣе, „принципъ власти,—такъ это называется,—писалъ Элизе Реклю,—требуетъ, чтобы начальникъ никогда не имѣлъ вида, что онъ не правъ, а чтобы за нимъ всегда и во всемъ оставалось послѣднее слово, а, самое главное, чтобы всѣ его приказанія въ точности исполнялись".

Это ли не лицемѣріе, возведенное въ принципъ?

Правители требуютъ, чтобы ихъ считали мудрыми, преслѣдуя и мучая лицъ, которыя считаютъ ихъ глупыми. Правители заставляютъ чтить себя, какъ честныхъ и добрыхъ, преслѣдуя тѣхъ, кто считаетъ ихъ негодяями и злыми.

И это, не смотря на то, что многовѣковымъ опытомъ было доказано, что процентъ негодяевъ и злодѣевъ выше въ рядахъ правителей, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ, достаточно просмотрѣть „исторію" любой страны. И это, не смотря на то, что правители болѣе, чѣмъ кто либо, могли скрывать и прикрашивать свои поступки, не смотря на то, что историки, сознательно или безсознательно, льстили правителямъ.

Люди начинаютъ понимать, что другіе люди, назвавшись правителями, окруживъ себя пышностью и роскошью, одѣвшись въ расшитыя золотомъ платья, навѣшавъ на себя разныя крестики, золотые кружечки, металлическія звѣздочки,—какъ бы они ни хвалили сами себя, какъ бы они не заставляли хвалить себя другихъ людей,—могутъ быть и зачастую бываютъ архимерзавцами.

Люди начинаютъ понимать, что другіе люди, назвавшись сенатомъ, парламентомъ, государственнымъ совѣтомъ, министерствомъ и т. д., могутъ, не смотря на всѣ свои кривлянья, на всѣ лицемѣрныя заявленія, не смотря на всѣ подлоги истиннаго смысла словъ, дѣлать безчестные и злодѣйскіе поступки.

И вотъ для того, чтобы внушить людямъ, что злодѣянія суть подвиги, а грабежъ и угнетеніе—работа на общественную пользу, приходится прибѣгать къ учрежденію все болѣе и болѣе сложныхъ институтовъ лицемѣрія, къ болѣе умѣлому приспособленію нѣкоторыхъ общественныхъ институтовъ, (напримѣръ, училищъ), къ лицемѣрному одурачиванію подвластныхъ и къ еще болѣе лицемѣрному восхваленію правителей.

Понятно, что въ услугахъ лицемѣрія нуждаются не только правители, но и ихъ господа—капиталисты. „Милліонеру,—пишетъ М. Нордау,—мало государственнаго закона, который приводитъ въ дѣйствіе жандармерію. Онъ привлекаетъ въ союзники къ себѣ и суевѣріе и требуетъ отъ религіи подкрѣпленія своего денежнаго шкафа, вводя въ катехизисъ положеніе, которое объявляетъ собственность священной, а зависть къ богатству ближняго—грѣхомъ, наказуемымъ геeной огненной".

Конечно, государства, то есть, правители, должны были поддерживать организованную религію, ту или иную церковь. Необходимость такой поддержки исчезла только тогда, когда на сцену выступило не менѣе грубое суевѣріе, по которому правительство какимъ то чудомъ является воплощеніемъ народной воли. А до этого, до послѣдняго времени государство поддерживало церковную вѣру „въ естественную испорченность человѣка". „Тайные общества волшебниковъ, дѣлателей дождя, шамановъ, позднѣе египетскихъ и ассирійскихъ жрецовъ и еще позднѣе жрецовъ христіанскихъ всегда старались убѣдить людей, что „міръ погрязъ въ грѣхѣ", что одно благосклонное вмѣшательство шамана, волшебника, святого или священника мѣшаетъ силѣ зла овладѣть человѣкомъ, что они одни могутъ добиться отъ злого божества, чтобы оно не отягчало человѣка всякими видами зла въ наказаніе за его грѣхи". (П. А. Кропоткинъ). И, конечно, правители поддерживали жрецовъ своимъ насиліемъ.

Лицемѣріе правителей охватываетъ чуть ли не всю государственную дѣятельность и правительства,—писалъ Л. Н. Толстой, —„дѣлаютъ видъ, что они поддерживаютъ общества трезвости, тогда какъ большею частью живутъ только пьянствомъ народа; такъ же какъ дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ образованіе, тогда какъ сила ихъ держится только на отсутствіи свободы; дѣлаютъ видъ, что заботятся объ улучшеніи быта рабочихъ, тогда какъ на подавленности рабочаго основано ихъ существо-

ваніе; дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ христіанство, *) тогда какъ христіанство разрушаетъ всякое правительство".

Въ настоящее время такъ же, какъ раньше, люди живутъ подъ постоянной угрозой насилія. Не говоря уже о насиліи военномъ, и въ деспотическихъ и демократическихъ государствахъ правители заставляютъ подвластныхъ повиноваться приказаніямъ, причиняя разныя страданія неповинующимся.

Современное насиліе, охвативъ сѣтями своихъ институтовъ чуть ли не всю жизнь, приняло лицемѣрный видъ, и выступаетъ не такъ грубо и нагло, но такъ же сильно, какъ выступало и раньше.

Массы убѣждаются въ томъ, что именно онѣ сами стоятъ за душащее ихъ насиліе, убѣждаются въ томъ, что насильники приносятъ имъ пользу. Доказывается, что народу полезно вести войны, что для народной пользы содержатся войска. Говорится о необходимости быть готовымъ дать отпоръ внѣшнему врагу, а вмѣстѣ съ тѣмъ войско повсюду подбирается такъ, чтобы при его помощи можно было раздавить возстаніе подвластныхъ, постоянно разсматриваемыхъ, какъ безпокойный элементъ. Защитники правителей лицемѣрно выдаются за „защитниковъ отечества". Безъ этихъ „защитниковъ отечества" правители могли бы обойтись, уговорившись не воевать и распустивъ войска, но нельзя ожидать ничего подобнаго, такъ какъ войска нужны правителямъ для самозащиты отъ подданныхъ.

Полиція, это — организованное скопище наглѣйшихъ насильниковъ выдается за институтъ, подавляющій насиліе. Полиція, все развращающая, поддерживающая самый грубый произволъ, выдается за институтъ, борящійся съ развращенностью и произволомъ.

Судъ защищаетъ право злоупотреблять вещами, то есть, собственность, защищаетъ также право злоупотреблять силой, то есть, власть, а говоритъ почему-то о справедливости и о правдѣ.

Законодательныя учрежденія преслѣдуютъ благо своихъ членовъ и близкихъ къ нимъ людей и твердятъ объ общественной пользѣ, потому что даютъ то, что уже взялъ или завтра хочетъ взять народъ.

Институты насилія сливаются съ институтами лицемѣрія. Благодаря этому, одураченные люди служатъ насильникамъ и эксплуататорамъ не только за страхъ, но и за совѣсть.

Тѣмъ не менѣе, только насиліемъ поддерживается современный общественный строй. Войско, полиція, судъ — убійствами, тюрьмами и современными казнями отвѣчаютъ на всякую серьезную попытку измѣнить условія современной жизни. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что власть — законъ порождаетъ рабство мысли и тогда слабѣетъ естественный протестъ противъ насилія.

---

*) Слово „христіанство" Л. Н. Толстой употребляетъ въ своемъ смыслѣ, въ смыслѣ ученія Христа, противоположнаго ученію „христіанскихъ церквей".

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лицемѣріе правителей не вело за собой желательныхъ для нихъ результатовъ и, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще мы будемъ наблюдать это явленіе. Въ исторіи государствъ не разъ наблюдалось, что отнявъ у народныхъ массъ ту тѣнь свободы, которая мыслима въ государствѣ, лицемѣрные правители хотѣли все таки сохранить внѣшній видъ этой свободы... Токвиль писалъ по этому поводу слѣдующее:—„народъ, который вовсе не такъ легко обмануть пустыми призраками свободы, повсюду перестаетъ интересоваться дѣлами общины и замыкается въ своихъ четырехъ стѣнахъ, становится какъ бы иностранцемъ... Когда магистрату кажется нужнымъ соблюсти пустую внѣшность свободнаго избранія и ему хочется, чтобы народъ принялъ участіе въ подачѣ голосовъ, народъ упрямо отказывается. Въ исторіи нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого зрѣлища. Почти всѣ государи, уничтожившіе свободу, въ началѣ пытались поддержать ея внѣшнія формы: это наблюдалось отъ Августа до нашихъ дней. Такимъ путемъ они надѣялись совмѣстить нравственную силу, которую всегда даетъ одобреніе общества, съ тѣми удобствами, которыя можетъ представить одна абсолютная власть. Почти всѣ они потерпѣли неудачу въ этомъ предпріятіи и не замедлили убѣдиться, что невозможно поддержать эту лживую внѣшность тамъ, гдѣ исчезли дѣйствительныя отношенія".

Въ наше время, въ такъ называемыхъ демократическихъ странахъ — въ С.-Америкѣ, въ Швейцаріи, во французской республикѣ, въ гордившейся своими „свободами" Англіи, давно уже исчезла и тѣнь свободы. Остался только миражъ этой тѣни. И свои „бойни свободъ" правители этихъ республикъ съ невѣроятнымъ лицемѣріемъ выдаютъ за „цитадели свободъ".

Государство и богатые.

„Такъ какъ пролетарію нечего терять, то онъ не нуждается въ государственной охранѣ для своего „ничто". Напротивъ, онъ можетъ даже поживиться кое чѣмъ, если государственной охраны лишаются люди, опекаемые государствомъ". (Штирнеръ).

Пока имѣются правители и подвластные, пока существуетъ государство, до тѣхъ поръ будетъ существовать власть и она будетъ принадлежать правителямъ, которые въ большей или въ меньшей степени, являются креатурами экономически сильныхъ группъ общества.

Характерно, между прочимъ и то, что чѣмъ „демократичнѣе" страна, тѣмъ большее вліяніе оказываетъ на правительство классъ капиталистовъ.

Намъ говорятъ, всетаки, что такъ какъ государство имѣетъ цѣлью защиту своей политической самостоятельности отъ попытокъ другихъ государствъ уничтожить ее, то оно защищаетъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ гражданъ; что, слѣдовательно, оно нужно не только богатымъ, но и бѣднымъ.

Но, если бы не было государствъ, то не было бы и нужды въ такой защитѣ, такъ какъ нападающей стороной всегда является государство. „Государственная власть, — говоритъ Л. Н. Толстой,—не только не спасаетъ отъ опасности нападенія сосѣдей, а, напротивъ, она-то и производитъ опасность нападенія".

Не надо также забывать, что политическая самостоятельность нашего времени сводится къ праву на грабежъ трудящагося населенія данными правителями и данными богачами.

Государство, всей своей налоговой системой, своей воинской повинностью, всѣми своими гражданскими и уголовными законами, способствовало обѣдненію небогатыхъ тружениковъ и обогащенію болѣе или менѣе богатыхъ собственниковъ. Оно само ыло эксплуататоромъ и всячески помогало эксплуататорамъ.

Современное государство, какъ демократическое, такъ и деспотическое, это—такое архическое состояніе общества, при которомъ все предоставлено игрѣ экономическихъ силъ, при наличности всѣхъ шансовъ на побѣду наиболѣе сильныхъ (экономически и политически) группъ населенія. Сильныя группы населенія, это —правители, отнимающіе у населенія продукты труда разными налогами, это—капиталисты, такъ или иначе выжимающіе изъ того же населенія прибавочную стоимость.

Что касается до лицъ, живущихъ заработной платой, то эта группа является одной изъ самыхъ слабыхъ экономически и политически группъ.

Правители опираются на богатые классы общества, поддерживаются силою послѣднихъ и, въ свою очередь, увеличиваютъ силу богатыхъ. Но правители и сами по себѣ представляютъ экономическую силу, располагающую коллоссальными средствами, благодаря тому, что они обираютъ трудящееся населеніе еще на большія суммы, чѣмъ богатые слои населенія.

Вполнѣ понятно, что интересы эксплуататоровъ - правителей, такъ же, какъ интересы эксплуататоровъ-капиталистовъ противоположны интересамъ эксплуатируемыхъ классовъ общества.

Собираемыя въ видѣ налоговъ средства громаднѣйшей своею частью распредѣляются между правителями и ихъ подручными—гражданскими, военными и духовными чиновниками. Создается громадная поддерживающая верховныхъ правителей организація, члены которой или подкуплены жалованьемъ или (какъ солдаты, напримѣръ) содержатся за счетъ правительства.

Тѣмъ не менѣе, вся эта поддержка, какъ ни велика она, не такъ еще сильна, чтобы не бояться возстанія народа. Правительство естественно старается опереться на ту часть населенія, которая не живетъ на счетъ податей, а тратитъ свои „рентные" доходы.

Свой своему по неволѣ братъ и эксплуататоры-правители опираются на эксплуататоровъ, формы эксплуатаціи которыхъ отличаются отъ формъ правительственной эксплуатаціи.

Правительство, защищая свою форму эксплуатаціи, не можетъ не защищать и другіе ея виды. Являясь защитниками капиталистовъ, правители, въ свою очередь, опираются на послѣднихъ, въ свою очередь находятъ въ нихъ защитниковъ и защитниковъ сознательныхъ—не за страхъ, а за совѣсть. Взаимная выгода сближаетъ двѣ эксплуатирующія группы: эксплуататоръ естественно поддерживаетъ эксплуататора, разъ они не мѣшаютъ другъ другу обирать эксплуатируемыхъ. Въ союзѣ они значительно сильнѣе, чѣмъ порознь и этотъ союзъ противопоставляется ими народной массѣ.

Такимъ образомъ, капиталисты и землевладѣльцы обращаются въ даровыхъ пособниковъ правительства.

Такъ какъ капиталисты и правители богаты, то они и являются людьми однихъ привычекъ, одного образа жизни, постоянно встрѣчаются другъ съ другомъ, вступаютъ въ родственныя отношенія и пр. и пр.

Правители выходятъ изъ рядовъ капиталистовъ и, покидая почему либо власть, возвращаются въ эти ряды.

Тѣ и другіе сплетаются въ тѣсный союзъ, имѣющій общую добычу и общаго врага—трудовой народъ, сопротивленіе котораго эксплуататорамъ постоянно грозитъ принять опасный для существованія правителей, капиталистовъ и помѣщиковъ характеръ.

Говоря о крупныхъ только актахъ государственнаго покровительства богатымъ и о крупныхъ актахъ государственнаго угнетенія бѣдныхъ группъ населенія, укажемъ, что государство поддерживало и создало крѣпостничество, подчинивъ крестьянство произволу и грубой эксплуатаціи землевладѣльцевъ, которымъ государство же дало возможность пользоваться захваченными землями для ихъ выгоды и въ ущербъ пахарямъ.

Что касается до рабочихъ, то о рабочихъ періода отъ открытія Америки до французской революціи І. М. Кулишеръ пишетъ:—„характерную черту и въ кустарномъ производствѣ и въ мануфактурѣ составляетъ полная зависимость рабочихъ отъ предпринимателей и стремленіе со стороны государства усилить эту зависимость; точно также государство старается всецѣло подчинить подмастерьевъ цеховымъ мастерамъ и уничтожить союзы и организаціи послѣднихъ".

Со времени французской революціи и до нашихъ дней государство всегда стояло на сторонѣ рабочихъ противъ капита-

листвовъ. Тѣ уступки, которыя оно дѣлало послѣднимъ всегда были вынужденными и всегда имѣли мнимый характеръ, являясь регистраціей завоеваній рабочаго класса.

„Государство покровительствуетъ эксплуатаціи, спекуляціи, частной собственности—этому продукту грабежа. Пролетарію же нечего ждать отъ государства: оно всѣми силами стремится помѣшать его освобожденію. Все—для паразита хозяина; все—противъ работника пролетарія; буржуазное воспитаніе, развращающее ребенка, внушая ему предразсудки противъ равенства; церковь, затуманивающая разсудокъ женщины; законы, препятствующіе обмѣну мыслей о равенствѣ и солидарности; деньги для развращенія и подкупа апостоловъ пролетаріата; наконецъ, тюрьма и каторга въ избыткѣ для тѣхъ, кого нельзя подкупить. Вотъ что такое „государство". (П. Кропоткинъ).

Вся исторія человѣчества учитъ, что государство „существуетъ только для того, чтобы блюсти привелегіи всѣхъ этихъ классовъ (духовенство, буржуазія, дворянство) и всегда становится на ихъ сторону противъ пролетаріата" (М. А. Бакунинъ).

Таково дѣйствительное назначеніе государства и оно не могло укрыться отъ внимательныхъ наблюдателей. „Каково назначеніе правительства?—спрашиваетъ Прудонъ.—Охранять и защищать каждаго въ сферѣ его личности, промышленности, собственности. Но, если, вслѣдствіе самой необходимости вещей, собственность, богатство, благосостояніе идутъ всѣ на одну сторону, а нищета на другую, то ясно, что правительство фактически создалось для защиты богатаго класса противъ бѣднаго". (По ст. Н. С. Русанова).

Не разъ и не два отмѣчалось въ очень точныхъ выраженіяхъ тѣсная связь правителей и капиталистовъ. Такъ, напримѣръ, Джемсъ О'Бріенъ писалъ:—„Повидимому, общее мнѣніе таково, что правительство само образуется въ томъ видѣ, какъ оно есть. Но истина заключается въ томъ, что правительство назначается барышниками, чтобы охранять ихъ огромныя прибыли, ренты и прочія дани, налагаемыя ими на рабочій народъ. Кто издаетъ законы? Развѣ правительство, а не тѣ крупные барышники, которые фабрикуютъ ихъ для своего обогащенія, а затѣмъ лишь поручаютъ правительству приводить ихъ въ исполненіе?... Барышники и являются повсюду угнетателями. Правительство—ихъ ночной сторожъ, а угнетенные оказываются работающіе классы". (Цитирую по статьѣ Н. С. Русанова).

Вполнѣ естественно, что государство „всегда благопріятствуетъ,—по словамъ М. А. Бакунина,—тѣмъ классамъ, орудіемъ которыхъ оно раньше было... законодательство можетъ быть полезно лишь эксплуатирующему меньшинству въ ущербъ интересамъ огромнаго числа порабощенныхъ".

Государство,—говорилъ позднѣе П. А. Кропоткинъ,—„стало орудіемъ богатыхъ противъ эксплуатируемыхъ, владѣльцевъ противъ неимущихъ", при чемъ одна изъ формъ государства—пар-

ламентаризмъ — „стала вездѣ средствомъ личнаго обогащенія и вредныхъ для народа стремленій“. „Чему служитъ эта страшная машина, которую называютъ государствомъ? Для того ли, чтобы сдѣлать невозможной эксплуатацію рабочихъ—капиталомъ, крестьянина—землевладѣльцемъ для того ли, чтобы намъ доставить работу, чтобы защищать насъ отъ ростовщичества, чтобы дать пищу, если мать имѣетъ только воду для голоднаго ребенка? Нѣтъ, никогда!“ (П. А. Кропоткинъ).

„Защита капитала,—говорилъ Ж. Гравъ,—единственная цѣль существованія частной собственности“. Эта фраза нуждается въ слѣдующемъ дополненіи:—„власть знаетъ „право“ собирать подати. Это „право“ даетъ такой же просторъ эксплуатаціи, какъ и право собственности и тоже порождаетъ такія институты насилія, какъ армія, судъ чиновничество“.

Правительство, какъ таковое, пользуется своими могучими аппаратами насилія для своей личной пользы и одновременно отдаетъ ихъ на служеніе своимъ постояннымъ или временнымъ, но всегда сильнымъ сторонникамъ.

Ничего другого правители не могутъ и не хотятъ дѣлать.

А. Менгеръ говоритъ намъ:—„сущность современнаго индивидуалистическаго культурнаго государства скорѣе заключается въ томъ, что объектъ государственной дѣятельности обуславливается почти исключительно индивидуальными интересами сильныхъ и въ самой незначительной степени интересами слабыхъ“. Мы думаемъ, что интересы слабыхъ и въ этой „самой незначительной степени“ обуславливаютъ дѣятельность государства только тогда, когда они не противорѣчатъ интересамъ сильныхъ, или тогда, когда слабые неустанной настойчивой борьбой добиваются незначительныхъ уступокъ, (т.-е. когда они добиваются не уничтоженія эксплуатаціи и угнетенія), или наконецъ тогда, когда слабые въ обычное время люди дѣлаются сильными въ моменты революціоннаго подъема.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ государство дѣлаетъ все, что только можетъ, для того, чтобы отстоять свои интересы и интересы богатыхъ группъ населенія и, какъ только ослабѣваетъ борьба угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, тотчасъ же отбираетъ у нихъ все ими завоеванное.

Такъ какъ источникъ доходовъ правителей и капиталистовъ—одинъ и тотъ же, то есть трудъ народныхъ массъ и такъ какъ пріемы извлеченіе этихъ доходовъ не одинаковы—(подати у правителей, прибыль, процентъ, арендная, прокатная плата и рента у капиталистовъ и землевладѣльцевъ),—то правители съ одной стороны, а капиталисты и помѣщики съ другой являются все таки разными, хотя и союзными общественными классами и между ними, какъ и между любыми союзниками, вспыхиваютъ иной разъ недоразумѣнія.

Капиталисты и землевладѣльцы могутъ быть недовольны данными правителями, могутъ даже подстрекать народныя массы къ

бунту противъ правительства, но всѣ эти эксплуататоры не могутъ существовать безъ сильной правительственной власти и тѣ возстанія, къ которымъ они относятся съ симпатіей, имѣютъ своей цѣлью поставить надъ массами новыхъ правителей, вмѣсто свергнутыхъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ капиталисты возмущаются черезъчуръ грубыми пріемами угнетенія, практикуемыми глубоко развращеннымъ правительствомъ. Такіе правители опасны для отдѣльныхъ лицъ изъ класса эксплуататоровъ, они опасны для всего этого класса, такъ какъ сѣютъ въ массахъ недовольство, которое можетъ проявиться въ формѣ такого бунта, который возьметъ да и затронетъ не только интересы даннаго правительства, но заодно и интересы всѣхъ эксплуататоровъ.

Это не все еще. Правительство, являясь, какъ мы знаемъ, самодовлѣющей группой эксплуататоровъ, можетъ стать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ матеріальный антагонизмъ съ другими группами послѣднихъ. Правители могутъ, напримѣръ, разорять населеніе податями. Они могутъ принудить эксплуататоровъ довольствоваться меньшей прибылью, отбирая у населенія тѣ деньги, которыя оно могло бы употребить на покупку продуктовъ, изготовляемыхъ въ хозяйствахъ эксплуататоровъ. Правители могутъ грабить и эксплуататоровъ.

Такіе правители наживаютъ среди капиталистовъ не враговъ правительства вообще, а враговъ даннаго правительства, у эксплуататоровъ является желаніе замѣнить данныхъ правителей новыми.

Если же сама форма организаціи правительства такова, что составъ правителей не можетъ быть измѣненъ по желанію недовольныхъ имъ капиталистовъ, то послѣдніе начинаютъ добиваться другой формы такой организаціи, чаще всего выборнаго правительства.

Эксплуататоры капиталисты не прочь дружить въ этихъ случаяхъ и съ соціалистами, если послѣдніе, довольствуясь своими минимальными программами, или точнѣе довольствуясь попытками осуществить эти программы, откладываютъ соціалистическій переворотъ въ долгій ящикъ и высказываются за необходимость государства, его принудительной власти.

Въ концѣ 1917-го года во главѣ русскаго правительства стали соціалистическія партіи соціалъ-демократовъ, назвавшихъ себя коммунистами и такъ называемыхъ „лѣвыхъ“ соціалистовъ-революціонеровъ скоро, впрочемъ ушедшихъ изъ правительства. Правительство соціалъ-демократовъ издало законъ о передачѣ крестьянству въ трудовое пользованіе земли и сельскаго инвентаря, вмѣстѣ съ усадьбами крупныхъ землевладѣльцевъ. Безъ изданія такого закона правительство не могло бы держаться.

Тѣмъ не менѣе, понимая, что государство не мыслимо, разъ общежитіе не разбито на классы, это правительство, не смотря на вражду къ буржуазіи, оставило неприкосновенной собствен-

ность на средства производства и только въ случаяхъ задолженности буржуазныхъ предпріятій казнѣ и неповиновенія отдѣльныхъ капиталистовъ распоряженіямъ правительства, конфисковало предпріятія въ „собственность“ Русской республики.

Государственное право.

„Право—маска силы“.

Законъ,—это воля привителей, выраженная въ опредѣленной формѣ и опредѣленнымъ образомъ опубликованная, а совокупность законовъ опредѣляющихъ, въ 1) кто властвуетъ, во 2) кто исполняетъ приказы правителей, въ 3) кто долженъ имъ подчиняться, въ 4) какова дѣятельность и предѣлы власти,—называется государственнымъ правомъ.

Сила и только одна она опредѣляетъ, кто будетъ властвовать, кто будетъ подчиняться и какъ велика будетъ власть.

Законы государственнаго права порождены силой, силой же и поддерживаются. Тяготѣющая надъ массами населенія власть держится насиліемъ и не мыслима безъ такой опоры.

Господство однихъ, подчиненіе другихъ, такой общественный строй глубоко унизителенъ, обиденъ и тяжелъ для подданныхъ.

Дѣло въ томъ, что на основаніи закона, то есть, своей воли, правители мучатъ и тѣхъ, кто не хочетъ имъ подчиняться, такъ какъ считаетъ ихъ безчестными и глупыми людьми.

Управленіе, правительство, господство, это—всегда ограниченіе свободы и исторія учитъ насъ, что нѣтъ такого положенія, при которомъ, хотя бы въ небольшой части подданныхъ, не пробуждалось чувство человѣческаго достоинства, замиралъ всякій протестъ противъ этого господства.

Государство, правители, власть, законъ все это управленіе одними людьми другихъ. Принципъ же власти „въ примѣненіи къ людямъ, достигшимъ совершеннолѣтія, становится, по словамъ М. А. Бакунина,—чѣмъ то чудовищнымъ, явнымъ отрицаніемъ человѣчности, источникомъ рабства и нравственной и умственной развращенности“.

„Управленіе людьми посредствомъ людей есть рабство“, говорилъ Прудонъ. Правленіе, это,—„подчиненіе нападающаго индивида чужой, не его собственной волѣ“, „правленіе есть насиліе“, „сущность правленія заключается въ нападеніи, въ захватѣ“. (В. Тэкеръ).

Государственное право не только запрещаетъ людямъ дѣлать то, что они хотятъ, но принуждаютъ ихъ дѣлать то, чего они не хотятъ дѣлать.

Подъ угрозой тяжелаго наказанія—мученія, гражданинъ не можетъ отказаться отъ солдатской службы, хотя бы убійство на войнѣ ни чѣмъ не отличалось для него отъ простого убійства, хотя бы нахожденіе въ рядахъ солдатъ означало для него— „быть палачемъ и готовиться къ палачеству". Подъ угрозой наказанія, онъ не можетъ отказаться быть присяжнымъ засѣдателемъ, хотя бы считалъ судъ безсмысленной комедіей, а налагаемыя судьями наказаніями—подлымъ варварствомъ. Подъ угрозой наказанія, гражданинъ обязанъ платить подати, хотя его дѣтямъ нечего ѣсть и т. д. и т. д..

Вообще же государство, это—„воплощеніе принципа нападенія въ одной личности или въ бандѣ людей, дерзающихъ дѣйствовать въ качествѣ представителей или господъ всего народа, живущаго на данной территоріи". (В. Тэкеръ).

Государственное право лишаетъ свободы всѣхъ, кромѣ немногихъ правителей, да и тѣ, оберегая свою власть, опутываютъ себя своими же постановленіями. Но всѣ эти постановленія, всѣ законы, нарушаются правителями каждый разъ, когда имъ выгодно нарушить ихъ. Эти постановленія—законы въ значительной степени являются лицемѣрной маской правителей, дающей имъ возможность говорить о своемъ подчиненіи законамъ. Какъ будто законы—не ихъ законы, не ихъ измышленія, не ихъ приказъ. Правители имѣютъ столько правъ, сколько силы и они стараются увеличить свои. Власть можетъ быть ограничена силою подданныхъ или даже ошибочнымъ предположеніемъ правителей, что подданные—сильны.

Нѣтъ основаній считать серьезными доводы правовѣдовъ, восхищающихся правовыми государствами съ якобы ограниченной властью правителей. Въ сущности, правовыя государства лучше неправовыхъ только для богатыхъ и отчасти для образованныхъ группъ населенія, но не для трудящихся массъ. Для нихъ всѣ государства—хранители не права, а безправія.

Блестящій юристъ, знатокъ государственнаго права, оксфордскій профессоръ А. В. Дайси, намѣчая характерныя черты правового государства, говоритъ, что „господство права означаетъ: во 1) безусловно „верховенство или преобладаніе закона въ противоположность произвольной власти" и „во 2) господство права означаетъ равенство передъ закономъ или одинаковое подчиненіе всѣхъ классовъ общества обыкновенному закону, примѣняемому обыкновенными судами".

Все это не очень утѣшительно. Не говоря даже о томъ, что законъ, которому будто бы принадлежитъ верховенство въ правовомъ государствѣ, можетъ быть никуда негоденъ, несправедливъ, жестокъ, отражать не только интересы какого либо одного класса, но и всю низменность ума и морали своихъ творцевъ; не говоря уже о томъ, что само примѣненіе закона людьми не свободно отъ отпечатка нѣкотораго произвола, неизбѣжнаго при наличности классовыхъ симпатій и антипатій, не говоря о

томъ, что законъ является окаменѣлымъ приказомъ, замѣтимъ, что для общежитія нѣтъ смысла противополагать одному злу— то есть, „произволу власти“—другое зло, то есть законъ, который является „отвердѣлымъ произволомъ власти“. Нѣтъ смысла потому, что первому и второму злу можно противопоставить добро—отсутствіе власти.

Одинаковое подчиненіе закону, равенство передъ нимъ богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и не образованныхъ, правящихъ и подданныхъ—чистѣйшая фикція.

Богатый и бѣдный, властный и безвластный, образованный и не образованный человѣкъ вовсе не равны передъ закономъ и, оспаривая это положеніе, мы должны будемъ признать, что передъ нами находятся два равные противника и въ томъ случаѣ, если мы дадимъ по шпагѣ одинаковой длины тридцатилѣтнему силачу-фехтмейстеру и десятилѣтнему ребенку.

Законъ—одинъ, но онъ работаетъ для богатыхъ или властныхъ и спитъ, когда надо работать для бѣдныхъ или подвластныхъ.

Конечно, всякій, желающій выполнить нѣкоторыя „законныя“ формальности, можетъ открыть фабричное производство: законъ разрѣшаетъ такое устройство, но богачъ можетъ устроить такую фабрику, а бѣднякъ—нѣтъ. Законъ всѣмъ разрѣшаетъ обучаться въ гимназіяхъ и въ университетахъ, но это обученіе доступно для богатыхъ и не доступно для дѣтей рабочихъ. Богатый можетъ нанять искустнаго адвоката для уголовнаго или гражданскаго процесса, бѣднякъ безнадежно путается въ судопроизводственныхъ формахъ, теряется и проигрываетъ даже правое дѣло.

Далѣе. Нѣтъ и не было такого правоваго государства, въ которомъ обыкновенные суды не замѣнялись бы судами чрезвычайными, гдѣ бы обыкновенные законы и суды не замѣнялись бы чрезвычайными законами и судами, при чемъ подъ словомъ чрезвычайный надо понимать въ данномъ случаѣ „санкціонирующій самый дикій произволъ“. Эти суды и законы вводятся каждый разъ, когда правителямъ грозитъ серьезная опасность утратить власть, необходимую для богатыхъ и сильныхъ людей.

Правовое государство А. Дайси, это—утопія и, къ тому же утопія, по существу, не желательная.

Государствовѣды говорятъ намъ, что власть ограничивается законами о свободахъ. Но правильнѣе сказать, что эти законы издаются именно для того, чтобы упрочить власть.

Вовсе не нужны законы о свободѣ слова, коалицій и пр... Точно также не нужны и законы, ограничивающіе свободу коалицій, свободу рѣчи и пр.

Вовсе не нужны законовъ для того, чтобы имѣлась свобода. Если бы не было власти, то есть, правителей, запрещающихъ говорить, собираться, устраивать союзы и пр., то не кому и не къ чему было бы писать законы о томъ, что люди имѣютъ право высказывать свои убѣжденія, устраивать коалиціи и пр., какъ не

нужно писать для человѣка законъ о томъ, что люди имѣютъ право говорить, устраивать собранія и пр...

Нѣтъ такого правительства, которое вычеркнуло бы изъ своего свода законовъ (или изъ свода судебныхъ прецедентовъ, имѣющихъ силу закона) всѣ строки, въ которыхъ говорится о собраніяхъ, рѣчахъ, союзахъ, печати и т. д.

Нигдѣ нѣтъ поэтому и свободы. Нѣтъ ее и въ совѣтской республикѣ, нѣтъ и въ парламентскихъ странахъ.

Возьмемъ, хотя бы Англію, эту классическую страну того, что государственное право называетъ свободой. Въ этой странѣ нѣтъ законовъ о свободѣ слова, въ континентальномъ пониманіи этихъ словъ. Въ этомъ отношеніи тамъ былъ сдѣланъ микроскопическій шагъ къ анархизму, но и въ этой странѣ свобода слова и печати исчезаетъ, разъ въ словахъ оратора или писателя заключается то, что можно назвать возваніемъ къ мятежу, къ возбужденію вражды между классами, или подрывъ авторитета государственной власти.

Правда, насъ утѣшаютъ тѣмъ, что судъ рѣшаетъ въ Англіи вопросъ о томъ, ведется ли въ этомъ случаѣ рѣчь о „законной“ защитѣ научныхъ и философскихъ воззрѣній или о караемыхъ закономъ нападкахъ на современный строй властнаго общества. Но, если такъ, то при чемъ тутъ свобода? Но судьи—кто?.

Если я выскажу свои убѣжденія, ни на грошъ не интересуясь наукой или философіей, или даже, не признавая ихъ авторитета въ области обществовѣдѣнія, развѣ не будетъ попрана свобода слова, когда 12 лавочниковъ и коронный судья посадятъ меня за мои слова въ каторжную тюрьму?

Но и условныя свободы существуютъ въ Англіи только до тѣхъ поръ, пока это не опасно для правителей и эксплуататоровъ, (при чемъ въ другихъ странахъ, не исключая и варварскихъ С.А.С.Штатовъ, происходитъ нѣчто худшее, чѣмъ въ Англіи).

„Всѣ эти права,—пишетъ П. А. Кропоткинъ, прекрасно знающій Англію,—терпимы до тѣхъ поръ, пока народъ ими не пользуется противъ привилегированныхъ классовъ. Но въ тотъ день, когда народъ будетъ пользоваться ими для уничтоженія привилегій, они будутъ брошены за бортъ“.

И дѣйствительно: правители Англіи пріостанавливаютъ дѣйствіе всѣхъ законовъ о свободѣ каждый разъ, когда считаютъ нужнымъ. Они арестовывали людей за рѣчи, бросали въ тюрьмы и ссылали за устройство невинныхъ союзовъ, вскрывали письма и поступали такимъ образомъ при полномъ одобреніи парламента.

А. В. Дайси напрасно протестовалъ противъ введенія въ Англіи военнаго положенія во время возстанія или войны. Въ такихъ случаяхъ правители не слушаютъ доводовъ ученыхъ. Правители знаютъ, что имъ выгодно бросить въ тюрьмы или убить энергичнѣйшихъ борцовъ за свободу и никогда не стѣснялись, отмѣняя всѣ свободы.

Во время послѣдней войны либеральное правительство Асквита, а потомъ реакціонное Лойда Джоржа, громило въ Англіи полицейскими силами редакціи и типографіи неугодныхъ ему газетъ, бросало въ тюрьму неугодныхъ ему писателей и даже наборщиковъ рабочихъ газетъ. Оно запретило собранія, бросало людей въ тюрьмы за рѣчи противъ воинской повинности и т. д...

Парламентъ покрывалъ грубѣйшія нарушенія свободы, но и до послѣдней большой войны его нельзя было считать хранителемъ свободъ: — „что касается парламента, — писалъ объ Англіи П. А. Кропоткинъ,—то онъ все время посягаетъ на политическія права народа и упраздняетъ ихъ однимъ росчеркомъ пера не хуже любого короля, когда ему грозитъ возстаніе массъ“.

Съ немалымъ лицемѣріемъ англійскій законъ разрѣшаетъ гражданину, потерпѣвшему во время военнаго положенія отъ произвола какого либо чиновника, привлечь послѣдняго къ судебной отвѣтственности тотчасъ послѣ отмѣны военнаго положенія. Наряду съ этимъ, парламентъ законодательнымъ актомъ снимаетъ послѣ военнаго положенія всякую отвѣтственность съ такихъ чиновниковъ-преступниковъ. Странное, откровенное лицемѣріе!.

Свобода и государство,—все равно правовое, или деспотическое, или всякое другое, – не совмѣстимы.

Пока есть власть, всегда будетъ или фикція свободы или отсутствіе даже этой фикціи. Свобода мыслима только въ безвластномъ обществѣ.

Государственное право можетъ говорить, не лицемѣря, не о свободахъ, а о томъ обманѣ, о тѣхъ иллюзіяхъ свободъ, которыми правители укрѣпляютъ свою власть-ненавистницу дѣйствительной свободы.

О задачахъ государства.

Задачей государства можно считать все, что угодно:—осуществленіе безопасности и нравственности, благосостоянія или права, добродѣтели или возможности для личности всесторонне и гармонически развиваться,—говоря вообще, можно взять любую изъ общественныхъ задачъ и заявить, что государство, какъ разъ, и занято или должно заняться ея разрѣшеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ того, что какой либо писатель или какая либо политическая партія назовутъ какую либо изъ общественныхъ, желательныхъ для этой личности или партіи задачъ— задачей государства, вовсе еще не слѣдуетъ, что государство занимается или займется ея разрѣшеніемъ.

На вопросъ, въ чемъ заключаются задачи государства, можно отвѣтить не иначе, какъ изучивъ дѣйствительно наблюдавшіяся

въ теченіи тысячелѣтій задачи существующихъ и исчезнувшихъ государствъ.

Только при этомъ условіи можно получить научный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Вся исторія учитъ насъ, что задачи государствъ сводились къ доставленію правителямъ и тѣмъ лицамъ, которые были близки къ правителямъ и на которыхъ послѣдніе опирались, возможно большаго количества всевозможныхъ благъ.

Никакихъ другихъ задачъ, кромѣ этой главной и вытекающихъ изъ нея, государства не имѣли. Если ими и дѣлалось что либо для подвластныхъ, то исключительно потому, что такими дѣяніями поддерживалась власть правителей.

Слово „подданные“ означаетъ людей, поддавшихся силѣ и власти другихъ лицъ, оно примѣняется къ людямъ обложеннымъ данями-податями (налогами) и повинующихся своимъ властителямъ.

Сборъ съ подданныхъ дани, податей, налоговъ является одной изъ главнѣйшихъ функцій государства. Русское государство, напримѣръ брало съ населенія около третьей части его дохода, то есть, столько же, сколько и всѣ капиталисты, вмѣстѣ взятые.

Населеніе работало на этого страшнаго эксплуататора почти два дня въ недѣлю, затѣмъ около двухъ дней въ недѣлю на всѣхъ остальныхъ эксплуататоровъ и два дня съ небольшимъ въ недѣлю на себя.

Бѣдняки платятъ государству дань вырабатывая ея тяжелымъ трудомъ.

Богатые тоже платятъ налоги, какъ платятъ ихъ и правители, но сами не трудятся, а берутъ для этого (и для многого) необходимыя средства изъ продуктовъ, выработанныхъ трудомъ бѣдняковъ.

Правительство собираетъ съ народа громадныя деньги, между прочимъ, и для того, чтобы подкупать людей, охраняющихъ правительственную власть.

Одной изъ задачъ (вытекающихъ изъ основной задачи) государства является, поэтому, постоянное стремленіе увеличить число поддерживающихъ правительство лицъ, число всевозможныхъ чиновниковъ.

Правительствамъ приходится взыскивать возможно больше денегъ на подкупъ, на содержаніе войска и на удовлетвореніе своихъ возрастающихъ потребностей. Не довольствуясь сборами всевозможныхъ податей, государства зачастую занимаютъ деньги предоставляя уплату долга будущимъ правителямъ, которые въ свою очередь, будутъ взыскивать разныя подати.

Для того, чтобы собирать подати и сохранять власть, правителямъ пришлось организовать изъ подкупленныхъ лицъ и изъ лицъ, навербованныхъ силою, разные институты насилія и лицемѣрія.

Въ глубокой древности, когда численность подданныхъ была не особенно велика (относительно къ правителямъ много меньше, чѣмъ въ наше время) каждый правитель лично занимался насиліемъ:—убивалъ, ранилъ, связывалъ и бросалъ въ тюрьмы подданныхъ, отказывавшихся платить дань или работать на правителей. Позднѣе, они только приказывали дѣлать все это своимъ чиновникамъ, такъ сказать,—подкупленнымъ людямъ.

Далѣе, правители потребовали отъ подданныхъ налога крови— людей для устройства своего главнаго института насилія—войска.

Государства, то есть, правители, провозгласили такимъ образомъ и силой провели въ жизнь свое „право" на жизнь подданыхъ, свое „право" посылать ихъ на смерть и увѣчья.

А изъ добровольцевъ правители нанимали сборщиковъ податей, полицейскихъ, тюремщиковъ, судей, палачей и другихъ людей, дающихъ правителямъ возможность издавать такіе приказы, которые тотчасъ же будутъ выполнены, благодаря усиліямъ этихъ нанятыхъ лицъ.

Не довольствуясь сборами податей и займами, правители занимались и занимаются эксплуатаціей наемныхъ рабочихъ въ своихъ транспортныхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. Правительство старается привязать къ себѣ этихъ рабочихъ пенсіями, выдаваемыми достигшимъ преклоннаго возраста и при томъ наиболѣе послушнымъ изъ этихъ тружениковъ, а также немного лучшими условіями труда и заработка, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ частно-капиталистическихъ предпріятіяхъ. Но у этихъ рабочихъ государство отнимаетъ обыкновенно право бастовать и устраивать союзы.

Только что указанными подачками рабочіе государственныхъ предпріятій какъ бы отдѣляются отъ остальной массы рабочихъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они отстаютъ отъ нея даже въ борьбѣ за мелкое улучшеніе быта трудящейся массы.

Задачей государства, руководящагося стариннымъ правиламъ „divide et impera", являются и другіе пріемы раздѣленія гражданъ на враждующія группы, при чемъ политическія партіи усердно помогаютъ государству въ выполненіи этой задачи.

Стараясь удержаться на своихъ постахъ, правители берутъ на себя завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами общежитія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ разговоры о дѣятельности правителей, имѣющей цѣлью удовлетвореніе общественныхъ потребностей, имѣютъ условный смыслъ. Дѣло въ томъ, что подъ маской удовлетворенія этихъ потребностей, правители удовлетворяютъ потребности тѣхъ группъ общества, на которыя они опираются, а также и свои личныя потребности, „потребности властителей".

Такъ, напримѣръ, даже тогда, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи дѣйствительно общественной потребности, хотя ты объ образованіи будущихъ гражданъ, правители отнюдь не заботятся о созданіи контингента образованныхъ людей, а даютъ, подъ именемъ образованія, урѣзанное, фальсифицированное знаніе, стараясь подготовить для себя послушныхъ и умѣющихъ служить правительству подданныхъ, а для капиталистовъ—умѣлыхъ рабочихъ. „Возьмемъ,—говорилъ П. Лафаргъ,—законы объ обязательномъ образованіи. Развѣ они изданы въ интересахъ рабочихъ? Никогда. Они изданы для пользы хозяевъ, которые все болѣе и болѣе нуждаются въ обученной работѣ при тонкихъ и сложныхъ машинахъ, которыя употребляетъ современная индустрія".

Не фальсифицированное, не урѣзанное знаніе дается только немногимъ лицамъ, изучающихъ тѣ отрасли наукъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ правительственной дѣятельности и въ ряды этихъ немногихъ фактически закрытъ доступъ представителямъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ группъ населенія.

Современное государство стремится захватить въ свои руки дѣятельность какъ разъ по такому своеобразному удовлетворенію все большаго и большаго числа общественныхъ потребностей, но общество, въ цѣломъ, отъ этого только проигрываетъ.

Общественныя потребности подмѣняются потребностями давящихъ классовъ общества; правители принудительно навязываютъ обществу свои услуги для плохого удовлетворенія общественныхъ потребностей и мѣшаютъ гражданамъ мало-мальски разумнымъ образомъ организовать это удовлетвореніе.

Само являясь эксплуататоромъ и охраняя эксплуатацію, неглупое правительство старается залѣчить наиболѣе тяжкія раны, причиняемыя эксплуатаціей и, создавая для этого новые кадры чиновниковъ, усиливаетъ свою власть; эту дѣятельность государства едва ли можно назвать удовлетвореніемъ общественныхъ потребностей.

Хотя правители и захватили дѣятельность по разрѣшенію нѣкоторыхъ общественныхъ задачъ, тѣмъ не менѣе, эти правители не явились въ общество, какъ результатъ естественнаго развитія послѣдняго, а ворвались въ него, какъ насильники.

Только устранивъ этихъ насильниковъ, этихъ правителей отъ постояннаго вмѣшательства въ общественную жизнь, то есть, выбросивъ ихъ изъ общежитія, общество сможетъ разумно удовлетворять свои потребности, свободно развиваться, умѣло разрѣшать представшія передъ нимъ задачи.

Но, если правители существуютъ, общество неизбѣжно закрѣпощается, въ его творчество вносятся уродующіе это творчество элементы приспособленія къ правительственнымъ цѣлямъ, его жизнь сбивается съ вѣрной дороги, развитіе, прогрессъ тормозятся.

Строго говоря, нельзя говорить объ общественномъ характерѣ правительственной власти. Рѣчь можетъ идти только о томъ, что правители, постоянно вмѣшиваясь въ общественныя дѣла, мѣшаютъ организовать ихъ полезнымъ для всѣхъ членовъ общежитія образомъ. Правительство всегда дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать для своей пользы и для пользы поддерживающихъ его группъ населенія, какъ бы ни назывались послѣднія:—рабовладѣльцами, крѣпостниками, предринимателями, капиталистами, чиновниками будущаго „соціалистическаго“ государства, чиновниками казенныхъ заводовъ и пр.

Только уничтоживъ всякое правительство, то есть, уничтоживъ государство, можно добиться того, что правители не будутъ вмѣшиваться въ общественную жизнь, безпощадно и нелѣпо уродуя ее.

Доводы въ пользу сохраненія государства.

Государство нужно для однихъ общественныхъ классовъ и не нужно для другихъ. Если мы станемъ на точку зрѣнія трудящагося и хорошо понявшаго свои интересы населенія, то мы не найдемъ ни одного серьезнаго довода въ пользу сохраненія государственнаго строя общества.

Тѣмъ не менѣе, очень важно знать тѣ доводы, которыми доказывается необходимость государствъ; не мѣшаетъ знать и главныя возраженія противъ этихъ доводовъ.

Намъ говорятъ, что государство „является естественнымъ охранителемъ интересовъ грядущихъ поколѣній противъ односторонняго эгоизма настоящаго“. (Н. Коркуновъ).

Вся эта фраза ошибочна. Именно государство или допускаетъ или само производитъ самое варварское истощеніе, какъ естественныхъ, такъ и созданныхъ трудомъ богатствъ страны. Достаточно присмотрѣться къ нынѣ происходящему уничтоженію богатствъ для того, чтобы понять, какъ тяжело будетъ расплачиваться грядущимъ поколѣніямъ за „государственную дѣятельность“—войну. Достаточно вспомнить о тѣхъ многомилліардныхъ займахъ, которые дѣлаютъ государства за счетъ грядущихъ поколѣній.

Но такіе займы дѣлаются, въ меньшихъ размѣрахъ, и въ мирное время, при чемъ тратятся въ большинствѣ случаевъ самымъ непроизводительнымъ образомъ.

Грубая эксплуатація людского труда, которой покровительствуютъ современныя государства, не только истощаетъ силы рабочихъ, но подрываетъ здоровье и дѣтей этихъ истощенныхъ родителей.

Хищнически, съ большимъ барышемъ для себя, но невыгоднымъ для современныхъ и грядущихъ массъ населенія образомъ,

предпринимателями разрабатываются нынѣ всевозможные источники сырыхъ матеріаловъ и государство покровительствуетъ этимъ предпринимателямъ, а иной разъ и само является предпринимателемъ хищникомъ.

Если что либо и дѣлается иногда съ цѣлью охраны интересовъ грядущихъ поколѣній, то только потому, что эти дѣянія выгодны и полезны, вмѣстѣ съ тѣмъ, и современнымъ правителямъ.

Очень многое дѣлается государствомъ за счетъ интересовъ будущаго населенія, къ прямой его невыгодѣ и ничего не дѣлается съ исключительной цѣлью охраненія его интересовъ.

Мы можемъ только надѣяться, что гармоническое, то есть, безгосударственное общежитіе будущаго, въ силу ослабленія эгоизма среди его членовъ и въ силу развившагося среди нихъ чувства симпатіи, будетъ заботиться объ интересахъ далекихъ.

Такая забота мыслима для свободнаго общества, но не для общества, въ которое ворвалась принудительная власть, заботящаяся только о своихъ представителяхъ и о классахъ на которые эти властители опираются.

Отнюдь не государство являлось причиной того, что люди становились все болѣе и болѣе культурными, что человѣчество прогрессировало. Наоборотъ, государство являлось могучимъ тормазомъ такого прогресса. Исторія государствъ, это — исторія борьбы съ культурой человѣчества, съ прогрессомъ. Это исторія ужасовъ, безумія, глупостей.

„Съ конца прошлаго столѣтія (18-го) едва ли не всякій шагъ впередъ человѣчества не только не поощрялся, но всегда задерживался правительствомъ. Такъ это было съ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ, рабства, съ установленіемъ свободы печати и собраній. Въ наше же время государственная власть и правительства не только не содѣйствуютъ, но прямо препятствуютъ всей той дѣятельности, посредствомъ которой люди вырабатываютъ себѣ новыя формы жизни. Рѣшенія вопросовъ рабочаго, земельнаго, политическаго, религіознаго не только не поощряются, но прямо задерживаются государственной властью". (Л. Н. Толстой).

До 18-го вѣка дѣло обстояло не лучше. Что касается до матеріальной культуры, то государство съ его институтами долговой кабалы, рабства, крѣпостничества, наемничества, страшно задерживало ея развитіе и распространеніе. Тормазомъ этой культуры будетъ и грозящій Россіи институтъ государственнаго капитализма.

Могучимъ факторомъ прогресса, основаніемъ для развитія культуры и цивилизаціи всегда былъ и будетъ законъ нарастанія потребностей, по которому, за привычнымъ удовлетвореніемъ данныхъ потребностей, неизбѣжно появляются новыя или услож-

няются старыя потребности. Наличность неудовлетворенныхъ потребностей заставляетъ человѣка дѣйствовать съ цѣлью ихъ удовлетворенія и такое дѣйствіе есть факторъ прогресса.

Государства же, грабя народныя массы, всегда мѣшали удовлетворенію, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ потребностей, всегда было факторомъ застоя, а то и прогресса.

Развѣ русское государство не дѣлало всевозможнаго для того, чтобы задержать культурный ростъ народа? Развѣ не задерживаютъ на каждомъ шагу размаха соціальнаго прогресса такъ называемыя демократическія государства, хотя бы и нашего времени? Плохо вѣрится и въ прогрессивную дѣятельность „соціалистическаго“ государства.

Нѣтъ далѣе и тѣни основаній утверждать, что государство дѣлаетъ менѣе стѣснительной, ослабляетъ зависимость отдѣльныхъ лицъ отъ общества. Никакихъ доказательствъ въ пользу этого положенія не приводится, если не говорить о томъ, что группа правителей дѣйствительно становится болѣе или менѣе независимой отъ подвластныхъ, которыхъ только въ очень условномъ смыслѣ слова можно назвать „обществомъ“.

Наряду съ этимъ, болѣе чѣмъ ясно, что въ государствахъ къ зависимости отъ общества, (если называть такой зависимостью наличность обычнаго права) присоединяется и грубая зависимость отъ обладающихъ принудительной властью правителей.

Нельзя называть государства мирными общежитіями, противопоставлять ихъ не знающимъ принудительной власти, якобы немирнымъ общежитіямъ. Какъ разъ послѣднія общежитія,—напримѣръ, общежитія эскимосовъ,—и отличаются поразительнымъ миролюбіемъ, тогда какъ государства постоянно лили рѣки крови. Эти строки пишутся въ тотъ моментъ, когда 14 государствъ послали своихъ подданныхъ убивать другъ друга. Всякій знаетъ, что творятъ эти мирныя государства, правители которыхъ клянутся, что они ничего, кромѣ мира, никогда не желали.

Какъ-то странно говорить о такомъ мнимомъ признакѣ государства, какъ „мирный порядокъ“, послѣ того, какъ 17 государствъ только что вели войну, то есть, человѣкоубійства и искалѣченія людей.

Въ теченіи сотенъ лѣтъ всѣ убійцы всего міра не совершили бы и сотой части тѣхъ убійствъ, ужасающихъ искалѣченій и пораненій, которыя сдѣлали въ эту войну государства, будто бы создавшія мирный порядокъ.

Всѣ воры и грабители всего міра не причинили бы мирному общежитію и милліонной части тѣхъ убытковъ, не создали бы и стомилліонной части того разоренія, которыя нанесли людямъ и причинили эти государства за время войны.

Всѣ злодѣи всего міра и въ тысячу лѣтъ не заставили бы людей пролить столько горькихъ слезъ, сколько заставили пролить ихъ эти, будто бы создавшія мирный порядокъ государства.

Исторія государствъ, это—исторія и безчисленныхъ войнъ. Неужели все это мыслимо называть мирнымъ порядкомъ, не находясь на излѣченіи въ лечебницѣ для душевнобольныхъ?

Но не говоря уже о томъ, что государства ведутъ кровавыя войны, не говоря о томъ, что они не могутъ не вести ихъ замѣтимъ, что именно въ государствахъ, и при ихъ поддержкѣ, идетъ отнюдь не мирная классовая, національная, иной разъ религіозная борьба, постоянно практикуется безкровное, а то и кровавое, (при такъ называемыхъ несчастныхъ случаяхъ) убійство эксплуататорами эксплуатируемыхъ.

Не надо забывать и о томъ, что государство ведетъ постоянную борьбу со своими въ чемъ либо не покорными волѣ правителей подданными и поддерживаетъ свой престижъ даже тѣми подлыми убійствами, которыя называются смертными казнями.

И вотъ этой то постоянной борьбою занято яко-бы мирное государство. Ссылаясь на наличность лицъ, не желающихъ подчиняться приказамъ государства, а иногда и привычкамъ общежитія, государства заводятъ вооруженныхъ людей, полицію, хватаютъ, бросаютъ въ тюрьмы или, иначе какъ, казнятъ этихъ людей. Государства развиваютъ тутъ самую не мирную дѣятельность. Они не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ именно этой своей дѣятельностью они плодятъ такихъ непокорныхъ ихъ власти людей. Короче, государства отнюдь не являются мирными общежитіями.

Безусловно невѣренъ и дотъ доводъ въ пользу государства, что оно дѣйствуетъ въ интересахъ всѣхъ: — и подвластныхъ и самихъ правителей, что оно блюдетъ общіе интересы. Ясно, какъ день, что государство дѣйствуетъ, прежде всего въ своемъ личномъ интересѣ, то есть въ интересѣ правителей, а затѣмъ въ интересѣ своей опоры, въ интересѣ давящихъ общественныхъ классовъ или, что рѣже, только отчасти и далеко не полностью, обслуживаетъ нѣкоторые интересы подчиненныхъ классовъ, поддерживающихъ данное правительство.

Выше классовыхъ интересовъ государство не можетъ стать: оно не можетъ подняться надъ ними, такъ какъ станетъ тогда совсѣмъ ненужнымъ. Правители, поднявшіеся надъ классами, а также правители, всецѣло вставшіе на сторону эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ классовъ, никогда не существовали да и не будутъ существовать.

Невѣрно и то утвержденіе, что въ демократическихъ республикахъ „всѣ имѣютъ одинаковое право власти и нѣтъ никого, кто бы являлся только подвластнымъ“. Не говоря о женщинахъ,

не вотирующихъ во многихъ демократіяхъ, не говоря о недѣеспособныхъ лицахъ, замѣтимъ, что участвовать въ выборахъ, то есть, разъ въ нѣсколько лѣтъ бросить въ избирательный ящикъ бюллетень для того, чтобы посадить себѣ на шею законодателей,—это вовсе не значитъ имѣть право власти, вовсе не значитъ быть правителемъ: это значитъ выбрать себѣ правителя, не болѣе.

Нельзя сказать, что въ правахъ власти одинаково участвуютъ въ Америкѣ и Франціи министры и тряпичники, сенаторы и рыбаки, милліонеры и нищіе. Нельзя оправдывать такимъ заявленіемъ существованіе демократическаго государства. Это какое-то странное лицемѣріе.

Извѣстный государствовѣдъ Іеллинекъ почему-то думалъ, что „всякая увѣренность въ будущемъ—это необходимое условіе соціальной дѣятельности—возможно только на основѣ права", причемъ онъ говорилъ о принудительномъ государственномъ правѣ.

Для насъ же нѣтъ сомнѣнія, что право является простымъ отраженіемъ дѣйствительной жизни, регистраціей ея формъ и измѣняется сообразно измѣненіямъ жизненныхъ условій. Ужъ по одному этому утвержденіе проф. Іеллинека безусловно невѣрно. Пусть исчезнетъ принудительное государственное право, но жизнь, со всей ея соціальной дѣятельностью, съ увѣренностью въ будущемъ останется, хотя ея отраженіе въ принудительномъ правѣ и исчезнетъ. Увѣренность въ будущемъ возможна не потому, что жизнь не мѣняется по капризу отдѣльныхъ лицъ, что она измѣняется въ зависимости отъ опредѣленныхъ стойкихъ причинъ. Конечно, полное отождествленіе права съ „отраженіемъ въ законѣ жизненныхъ соотношеній" было бы ошибкой. Право имѣетъ еще свойство задерживать развитіе жизни, въ силу чего, а также и другихъ причинъ въ ней и наблюдаются и революціонные взрывы, отнюдь, къ слову сказать, не совмѣстимые съ увѣренностью въ будущемъ. И нѣтъ сомнѣнія: именно принудительное право является одной изъ причинъ такихъ взрывовъ, всегда неожиданныхъ для подавляющаго большинства населенія, такъ какъ это право поддерживаетъ все противъ чего поднимаются революціи.

До какой степени трудно доказать необходимость или полезность государства, видно хотя бы изъ той неудачной аналогіи, къ которой пришлось прибѣгнуть выдающемуся юристу Іерингу и къ которой, вслѣдъ за нимъ, прибѣгаютъ и другіе сторонники государственнаго строя.

„Положимъ,—пишетъ Іерингъ,—читателю, во время путешествія, предстоитъ совершить свободный выборъ между двумя странами: въ одной онъ вездѣ найдетъ гостинницы, въ другой—ихъ вовсе нѣтъ. Восполняется же этотъ недостатокъ госте-

пріимствомъ, весьма распространеннымъ въ этой странѣ. Предположивъ всѣ другія исторіи вполнѣ одинаковыми, спросимъ, куда направитъ онъ свои стопы. Я не сомнѣваюсь, что въ первую изъ этихъ странъ. Конечно, гостепріимство, широко растворяющее двери для усталаго путешественника, прекрасная вещь. Но гостинница лучше гостепріимнаго дома. Гостинница всегда гарантируетъ мнѣ пріютъ за деньги, которыя совершенно избавляетъ меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ необхимости унижаться до просьбъ или отъ обязанности благодарить за благодѣяніе. Въ моемъ кошелькѣ—моя свобода и полная независимость во время путешествій".

Положимъ плохо то гостепріимство, получить которое можно только путемъ унизительной просьбы, но если дѣло идетъ о обычномъ гостепріимствѣ, то, нѣтъ сомнѣній, что страна съ гостинницами лучше для богача съ туго набитымъ бумажникомъ, а для бѣдняка, куда лучше, страна широкаго гостепріимства.

При такомъ отвѣтѣ на вопросъ Іеринга, какую страну предпочтетъ путешественникъ, аналогія Іеринга близка къ истинѣ. Богачамъ государство полезно, для бѣдняковъ же всѣ его блага фактивны такъ же, какъ недоступны для бѣдняка всѣ блага гостинницы. Но надо надѣяться, что гостинницы Іеринга—обычныя гостинницы, что ихъ хозяева не обладаютъ, какъ обладаютъ правители, принудительной властью, что эти хозяева не могутъ по произволу залѣзать въ кошелекъ путешественника и заставлять послѣдняго драться не на животъ, а на смерть, съ путешественниками изъ другихъ гостинницъ, сажая отказавшагося отъ такой драки человѣка лѣтъ на двадцать въ подвалъ гостинницы на хлѣбъ и пустыя щи.

Только такія фантастическія гостинницы были бы похожи на государственныя учрежденія, а отъ послѣднихъ да избавитъ насъ, если не судьба, то наша дѣятельность.

Происхожденіе государствъ, какъ доводъ въ пользу ихъ сохраненія.

Возникновеніе государствъ (то-есть, появленіе обладающихъ принудительной властью правительствъ и подвластнаго населенія), было вызвано, разумѣется, опредѣленными причинами.

Но изъ того, что имѣлись достаточныя причины для появленія государствъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что государство было полезно для всѣхъ людей или что оно полезно для нихъ въ настоящее время. Еще менѣе возможенъ тотъ выводъ, что государство не подлежитъ уничтоженію, потому что имѣлись когда-то причины, вызвавшія его появленіе.

Все это понятно и не нуждается въ долгихъ поясненіяхъ. Утверждая противоположное, мы признали бы застой за нормальное явленіе общественной жизни. Появленіе людоѣдства тоже было вызвано совершенно достаточными причинами, (иначе его не было бы), но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что людоѣдство было полезно для тѣхъ, кого ѣли, что оно было полезно для всего общежитія. Тѣмъ, что людоѣдство явилось слѣдствіемъ опредѣленныхъ причинъ, нельзя аргументировать противъ его уничтоженія.

Тѣмъ не менѣе, не разъ встрѣчались попытки доказать, что самый способъ возникновенія государствъ исключаетъ возможность уничтоженія этого института въ настоящее время. Намъ пытаются доказать, что, если бы такое уничтоженіе и было возможнымъ, то оно было бы актомъ вреднымъ и къ тому же предосудительнымъ въ нравственномъ отношеніи.

Всѣ эти попытки надо считать рухнувшими и только въ короткихъ словахъ придется остановиться на нихъ.

Ссылки на божественное происхожденіе государствъ не встрѣчаются уже въ современной, претендующей на научность литературѣ. Безсмысленность указаній на то, что боги или богъ фигурировали когда-то въ роли учредителей государства, не нуждается въ доказательствахъ.

Замѣтимъ только, что появленіе легендъ о богахъ-основателяхъ государства, о богахъ-предкахъ правителей болѣе ими менѣе объяснено соціологіей. Но ссылки на божественное происхожденіе Микадо или на то, что богъ назначилъ надъ русскими или нѣмцами то или другое лицо—все это спекуляція на невѣжество части населенія со стороны людей ограниченныхъ или (чаще) глубоко лицемѣрныхъ, старающихся выслужиться передъ правителями.

Къ сожалѣнію, всегда находятся люди, способные на всякую ложь для того, чтобы угодить правителямъ. Когда римскій императоръ Калигула приказалъ римскому сенату считать свою лошадь богомъ, когда для нея выстроили храмъ и назначили жрецовъ,—римскій сенатъ,—который былъ не болѣе подлъ, чѣмъ нынѣ упраздненный русскій сенатъ,—призналъ лошадь богомъ.

Не выдержали ударовъ научной критики указанія на то, что государства возникли, какъ результатъ заключеннаго между людьми договора. Соціологи, историки, государствовѣды, всѣ оспариваютъ договорное происхожденіе государствъ и только въ спеціальныхъ курсахъ государственнаго права мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ о томъ, что Гуго Гроцій, Пуффендорфъ, Ж. Ж. Руссо говорили о такомъ (договорномъ) происхожденіи государствъ.

Но, если даже допустить на одну минуту, что наши отдаленные предки заключали какой-нибудь договоръ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что этотъ договоръ обязателенъ и для насъ.

Договоръ, по которому „одинъ человѣкъ довѣряетъ упра-

вленіе своею совѣстью и управленіе своими поступками“ другому лицу, если бы даже такой договоръ и былъ заключенъ когда-либо, не пріемлемъ свободными отъ предразсудковъ людьми. „Мы не можемъ отречься отъ нашей нравственной самостоятельности; она наша неотъемлемая собственность, которую мы не можемъ ни продать, ни подарить и, слѣдовательно, никакое правительство не можетъ черпать свое насиліе отъ первоначальнаго договора“, писалъ болѣе 140 лѣтъ тому назадъ В. Годвинъ.

Органическая теорія, отождествляя государство съ организмомъ, если и немного говоритъ о происхожденіи государства (государство „родится“), но за то подчеркиваетъ его естественную, такъ сказать, необходимость. Являясь неудачной попыткой использовать для будто бы научныхъ цѣлей ненаучный методъ аналогіи, она не можетъ быть принята современнымъ знаніемъ.

На нее ссылаются, между прочимъ, въ доказательство того положенія, что государство не можетъ погибнуть безъ того, чтобы не погибли и составлявшіе его люди. Но побасенка Менепія Агриппы, если она и годилась (что сомнительно) для римскихъ плебеевъ, не годится для нашихъ современниковъ.

Такъ какъ не только отождествленіе, но и сближеніе понятій государства и организма безусловно произвольны, то можно и не считаться съ выводами изъ невѣрной посылки.

Гипотеза, по которой государство создалось, какъ результатъ полезной для общежитія дѣятельности отдѣльныхъ личностей—героевъ, законодателей и т. п.—должна быть оставлена, какъ неподтвердившаяся ни фактами исторической жизни, ни данными соціологіи. Даже въ глубокой древности, правители не были организаторами полезной или необходимой для общежитія дѣятельности, не они скрѣпляли общежитіе. Вторгаясь въ послѣднее, правители только мѣшали нормальному развитію существующаго уже общежитія.

Подъ ударами научной критики пала, между прочимъ, и легенда, по которой необходимость регулированія большихъ рѣкъ (напримѣръ, Нила) вызывала появленіе правителей. Послѣдніе явились уже, когда координированными усиліями прибрежное населеніе овладѣло разливами Нила*).

Пережитки разсматриваемой гипотезы сказались, между прочимъ, въ ученіи тѣхъ соціалистовъ-государственниковъ, которые думаютъ, что выбранныя гражданами лица могутъ организовать общежитія для общаго блага.

Встрѣчаются и такіе писатели-соціалисты, которые считаютъ научной гипотезу объ организаторахъ общества—правителяхъ.

То ученіе, по которому государство является результатомъ особаго присущаго данному народу „народнаго духа“, по су-

---

*) Честь опроверженія этой легенды принадлежитъ Элизе Реклю.

ществу своему, ровно ничего не объясняетъ и ничего не говоритъ серьезнаго о происхожденіи государства. Оно не столько метафизично, какъ фантастично. Не вѣрно оно, между прочимъ, и потому, что государство сплошь и рядомъ слагалось изъ многихъ народовъ, что оно, какъ общее правило, являлось простымъ результатомъ насилія одного народа надъ другимъ.

Попытка объяснить происхожденіе государствъ тѣмъ, что они явились слѣдствіемъ перенаселенія, остается непровѣренной гипотезой.

Нѣтъ данныхъ утверждать, что именно перенаселеніе, а не другіе факторы вызвали столкновенія между людьми, каковыя столкновенія сопровождались насиліемъ, результатомъ котораго и появились правители, то-есть общежитія съ принудительной властью.

Золотое зерно истины имѣется въ этой гипотезѣ:—безъ сомнѣнія, государство явилось на свѣтъ, какъ результатъ насилія.

Это обстоятельство нельзя, конечно, считать доводомъ въ пользу государства.

Намъ говорятъ, что государство возникло изъ семьи и потому является такимъ же „естественнымъ", не подлежащимъ уничтоженію институтомъ, какъ и семья. Не говоря даже о томъ, насколько современная семья (ее то и имѣютъ въ виду, говоря объ „естественности" семьи) должна считаться неизмѣннымъ учрежденіемъ, замѣтимъ, что государство не возникло изъ семьи. „Семья, во всякомъ случаѣ, не переходитъ въ государство: она сохраняетъ свое существованіе на ряду съ государствомъ. Можно говорить развѣ только о томъ что отъ первоначальной единственной формы общенія—семьи съ теченіемъ времени отдѣляется и обособляется еще другая форма общенія—государство, но, очевидно, этимъ будетъ разрѣшенъ вопросъ не о происхожденіи государства, а только о послѣдовательности образованія: сначала семья, потомъ государство",—говоритъ проф. Н. М. Коркуновъ.

Первоначальной формой общенія людей была впрочемъ, не семья, а спаянная инстинктомъ стадности толпа, потомъ родъ, община, но существованіе этихъ людскихъ скопленій не объясняетъ намъ происхожденія государствъ.

Такимъ образомъ, говорить объ естественной необходимости государствъ на томъ основаніи, что они возникли изъ семьи или рода, нѣтъ основаній.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что люди, хорошо знавшіе обычное право, стали въ силу этого основателями и правителями государствъ, другими словами, что государства появились какъ бы съ цѣлью сохраненія выработанныхъ общежитіемъ правовыхъ обычаевъ.

Вѣрно только то, что правители и правители-жрецы брали изъ обычнаго права то, что имъ нравилось, то-есть, то, что было для нихъ выгодно, и отбрасывали то, что было невыгодно. Ве-

дическія и брахманическія книги, напримѣръ, являются, по словамъ С. Рейнака, „произведеніями жрецовъ, заимствовавшихъ, подобно пророкамъ Израиля, только то изъ народныхъ представленій, что подходило къ ихъ ученію или къ ихъ цѣлямъ".

И то, что было выгодно заклинателямъ, шаманамъ, всевозможнымъ жрецамъ, все это поддерживалось насиліемъ, а то что было для нихъ невыгодно, насиліемъ же подавлялось.

И внѣ отношенія къ борьбѣ съ невыгодными для насильниковъ обычаями, государства создавались прямымъ насиліемъ однихъ людей надъ другими.

Нѣтъ основанія утверждать, что государство явилось, какъ слѣдствіе раздѣленія труда. Изъ того, что мы знаемъ о законахъ распредѣленія или раздѣленія труда, вовсе не слѣдуетъ, что слѣдствіемъ такого распредѣленія должны явиться правители. Распредѣлившіе между собой разныя занятія люди могутъ прекрасно обходиться безъ принудительной власти.

Сколько-нибудь серьезныхъ данныхъ въ пользу того положенія, что государство явилось результатомъ раздѣленія труда и необходимо для существованія такого раздѣленія, не приводится. Это заявленіе не доказывается ни логическими, ни соціологическими, ни историческими доводами, почему на немъ и не приходится останавливаться.

Изъ того, что государство и распредѣленіе труда существуютъ одновременно, вовсе не слѣдуетъ, что первое явилось результатомъ второго.

Государство и соціалисты-государственники.

„Государство и соціализмъ, это — огонь и вода".

Соціалъ-демократы и другіе сторонники господскаго, не рабочаго соціализма, считаютъ нужнымъ сохранить государство.

Только на словахъ, не обязывающихъ ни къ какимъ практическимъ дѣйствіямъ, они соглашаются съ тѣмъ, что въ далекомъ будущемъ создастся анархическое общество, что государство исчезнетъ, такъ какъ общество не будетъ дѣлиться на классы.

Сторонники **рабочаго** соціализма, — анархисты — заявляютъ, что дѣятельность Государства вредна для рабочихъ массъ, что Государство должно быть уничтожено одновременно съ уничтоженіемъ частной собственности.

Въ глазахъ анархистовъ, Государство является не менѣе страшнымъ эксплуататоромъ-грабителемъ, чѣмъ всѣ капиталисты вмѣстѣ взятые. Оно силою сбираетъ налоги, а налоги состоятъ, въ конечномъ счетѣ, изъ предметовъ потребленія, созданныхъ трудящимся населеніемъ. На покупку этихъ предметовъ и расхо-

дуются чиновниками и богачами собранныя съ населенія деньги.

Сначала отберутъ налогами деньги, а потомъ, при помощи этихъ денегъ, правители и чиновники отберутъ, приготовленные трудящимися предметы.

Въ то время, какъ россійское государство собирало со своихъ подданныхъ около двухъ съ половиной милліардовъ рублей въ годъ (позднѣе оно собирало больше), весь доходъ всѣхъ капиталистовъ едва ли многимъ превышалъ эту сумму; такъ, доходъ отъ торговли равнялся 360 милліонамъ, отъ кредитныхъ и страховыхъ учрежденій—65 милліонамъ, отъ перевоза—36, отъ денежныхъ, обложенныхъ налогомъ, капиталовъ—400, отъ домовладѣнія—240, отъ частной земельной собственности—600, отъ лѣсовъ—150, отъ торговопромышленныхъ предпріятій, дающихъ 1000 и болѣе 1000 рублей дохода въ годъ,—646 милліонновъ рублей въ годъ. Всего 2 милліарда 407 милліоновъ.

Пусть даже въ это исчисленіе вкралась небольшая ошибка, все же ясно видно, какимъ страшнымъ эксплуататоромъ является Государство.

Если Государство не будетъ уничтожено народными массами, они оставятъ надъ собою властелина эксплуататора, врага, болѣе могучаго, чѣмъ капиталисты.

Государство считается необходимымъ соціалистами-государственниками, потому что оно будто бы поддерживаетъ порядокъ между людьми. Кромѣ этого, соціалисты-государственники думаютъ, что государство необходимо сохранить для того, чтобы его выборные правители заняли въ соціалистическомъ обществѣ мѣста такъ называемыхъ организаторовъ производства, то есть, мѣста современныхъ предпринимателей. Эти организаторы не будутъ получать прибыли, но имъ назначитъ жалованіе своя же братія—правители.

Соціалъ-демократы почему-то утверждаютъ, что ихъ будущее государство, ихъ будущіе правители не будутъ эксплуатировать трудящихся, но ничѣмъ не доказываютъ этихъ словъ.

Причина, по которой мѣста „организаторовъ“ — нынѣшнихъ предпринимателей—не могутъ быть заняты самими трудящимися и ихъ союзами, не имѣющими ничего общаго съ государствомъ, заключается въ томъ, что рабочіе почему-то считаются господами соціалистами неспособными вести дѣло производства и распредѣленія продуктовъ.

Для многихъ соціалистовъ - государственниковъ передача средствъ производства въ общественное достояніе просто означаетъ передачу всѣхъ капиталовъ государству.

Почему же рабочіе не могли бы обойтись безъ государства, снимающаго съ нихъ чуть не послѣднюю рубашку, отбирающаго отъ нихъ, вмѣстѣ съ капиталистами, большую часть того, что приготовили рабочіе?

Намъ, впрочемъ, не говорятъ еще и того, почему это трудящійся людъ, получая все, что онъ сработалъ, въ свою пользу, узнавъ, наконецъ, человѣческую вольную жизнь и радуясь ей, будетъ заводить безпорядки. Но за то соціалъ-демократы и другіе соціалисты всегда охотно объясняютъ, почему народъ нуждается въ палкѣ, во власти, которая какъ разъ есть „тѣлесное насиліе“ (Толстой).

„Цѣлыми тысячелѣтіями, — пишетъ А. Менгеръ, — народныя массы въ политическомъ отношеніи были руководимы правительствами, въ экономическомъ—предпринимателями; весь жизненный порядокъ предписывался имъ сверху законами и приказаніями. И вдругъ анархизмъ предъявляетъ этимъ, постоянно опекаемымъ, массамъ требованія, чтобы каждая личность, посредствомъ договоровъ съ многочисленными группами, какъ бы сама для собственныхъ житейскихъ отношеній составляла себѣ сводъ законовъ“.

Но, вѣдь, такими доводами можно доказать, что и рабовладѣльческіе порядки не могли измѣниться, что и они должны были существовать чуть ли не вѣчно. „Тысячелѣтіями люди были рабами. Имъ сверху предписывали весь жизненный порядокъ. А тутъ хотятъ освобожденія рабовъ. Да развѣ они смогутъ договариваться другъ съ другомъ о разныхъ необходимыхъ дѣлахъ? Да вѣдь это ужасъ, какой безпорядокъ будетъ!“

Однако рабы были освобождены и никакихъ безпорядковъ не произошло отъ этого, и они прекрасно управлялись со своими собственными дѣлами.

Сильно ошибается А. Менгеръ, когда пишетъ, что весь жизненный порядокъ предписывался массамъ законами и приказаніями. Всегда и вездѣ сами массы вырабатывали важнѣйшія правила жизни. Законъ только скользилъ по поверхности жизни, если только онъ не былъ закономъ, предписывающимъ формы угнетенія.

Люди прекрасно обходятся безъ законовъ и приказаній въ своихъ семейныхъ, дружескихъ отношеніяхъ, при знакомствахъ, при выборѣ одежды, квартиры, пищи, при покупкахъ, при соблюденіи правилъ гигіены и пр. и пр. А было время, когда рабовладѣльцы и въ этихъ случаяхъ указывали рабамъ, что надо дѣлать. Было время, когда „полицейское государство“ издавало законы о томъ, какую одежду должны носить люди, сколько кушаній за обѣдомъ они должны ѣсть.

Жизнь доказала, что можно жить безъ этихъ приказаній и законовъ. Вчера освобожденный рабъ, сегодня вступалъ въ договоръ съ лавочникомъ, портнымъ, квартирохозяиномъ, съ многими другими людьми и устраивался лучше, чѣмъ тогда, когда слушался приказаній рабовладѣльца.

Прекрасно обходятся люди и безъ законовъ „полицейскихъ государствъ“, хотя все еще находятся подъ опекой и закономъ современнаго государства. Слова же Менгера о какихъ то сво-

лахъ законовъ доказываютъ только, что онъ имѣетъ очень смутное понятіе объ анархическомъ свободномъ договорѣ.

Анархисты не знаютъ договора—закона, договора, за которымъ стояла бы принудительная власть, а потому у нихъ не можетъ быть и сводовъ такихъ законовъ.

Даже въ настоящее время мои договоры о куплѣ-продажѣ съ мясникомъ, мелочнымъ лавочникомъ, портнымъ, сапожникомъ и пр., не создаютъ свода законовъ и если есть какая нибудь статья закона, которая говоритъ о нашихъ дѣлахъ, то мы вовсе не интересуемся ея содержаніемъ и отнюдь не руководствуемся ею.

Встрѣчаются и такіе соціалисты, которые, настаивая на необходимости сохранить государство, надѣляютъ высокими качествами даже современныхъ правителей и предпринимателей:—огромной проницательностью, спеціальной подготовкой, опытомъ и т. д..

Не были лично знакомы эти писатели съ правителями и предпринимателями, иначе бы не говорили такихъ странныхъ и наивныхъ фразъ.

Тупость и невѣжество, самодурство и дрессировка манеръ, а, если опытъ, то развѣ только въ дѣлѣ обиранія и порабощенія другихъ людей—таковы качества, присущія этимъ лицамъ.

Тѣ публицисты, которые восхваляютъ въ своихъ работахъ правителей и предпринимателей, не были даже за кулисами, о которыхъ говоритъ Л. Н. Толстой. Они наблюдали дѣятельность этихъ лицъ съ лакейскихъ стульевъ въ переднихъ, откуда и тупоуміе можетъ показаться проницательностью, а самодурство —опытомъ.

Восхваленіе правителей и предпринимателей вытекаетъ изъ рабскихъ пережитковъ, нынѣ проявляющихся въ преклоненіи передъ аристократіей и плутократіей. Рѣже мы имѣемъ здѣсь дѣло съ аристогогіей и плутогогіей—явленіями, не имѣющими за собою даже тѣхъ недостаточныхъ оправданій, на которыя можетъ сослаться демагогія.

Консервативность мышленія, неумѣнье разобраться въ томъ схоластическомъ хламѣ, который подносится подъ видомъ науки о государствѣ, позволяетъ соціалистамъ утверждать, что государство необходимо для современныхъ и для цѣлаго ряда будущихъ поколѣній. Никакъ не могутъ отдѣлаться эти соціалисты отъ навязчивой мысли, что люди не могутъ жить безъ назойливой опеки другихъ людей.

Государство, это—политическая форма совмѣстной жизни экономически-антагонистическихъ классовъ. Какимъ образомъ эта форма можетъ подойти къ общежитію, не знающему классоваго антагонизма, это—тайна господъ демократовъ, разрѣшаемая ихъ вожаками такъ, что соціалъ-демократическое государство de facto (на самомъ дѣлѣ) будетъ знать классовой антагонизмъ.

Въ лучшемъ случаѣ, если даже, (чему трудно вѣрить), въ соціалъ-демократическомъ государствѣ исчезнутъ богачи-рантье-

ры, все равно, въ немъ останутся чиновники и интеллигенты. Обѣ эти группы населенія помѣщаются въ „сочиненіяхъ“ соціалъ-демократовъ внѣ классовъ, какъ разъ для того, чтобы можно было утверждать, что чиновничье и интеллигентско-кратическое государство соціалъ-демократовъ не знаетъ классовъ.

Если опредѣляя государство, сторонники этого института не могутъ найти въ немъ желательныхъ свойствъ, они приписываютъ таковыя будущему, еще не существующему государству.

Всѣ бывшія до сихъ поръ и всѣ существующія государства были страшно вредны для трудящагося населенія и полезны для насильниковъ, грабителей, для обиралъ всякаго рода.

Соціалъ-демократы хотятъ почему то, чтобы мы повѣрили, что ихъ будущее Государство, гдѣ одни люди будутъ командовать надъ другими, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, станетъ полезнымъ для рабочихъ, но мы знаемъ только, что соціалъ-демократическое государство будетъ на всѣ руки мастеромъ: и производство организуетъ, и дѣтишекъ научитъ и одѣнетъ, и вдовамъ слезы утретъ, и голодныхъ накормитъ, и анархистовъ въ тюрьмы запрячетъ,—во все оно вмѣшается, всѣмъ будетъ управлять и, конечно, управлять будетъ скверно.

Это государство превратится въ какую-то удивительную машину, могущую плести кружева и судить, завѣдывать школьнымъ дѣломъ и дѣлать сосиски, строить дома и собирать налоги, распоряжаться полиціей и варить супъ, копать уголь и томить людей въ тюрьмахъ, собирать войска и шить одежду...

Государство превратится у этихъ „соціалистовъ“ въ копье древняго греческаго вождя Ахиллеса, въ копье, ржавчина котораго исцѣляла тѣхъ, кого оно же ранило.

Но не лучше ли просто сломать это копье, чтобы оно никого не ранило?

Вѣдь, нѣтъ сомнѣнія, что въ государствѣ соціалъ-демократовъ одни люди будутъ управлять другими, то есть, будутъ угнетать ихъ, обирать, дѣлать несчастными.

Соціалъ-демократы утѣшаютъ насъ тѣмъ, что ихъ Государство будетъ управлять вещами, но не людьми. Но мы то знаемъ, что и въ настоящее время люди управляютъ людьми какъ разъ потому, что они управляютъ вещами—промышленными и другими предпріятіями, имѣніями, домами, покупаемыми на налоги вещами.

Государство соціалъ-демократическое, прибавивъ къ обычной дѣятельности Государства, управленіе разными предпріятіями, тѣмъ самымъ будетъ сильнѣе, а, слѣдовательно, и опаснѣе для своихъ подданныхъ.

Отрицательныя стороны „соціалистическаго" государства.

...„и говоритъ змѣѣ:—„хоть ты и въ новой кожѣ да сердце у тебя все тоже".
(Крыловъ).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда соціалъ-демократы пытаются доказать, что ихъ государство много лучше современнаго, они терпятъ полную неудачу.

Противопоставляя парламентскимъ „битвамъ" будущую структуру соціалистическаго государства. А. Бебель писалъ:—„парламентскіе бои уступятъ мѣсто коллегіямъ и делегаціямъ, которыя должны будутъ заняться лучшимъ устройствомъ производства, распредѣленія, установленіемъ количества необходимыхъ запасовъ, примѣненіемъ цѣлесообразныхъ нововведеній въ искусствѣ, въ образованіи, въ передвиженіи, въ процессѣ производства, какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ".

Бѣдное искусство, управляемое коллегіями!

Конечно, въ этихъ делегаціяхъ и коллегіяхъ будутъ безконечныя словопренія.

Понятно, что всѣ перечисленныя дѣла будутъ вестись ими такъ скверно, какъ только ихъ могутъ вести съ одной стороны лица, дающія сверху приказы, а съ другой стороны лица, исполняющія такіе приказы.

Понятно, далѣе, и то, что, если „коллегіи и делегаціи", а не всѣ рабочіе и потребители, не всѣ члены общежитія — каждый въ хорошо знакомомъ ему дѣлѣ,—займутся этимъ „лучшимъ устройствомъ", то мы будемъ имѣть дѣло только съ нѣсколько обновленной формой государственной принудительной власти. И это новое государство, какъ въ дѣлѣ производства, такъ и въ дѣлѣ искусства будетъ вести людей на своихъ помочахъ.

Э. Вандервельдэ заявляетъ, что завѣдываніе дѣлами общежитія будетъ принадлежать „не государству, какъ это часто утверждаютъ и повторяютъ, а автономнымъ общественнымъ корпораціямъ подъ верховнымъ контролемъ государства". Но вѣдь это опять таки деталь той формы, въ которую выльется государственная организація. Мы знаемъ, конечно, что означаетъ верховный контроль государства да еще такого, которому самъ же Э. Вандервельдэ довѣряетъ „управленіе всѣми предпріятіями, монополію всѣхъ отраслей промышленности, власть надъ производствомъ и обмѣномъ„. Э. Вандервельдэ напрасно говоритъ объ автономіи корпорацій. „Главная группа средствъ производства,—говоритъ К. Каутскій,—должна перейти въ собственность государства"...„только государство можетъ явиться рамкой для соціалистическаго общества" и ясно, что всѣ общественныя корпораціи будутъ подчинены ему, какъ мастерскія и фабрики подчинены главному правленію.

Говоря вообще, ничего не стоятъ рѣчи соціалъ-демократовъ о децентрализаціи экономическихъ организацій: вѣдь онѣ и въ современномъ обществѣ чрезвычайно децентрализованы, децентрализованы и въ любомъ трестѣ. Но за то, многаго стоятъ указанія соціалъ-демократовъ на необходимость обладающихъ принудительной властью управляющихъ, на тѣхъ людей „науки и практики", которые подчинятъ рабочихъ своимъ приказамъ.

Остановимся въ немногихъ словахъ на взглядахъ Артура Лабріола на порядки соціалъ-демократическаго государства. „Ничто не мѣшаетъ предполагать,—пишетъ этотъ авторъ,—что представители и руководители производства, т. е. представители общественной собственности могли-бы обладать такимъ господствомъ, какимъ обладаютъ современные капиталисты. И это не только потому, что они технически организовали-бы производство и руководили имъ, а потому, что они извлекали-бы изо всего производства такую замаскированную прибыль, которая (только въ меньшей мѣрѣ, конечно) воспроизводила-бы прежнюю капиталистическую прибыль, казавшуюся въ теоріи уничтоженной".

Рабочихъ соціалъ-демократическаго государства можно будетъ обирать путемъ взиманія какого-нибудь налога, носящаго приличное названіе и расходуемаго на жалованье „народныхъ представителей" и „организаторовъ" производства. Возможно, что въ будущемъ это жалованье будетъ очень высокимъ и тогда степень эксплуатаціи будетъ тоже высока. Все это возможно только потому, что будетъ существовать принудительная власть, т. е., государство, которое всегда является „политическимъ механизмомъ, гарантирующимъ взиманіе съ труда доходовъ".

Уже одно то, что въ государствѣ соціалистовъ будетъ существовать государственная собственность, создастъ господство правителей и ужасающую зависимость подвластныхъ.

Распространеніе государственной принудительной власти на область производства и распредѣленія создастъ новый видъ экономическаго рабства, быть можетъ и нужный для того, чтобы доказать пригодность діалектическаго, quasi - научнаго метода марксистовъ (рабство, отсутствіе рабства, усовершенствованное рабство), но вредный для общежитія.

Характерной чертой рабства является принудительная работа на другихъ лицъ. Мы часто слышали, что въ соціалистическомъ государствѣ не будетъ равенства доходовъ, а гдѣ его нѣтъ, тамъ неизбѣжно будутъ правители и они будутъ получать большій доходъ, чѣмъ управляемые. Всякій излишекъ дохода надъ среднимъ является той же прибылью, что и современная, причемъ въ сущности, безразлично, черпается она изъ налоговъ или какъ-либо иначе: ея источникъ одинъ—трудъ работающихъ. Для рабочихъ все равно, кому платить ее—капиталистамъ или своимъ

новымъ правителямъ. Въ обоихъ случаяхъ рабочіе не порвали еще цѣпей рабства.

„Въ 1851 г.—говоритъ Ж. Сорель—Прудонъ совѣтовалъ рабочимъ избрать своихъ техническихъ руководителей изъ среды буржуазіи; теперь же соціалистическая буржуазія ревностно убѣждаетъ рабочихъ пригласить ее самое въ качествѣ учителей: полномочія, которыя эти учителя получатъ, благодаря всеобщему избирательному праву, сдѣлаютъ изъ нихъ несравненно болѣе чудовищныхъ хозяевъ, чѣмъ современные капиталисты, аттакуемые такой массой непріятельскихъ силъ".

Едва ли классъ капиталистовъ сумѣлъ бы справиться съ управленіемъ и руководствомъ обществомъ, не прибѣгая къ помощи интеллигенціи. Можно даже думать, что въ соціалистическомъ государствѣ послѣдняя оттѣснитъ этотъ классъ отъ мѣстъ управляющихъ промышленными предпріятіями. Во всякомъ случаѣ, при условіи неравенства доходовъ, интеллигенціи нѣтъ основанія бояться „соціалистическаго" строя общества. Она будетъ прекрасно чувствовать себя въ этомъ обществѣ,—такъ же хорошо, какъ чувствуютъ себя современные управляющіе національизированныхъ уже, принадлежащихъ государству-собственнику желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, заводовъ и пр.

Всѣ эти получающіе высокіе доходы „организаторы" опять таки могутъ существовать только въ обществѣ-государствѣ и немыслимы въ безвластномъ общежитіи.

Передача государству промышленныхъ предпріятій.

„Традиціонный соціализмъ сдѣлался жертвой игры словъ. Именно онъ сталъ смѣшивать два термина: соціальный и соціалистическій. Онъ вѣритъ, что все, переходящее изъ частной собственности въ коллективную (почты или телеграфы, промышленныя предпріятія государства, транспортныя средства и т. д.) будто бы составляетъ частичное осуществленіе его идеала. И съ легкимъ сердцемъ принялъ вещи, указывающія лишь на самое крайнее развитіе государственности". (Г. Лягардель).

Не только въ послѣднее время, но давно уже въ программахъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ партій мы встрѣчаемся съ требованіями національизировать желѣзныя дороги, горное дѣло, выдѣлку алкоголя, продажу привознаго хлѣба и нѣкоторыя другія отрасли промышленности, торговли и транспорта.

Какъ это ни странно, но эти партіи считаютъ шагомъ къ соціализму передачу въ руки современнаго государства промышленныхъ, торговыхъ или транспортныхъ предпріятій.

Эта, такъ называемая, національзація предпріятій сводится, въ сущности, къ простой перемѣнѣ собственника: капиталистъ или группы капиталистовъ замѣняются государствомъ, а такъ какъ, по словамъ профессора А. Дюги, „государство, это—правители",—то „группой правителей" *).

Эти правители собираютъ съ населенія милліарды рублей, тратя ихъ на поддержаніе своей власти, на свои потребности и потребности поддерживающихъ правительство лицъ. Ничтожная доля этихъ средствъ возвращается трудящимся, да и то не иначе, какъ при условіи извлеченія изъ этой подачки какойлибо пользы для правителей.

И вотъ этому-то многоликому эксплуататору дается, подъ флагомъ національзаціи, собственность на нѣкоторыя средства производства и онъ пользуется этой собственностью, эксплуатируя уже не фискальнымъ, а такимъ же, какъ и предприниматели, способомъ.

Рабочіе нынѣ національзированныхъ предпріятій остались тѣми же наемными рабочими, что и раньше. Они ведутъ дѣло производства, но надъ ними стоятъ такіе же властные хозяева, какъ и въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Не все ли одно—акціонерное общество или государство будетъ эксплуатировать рабочихъ. Разница только въ томъ, что съ государствомъ, какъ съ монополистомъ, борьба труднѣе.

„Когда предпринимателемъ является государство,—говорятъ Веббы,—тогда самый сильный и самый богатый рабочій союзъ также мало можетъ настоять на выполненіи своихъ требованій, какъ и отдѣльный рабочій".

Имѣется ли существенная разница между хозяиномъ—государствомъ и хозяиномъ—акціонерной компаніей, разъ рѣчь идетъ, напримѣръ о желѣзныхъ дорогахъ? „Государство и компаніи, это—бѣлый колпакъ и колпакъ бѣлый", говорилъ еще въ 1877 году Бюллетень Юрской Федераціи. „Буржуазное государство само по себѣ есть ничто иное, какъ обширная частная компанія, эксплуатирующая для выгодъ привилегированнаго меньшинства общественный капиталъ и коллективный трудъ, болѣе или менѣе ловко играя остроумными пружинами, которыя называются

---

*) Іеллинекъ указываетъ, что „государство можетъ существовать лишь черезъ посредство своихъ органовъ; если его мыслить безъ нихъ, то остается не государство, какъ носитель своихъ органовъ, а юридическое ничто". А. Дюги пишетъ:—„если позади того, что называютъ органами государства, нѣтъ ничего, то это означаетъ, что личность государства есть чистѣйшая фикція. Это означаетъ, что въ дѣйствительности существуютъ лишь органы, т. е. люди, которые налагаютъ на другихъ людей свою волю и дѣлаютъ это силою матеріальнаго принужденія". Государство, это—правители. Государство, это—„господство сильныхъ".

національнымъ представительствомъ, всеобщей подачей голосовъ и прямымъ законодательствомъ".

Безразлично, демократическимъ или деспотическимъ является такое государство. Въ обоихъ случаяхъ, оно — классовое государство. Русскіе рабочіе буквально ничего не выиграли отъ того, что часть желѣзныхъ дорогъ, выдѣлка и продажа водки находилась въ рукахъ государства. Нѣтъ такой степени „демократизаціи" классоваго государства, (а, разъ не будетъ классовъ, не будетъ и государства), при которой національзація предпріятій не усиливала бы во вредъ рабочимъ власть этого государства. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ рабочіе понимаютъ это и, подъ вліяніемъ соціалъ-демократической пропаганды, нѣкоторые рабочіе союзы считаютъ необходимымъ настаивать на необходимости національзировать копи и желѣзныя дороги. *) Но Г. Геркнеръ былъ правъ, говоря, что „переходъ желѣзныхъ дорогъ въ казну можетъ быть цѣлесообразенъ въ интересахъ фискальныхъ (въ интересахъ сбиранія налоговъ) и соціально-политическихъ. Но чтобы этотъ переходъ былъ необходимымъ для улучшенія положенія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, этого нельзя доказать". „Простое обращеніе угольнаго производства, безъ превращенія рабочихъ въ чиновниковъ,—продолжаетъ авторъ,—не представляетъ, какъ это доказывается положеніемъ рабочихъ въ государственныхъ копяхъ Германіи, никакихъ гарантій для удовлетворительнаго развитія условій труда. Государственныя копи въ соціальномъ отношеніи ничуть не стоятъ выше частныхъ копей и также не обезпечены отъ стачекъ".

Говоря о государственной собственности въ наше время, Домела Ньювенгейсъ спрашиваетъ: — „Но что же это означаетъ, если не вскармливаніе военнаго Молоха? Развѣ хороши результаты фискальной администраціи? Положеніе рабочихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и копей, развѣ оно такъ прекрасно, такъ свободно, что должно желать увеличенія числа государственныхъ рабовъ во имя классовой борьбы"?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ государство нѣсколько повышаетъ заработокъ своихъ рабочихъ, но это наблюдается далеко не всегда и это повышеніе ничтожно.

---

*) Готскій конгрессъ нѣмецкихъ соціалистовъ высказался въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія противъ выкупа германскихъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, заявивъ, что „если государство сдѣлается собственникомъ желѣзныхъ дорогъ, оно будетъ пользоваться этимъ, благопріятствуя интересамъ классоваго и военнаго государства; что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ будутъ истрачены на непроизводительныя цѣли; что это дало бы правительству еще одно оружіе противъ народа и доставило бы новый случай спекуляторамъ обогатиться за счетъ общественнаго богатства". Все это забыто теперь.

Во всякомъ случаѣ, оно не смѣетъ передать своимъ рабочимъ весь извлекаемый изъ предпріятій доходъ, не смѣетъ сдѣлать ихъ хозяевами производства *).

Но небольшое повышеніе заработка для рабочихъ государства выгодно, какъ правителямъ, такъ и предпринимателямъ. Рабочій классъ какъ бы дифференцируется (раздѣляется). Появляется какъ бы привилегированная группа рабочихъ. Государство старается подчеркнуть привилегированность этой группы: иногда наряжаетъ своихъ рабочихъ въ мундиры (напр., почтальоновъ), иногда даетъ имъ пенсіи (правда, до смѣшного ничтожныя). Но за это оно воспрещаетъ имъ участвовать въ стачечномъ движеніи, лишаетъ забастовщиковъ пенсій, прогоняя ихъ со службы. Нерѣдко оно ограничиваетъ свободу союзовъ и собраній этихъ рабочихъ, а иногда и прямо лишаетъ послѣднихъ этихъ свободъ.

Своими пенсіями государство удерживаетъ рабочихъ отъ солидарныхъ выступленій съ другими рабочими, какъ, напр., боясь потерять пенсіи, государственные рабочіе Швеціи не присоединились къ всеобщей забастовкѣ 1909 года и, говоря словами Альфреда Нильзена,—редактора выходящей въ Копенгагенѣ газеты „Синдикалистъ",—„предали" эту стачку.

На то, что пенсіи государственнымъ рабочимъ порождаютъ въ ихъ рядахъ холопство, на это не разъ уже указывалось. Такъ, наприм., пожилые желѣзнодорожные рабочіе Италіи отказались бастовать, ссылаясь на то, что они потеряютъ, принявъ участіе въ стачкѣ, пенсію.

Надо помнить, что государство является единственнымъ предпринимателемъ національзированной промышленности. Забастовщикъ, рабочій-революціонеръ, прогнанный съ мѣста, попадаетъ въ этомъ случаѣ въ безвыходное положеніе. Онъ не можетъ уже найти работу по своей спеціальности. Отказъ отъ работы для него такая катастрофа, о которой и понятія не имѣютъ рабочіе, нанимающіеся къ предпринимателю-не монополисту.

Государству выгодно создать въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности кадры болѣе спокойныхъ рабочихъ, и не отсутствіе доброй воли правителей виновно въ томъ, что такая задача не вполнѣ осуществима.

Конечно, правительству, въ концѣ концовъ, не удастся разъединить рабочихъ. Съ одной стороны даже малосознательный рабочій тяготѣетъ все таки къ своему классу, а съ другой—государственное хозяйство не можетъ похвастаться настолько высокими доходами, чтобы повысить благосостояніе рабочихъ и не обидѣть предпринимателей съ одной стороны и своихъ жадныхъ до высокихъ окладовъ чиновниковъ—управляющихъ, надсмотрщиковъ, конторщиковъ и пр. и пр. съ другой стороны.

---

*) Въ капиталистическомъ обществѣ національзація производства не сводилась да и не можетъ быть сведена къ передачѣ дѣла въ руки вольныхъ трудовыхъ артелей рабочихъ. Капиталистическое государство не мечтаетъ о самоубійствѣ путемъ созданія независимыхъ объединеній производителей, и всѣ совѣты самоуничтожиться такъ же наивны, какъ была бы наивна обращенная къ предпринимателю покорнѣйшая просьба рабочихъ о томъ, чтобы онъ повѣсился.

Не трудно догадаться, почему сторонники господскаго соціализма высказываются за націонализацію нѣкоторыхъ предпріятій. Дѣло въ томъ, что они стремятся не къ соціалистическому строю общества, а къ государственному капитализму. Они стремятся къ тому, чтобы всѣ средства принадлежали государству-собственнику; этотъ новый собственникъ-монополистъ будетъ имѣть, конечно, наемныхъ рабочихъ. Доходы отъ предпріятій будутъ распредѣляться не равномѣрно и въ частности правители-чиновники и представители интеллигентскихъ профессій будутъ получать больше рабочихъ физическаго труда. При подмѣнѣ соціализма государственнымъ капитализмомъ, націонализація промышленныхъ предпріятій является какъ бы частью общей программы соціалистическаго переустройства. Но мы знаемъ, что строй государственнаго капитализма такъ же вреденъ для интересовъ рабочаго класса, какъ и строй капиталистическій.

Понятно, что націонализація предпріятій въ настоящее время, увеличивая число чиновниковъ (всѣ высшіе служащіе и надсмотрщики превращаются въ послѣднихъ), усиливаетъ государство. Это болѣе, чѣмъ опасно. „Государство,—говоритъ Ж. Сорель по поводу націонализаціи средствъ сообщенія,—подлежитъ не усовершенствованію, а упраздненію... Это плохой пріемъ—начинать съ укрѣпленія того, что хочешь разрушить. И содѣйствовать стремленію государства захватить въ свои руки средства сообшенія, это значило бы усилить его силу сопротивленія. „Когда государство становится,—говоритъ Г. Лягардель,—на мѣсто частнаго капиталиста, это не значитъ еще, что соціалистическій идеалъ близокъ къ осуществленію. Совсѣмъ напротивъ. Политическое рабство, въ которомъ государство держитъ своихъ чиновниковъ, некомпетентность и безотвѣтственность, царящія въ его администраціи, дѣлаютъ изъ новѣйшаго государства антитезу (противоположность) соціализма".

Русское царское правительство, націонализировавъ желѣзныя дороги, выдѣлку и продажу алкоголя, отнюдь не попало въ просакъ и прекрасно понимало, что отъ націонализированія этихъ отраслей народнаго хозяйства до соціализма отнюдь не ближе, чѣмъ отъ фабрикъ предпринимателей. Этой простой истины не понимали, какъ кажется, швейцарскіе соціалъ-демократы.

Смѣшеніе соціализма съ націонализаціей, т. е. съ государственнымъ капитализмомъ, представляетъ собою опасность не только для настоящаго времени. Оно опасно и тѣмъ, что будущій строй отождествляется партійными соціалистами со строемъ ново-государственнаго капитализма.

„Почтовое или желѣзнодорожное дѣло въ рукахъ нынѣшняго государства, управляемаго министрами, назначаемыми Палатой,—пишетъ П. А. Кропоткинъ,—не является идеаломъ, котораго мы добиваемся. Мы видимъ здѣсь только новую форму наемничества и эксплуатаціи. Мы не вѣримъ даже, что это шагъ къ уничтоженію рабства и эксплуатаціи или что это—переходная форма

эволюціи къ этой цѣли". „Въ захватѣ буржуазнымъ государствомъ общественнаго богатства мы видимъ одно изъ величайшихъ препятствій къ тому, чтобы соціальное богатство перешло когда-нибудь въ руки работниковъ, производителей и потребителей. Мы видимъ въ этомъ средство усилить капиталиста, увеличить его силы въ борьбѣ противъ возмутившагося рабочаго. Напримѣръ, ихъ капиталы, вложенные въ желѣзныя дороги будутъ въ большей безопасности, когда дороги явятся собственностью государства".

Всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ монополіи, относятся и къ національзированнымъ предпріятіямъ.

Монополисты, какъ общее правило, плохо ведутъ дѣло производства и вполнѣ доказано, что государство, по скольку дѣло идетъ объ интересахъ потребителей, — самый плохой изъ возможныхъ предпринимателей. Рутина (навыкъ, усвоенная привычка), недостатокъ иниціативы, полное пренебреженіе ко вкусамъ, желаніямъ и нуждамъ потребителей объясняются въ данномъ случаѣ не только тѣмъ, что государство является монополистомъ, но и тѣмъ, что властные заправилы государственнаго производства легко дѣлаются самонадѣянными, неотзывчивыми, не признающими критики. Государство-предприниматель прямо-таки убѣждено, что не оно существуетъ для потребителей, а потребители—для него.

Даже во Франціи плохо и рутинно ведутся не только такія національзированныя производства, какъ табачное и спичечное, но даже и почтово-телеграфное дѣло.

Въ исключительномъ положеніи находится лѣсное хозяйство. Здѣсь государство считается лучшимъ предпринимателемъ, чѣмъ отдѣльные капиталисты. Но это не потому, что его служащіе обладаютъ особенными способностями къ веденію лѣсного хозяйства, а потому, что капиталисты — собственники лѣсовъ— уничтожаютъ ихъ, не считаясь съ интересами всего класса капиталистовъ. Въ этомъ случаѣ національзація лѣсного дѣла играетъ роль самозащиты буржуазіи отъ опасныхъ для него хищническихъ инстинктовъ отдѣльныхъ предпринимателей.

Въ общемъ же, завѣдующіе государственными предпріятіями чиновники не умѣютъ вести дѣла даже такъ, какъ ихъ ведутъ нанимаемые буржуазіей представители умственнаго труда. Эти чиновники чувствуютъ за собою сплоченную шайку единомышленниковъ-правителей и ведутъ дѣло съ фантастической небрежностью: они не рискуютъ потерять мѣсто, какъ рискуетъ служитель капиталиста, очень заботящагося о своей прибыли.

Переходъ нѣсколькихъ промышленныхъ предпріятій въ собственность русской совѣтской республики не можетъ считаться шагомъ къ соціализму, но конечно, это—шагъ къ государственному капитализму.

Государство, привычка и теологія.

Допустимъ, что у соціалъ-демократовъ нѣтъ и тѣни своекорыстныхъ мотивовъ, которыми можно бы было объяснить ихъ стремленіе къ сохраненію государства. Почему же они стоятъ за этотъ общественный строй?

Всѣ доводы, которые приводятся въ защиту государства вообще и соціалъ-демократическаго государства, въ частности, на столько слабы, что серьезные и искренніе люди не считаются съ ними.

Для болѣе серьезныхъ государствовѣдовъ послѣдняго времени отнюдь не тайна, что государственная машина, выгодная для одной части населенія, признается другою частью только „по привычкѣ". Рабами этой привычѣ являются и соціалъ-демократы, но такъ какъ эта привычка вредная, то отъ нея надо отдѣлаться.

Съ другой стороны, въ извѣстной части человѣчества сильны еще рабовладѣльческіе инстинкты, сильна еще та, по наслѣдству передаваемая, мало замѣтная для ненаблюдательнаго человѣка, но очень опасная манія величія, благодаря которой нѣкоторые люди считаютъ себя способными управлять человѣчествомъ. Распространеніе идеи равенства, распространеніе научнаго знанія явятся сильными средствами въ борьбѣ съ этими инстинктами, въ борьбѣ съ этой маніей.

Если соціалъ-демократы думаютъ, что государственная дѣятельность можетъ когда нибудь явиться факторомъ общественнаго прогресса, то только потому, что не могутъ еще отдѣлаться отъ теологическихъ пережитковъ. Стараясь объяснить закономѣрность явленій природы, люди приписывали велѣніямъ-приказамъ выдуманныхъ боговъ ту гармонію, которая наблюдалась въ природѣ. Пугаясь предполагаемаго хаоса безгосударственной общественной жизни, не понимая, что послѣдняя естественно сложится въ гармоническое цѣлое, соціалъ-демократы думаютъ, что для достиженія такой гармоніи необходима дѣятельность начальства, въ томъ числѣ законодателей, этихъ маленькихъ, приказывающихъ и дающихъ свои законы-заповѣди божковъ.

Для безпристрастнаго наблюдателя ясно, что общество людей не нуждается въ законодателяхъ для того, чтобы жить и развиваться. Для него ясно, что только теологическій консервативный пережитокъ заставляетъ выдвигать новаго бога законодателя— государство въ качествѣ регулятора общественно-экономической жизни.

Общественная жизнь течетъ, не нуждаясь въ государственномъ управленіи. Но государство тормозило ея теченіе всякій разъ, когда это было выгодно правителямъ. Не поспѣвая за сложной, развивающейся жизнью, государство старательно ставитъ заставы на ея многочисленныхъ путяхъ.

Можно тормозить законами жизнь, но ее нельзя развивать законодательнымъ путемъ. Въ лучшемъ случаѣ какой нибудь новый законъ можетъ отмѣнить какой нибудь старый законъ-тормазъ, но еще лучше было бы сжечь всѣ законы,—эти лежащія на общежитіи цѣпи. Законъ имѣетъ только силу разрушенія, силу помѣхи. Онъ лишенъ творческой силы. Закономъ о смертной казни можно убить живого человѣка, но никакимъ закономъ нельзя воскресить убитаго.

На верхахъ многихъ соціалистическихъ партій исповѣдуется обычный буржуазный реформизмъ, а иногда и ново-государственный капитализмъ.

На низахъ массы мечтаютъ о рабочемъ соціализмѣ, но, подъ вліяніемъ верховъ, это великое ученіе перепутывается съ нѣкоторыми важными положеніями господскаго соціализма.

Благодаря этому, создалось очень опасное положеніе. Подъ общимъ знаменемъ соціализма, верхи, при особо благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, могутъ привести рабочихъ въ желанный для верховъ строй господскаго соціализма. Масса энергіи израсходуется на это, какъ расходывалась на политическіе перевороты. И, попавъ въ цѣпкую паутину ново-государственнаго капитализма, рабочіе съ большимъ еще трудомъ, чѣмъ теперь, смогутъ реорганизоваться на началахъ соціализма рабочаго.

Соціалисты объ анархизмѣ.

„Въ рай только послѣ смерти попадешь".

Странное преклоненіе передъ государствомъ, понятное у К. Маркса, мало понятно у его не нѣмецкихъ послѣдователей. Во многихъ отношеніяхъ проникнутый нѣмецкимъ духомъ (geist) Марксъ, по скольку дѣло шло о государствѣ, не могъ подняться надъ идеями германцевъ и, въ частности, надъ идеями нелюбимыхъ имъ пруссаковъ.

Нѣмцы, это—народъ государственниковъ „par excellence", а Марксъ, не смотря на нѣкоторое заигрываніе съ идеей анархіи, насквозь пропитанъ государственнымъ духомъ.

Изъ опасенія показаться черезъ чуръ ужъ консервативными, какъ Марксъ, такъ и его послѣдователи, были вынуждены похвалить анархію, но они постарались обезвредить свои слова, относя практическое осуществленіе анархіи въ туманы отдаленнаго будущаго.

Развѣ только Цезарь де Папъ искренне восхищался анархіей.

Что касается до Россіи, то не только у большевиковъ рабочихъ, но и у такихъ вождей этой партіи, какъ Ленинъ, вырываются иной разъ чисто анархическія фразы.

Это не покажется намъ удивительнымъ, если мы припомнимъ, что анархизмъ является ученіемъ безгосударственнаго, безвластнаго соціализма. Чѣмъ ближе подойдетъ къ рабочему безвластному соціализму лѣвое крыло соціалъ-демократіи, тѣмъ чаще услышимъ мы отъ его представителей анархическія рѣчи.

Соціалъ-демократія лѣвѣетъ въ моменты революціоннаго подъема; лѣвѣютъ ея болѣе мужественные члены, главнымъ образомъ рабочіе, а иногда и ея ученые.

Самъ К. Марксъ, къ нѣкоторому удивленію М. А. Бакунина, а также и другіе марксисты заговорили по поводу Парижской Коммуны нашимъ языкомъ.

Въ своей книгѣ „Гражданская война во Франціи" Карлъ Марксъ говорилъ, что государственная власть была только паразитомъ въ организмѣ націи. Онъ говорилъ, что при наличности мѣстнаго самоуправленія коммуны государственная власть становится совершенно излишней *)

М. А. Бакунинъ слѣдующимъ образомъ оцѣнилъ эти фразы Карла Маркса:—„впечатлѣніе, произведенное коммунальнымъ возстаніемъ, было такъ могуче, что сами марксисты, всѣ идеи которыхъ были перевернуты этимъ возстаніемъ, вынуждены были снять передъ нимъ шляпу. Они сдѣлали больше:—вопреки самой простой логикѣ и своимъ истиннымъ чувствамъ, они объявили, что программа Коммуны и ея цѣль были ихъ программа и ихъ цѣль. Это было по истинѣ шутовское, но вынужденное переодѣваніе. Они должны были это сдѣлать подъ страхомъ оказаться отсталыми, покинутыми всѣми: до такой степени были сильны страсти вызванныя этой революціей во всемъ мірѣ".

Въ своемъ „частномъ циркулярѣ" К. Марксъ писалъ слѣдующее:—„всѣ соціалисты подразумѣваютъ подъ анархіей слѣдующее:—разъ будетъ достигнута цѣль пролетарскаго движенія—уничтоженіе классовъ,—государственная власть, которая служитъ для того, чтобы держать громадное большинство производителей подъ игомъ малочисленнаго эксплуатирующаго меньшинства,

---

*) Приведемъ здѣсь слова Маркса. К. Марксъ писалъ:—„единство націи должно было превратиться въ нѣчто реальное съ уничтоженіемъ государственной власти, выдававшей себя за воплощеніе этого единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ претендовавшей стоять независимо и выше націи, въ организмѣ которой она была только паразитомъ. Отсѣкая тѣ органы старой правительственной власти, которые служили только къ угнетенію народа, Коммуна вырывала изъ рукъ этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ея законныя функціи и передавала ихъ законнымъ слугамъ общества. Всеобщая подача голосовъ, вмѣсто того, чтобы служить народу для выбора черезъ каждые три года или шесть лѣтъ какого нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ коммуны, точно такъ, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю для прісканія рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія". „Самый фактъ существованія Коммуны естественно вызывалъ собою мѣстное самоуправленіе но это мѣстное самоуправленіе, не должно было служить противовѣсомъ государственной власти, становившейся совершенно излишней".

исчезнетъ и правительственныя функціи превратятся въ простыя административныя функціи".

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ же печальной памяти циркулярѣ Марксъ всячески ругалъ анархистовъ.

Вообще же, Мерлино съ полнымъ основаніемъ писалъ:— „Марксъ хорошо предвидѣлъ, что государство въ одинъ прекрасный день исчезнетъ, но онъ отсылалъ его уничтоженіе на слѣдующій день послѣ уничтоженія капитализма такъ же, какъ священники помѣщаютъ рай послѣ смерти". (По книгѣ Д. Ньювенгейса).

Ф. Энгельсъ, повторяя мысли Моргана, говорилъ;—„общественные классы должны неминуемо исчезнуть тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ они когда-то явились. Съ ними исчезнетъ и государство. Общество снова организуетъ производство на началахъ свободной и равной ассоціаціи производителей и поставитъ государственную машину на подобающее ей мѣсто въ археологическій музей, рядомъ съ прялкой и бронзовымъ топоромъ".

18-го марта 1891 года Ф. Энгельсъ писалъ:—„въ дѣйствительности же, государство въ демократической республикѣ не меньше, чѣмъ въ монархіи, есть лишь машина угнетенія одного класса другимъ.

Въ самомъ лучшемъ случаѣ оно есть зло, которое перейдетъ по наслѣдству къ побѣдоносному въ классовой борьбѣ пролетаріату и отъ худшихъ сторонъ котораго надо будетъ, по примѣру Коммуны, какъ можно скорѣй избавиться въ ожиданіи того времени, когда новое, выросшее въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь".

Эта фраза не дорого стоитъ по своей противорѣчивости, но изъ нея ясно, что Энгельсъ считалъ анархію достижимымъ и желательнымъ общественнымъ строемъ.

Далѣе, Ф. Энгельсъ считалъ политической цѣлью соціалъ-демократіи уничтоженіе государства, а слѣдовательно, и понятія „демократія".

П. Лафаргъ говорилъ, что въ будущемъ коммунистическомъ обществѣ „не будетъ необходимости въ государствѣ, ибо не будетъ классовъ, которые бы нуждались въ защитѣ: каждый будетъ въ состояніи самъ себя защищать, такъ какъ всѣ будутъ равны, да и не въ чьихъ интересахъ будетъ вредить ближнему".

„Апостолъ соціализма" Цезарь де Папъ писалъ:—„Анархіей должны кончить мы, увлекаемые силой демократическаго принципа, логикой и фатализмомъ исторіи". „Анархія—мечта всѣхъ возлюбившихъ истинную свободу, идеалъ всѣхъ истинныхъ революціонеровъ! Долгое время люди клеветали на тебя и недостойно поносили тебя: въ своемъ ослѣпленіи смѣшивали они тебя съ безпорядкомъ и хаосомъ, въ то время, какъ, наоборотъ, именно правительство—твой заклятый врагъ—есть результатъ

соціальнаго безпорядка, экономическаго хаоса! Ты—порядокъ и гармонія, равновѣсіе и справедливость".

Такъ говорили соціалисты-государственники, но многіе изъ нихъ, а также ихъ послѣдователи, вели непрерывную борьбу, какъ съ анархистами, такъ и съ идеей анархіи, приписывая анархизму, какъ это дѣлалъ въ 1918 году Ленинъ, нелѣпыя, ничего общаго съ этимъ ученіемъ не имѣющія концепціи.

Надо ли идти къ анархизму черезъ „соціалистическое" государство?

„Именно теперь мы можемъ сказать, что мы имѣемъ на дѣлѣ такую организацію власти, которая ясно показываетъ переходъ къ полной отмѣнѣ всякой власти, всякаго государства. Это будетъ возможно тогда, когда не будетъ ни слѣда эксплуатаціи, т. е. въ соціалистическомъ обществѣ".

(Изъ рѣчи т. Ленина).

Сказать „соціалистическое государство" это все равно, что сказать „мокрый огонь". Гдѣ будетъ государство, тамъ не будетъ соціализма. Но „соціалъ-демократическое государство"— возможно. Соціалъ-демократы обкарнали соціализмъ, почему и говорятъ о соціалистическомъ государствѣ.

Мы не обязаны вѣрить, что захватъ государствомъ средствъ производства во „всеобщую собственность" будетъ послѣднимъ актомъ государства, что оно исчезнетъ послѣ такого захвата. Говоря вообще, вѣрить — рискованно. Лучше знать и понимать. И мы прекрасно понимаемъ, что, если государство захватитъ средства производства, то захватитъ ихъ не во всеобщую, а въ свою „государственную" собственность, и знаемъ, что съ такимъ собственникомъ потруднѣе будетъ справиться, чѣмъ съ современными предпринимателями.

„Первый актъ, — увѣрялъ насъ Ф. Энгельсъ, — въ которомъ государство выступитъ дѣйствительнымъ представителемъ всего общества — обращеніе средствъ производства въ общественную собственность—будетъ его послѣднимъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ въ качествѣ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія сдѣлается мало-по-малу излишнимъ, прекратится само собою. Государство не будетъ уничтожено: оно умретъ".

Такимъ образомъ обращеніе средствъ производства въ общественную собственность будетъ съ одной стороны послѣднимъ дѣйствіемъ государства, а съ другой стороны оно сдѣлается из-

лишнимъ только мало-по-малу. Отъ государства придется избавиться при помощи государства же, подготовившаго условія для своего неизбѣжнаго паденія. Но вѣдь понятно, что сохраненіе государства для того, чтобы придти къ анархіи—такая же нелѣпость, какъ введеніе цензуры для созданія свободной прессы.

Не мѣшало бы научно, не діалектически доказать возможность такихъ превращеній. До сихъ поръ мы видѣли только, что государство укрѣпляло свое существованіе. Разсматривая проекты соціалъ-демократическаго государства, мы опять-таки видимъ въ нихъ дальнѣйшее укрѣпленіе государственной власти.

Для того, кто знаетъ исторію, ясно, что государство всегда было враждебно стремленію людей избавиться отъ принудительной власти, стать свободными. Въ самой сущности государства лежитъ „препятствіе для социальной революціи, самое серьезное припятствіе для развитія общества на началахъ равенства и свободы, такъ какъ государство представляетъ историческую форму, выработавшуюся и сложившуюся съ цѣлью помѣшать этому развитію". (П. А. Кропоткинъ).

До настоящаго времени всѣ государства были заняты тѣмъ, что предоставляли эксплуататорамъ право распоряжаться продуктами чужого труда, а, сдѣлавшись собственникомъ средствъ производства, любое государство захватитъ это право себѣ, а такъ какъ „государство, это — правители", то въ соціалъ-демократическомъ антагонистическомъ обществѣ произойдетъ только замѣна однихъ эксплуататоровъ другими.

Блестящія страницы М. А. Бакунина, написанныя имъ противъ марксистскаго государства будущаго, сохранили, какъ и многія его работы, свое значеніе и въ наше время:—въ „манифестѣ международнаго общества", написанномъ Марксомъ въ 1864-мъ году, говорится что „пролетаріатъ долженъ сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т. е. пролетаріата, возведеннаго на степень господствующаго сословія"... „Спрашивается, — писалъ М. А. Бакунинъ, — если пролетаріатъ будетъ господствующимъ сословіемъ, то надъ кѣмъ онъ будетъ господствовать? Значитъ, останется еще другой пролетаріатъ, который будетъ подчиненъ этому новому господству, новому государству. Напримѣръ, хотя бы крестьянская чернь, какъ извѣстно, не пользующаяся благорасположеніемъ марксистовъ и которая, находясь на низшей ступени культуры, будетъ, вѣроятно, управляться городскимъ и фабричнымъ пролетаріатомъ"...

Неужели весь пролетаріатъ будетъ стоять во главѣ управленія?"...

„Нѣмцевъ считаютъ около 40-ка милліоновъ. Неужели же всѣ 40 милліоновъ будутъ членами правительства? Весь народъ будетъ управляющимъ, а управляемыхъ не будетъ. Тогда не будетъ правительства, не будетъ государства, а если будетъ государство, то будутъ управляемые, будутъ рабы.

Эта дилемма въ теорiи марксистовъ рѣшается просто. Подъ управленiемъ народнымъ они разумѣютъ управленiе народа посредствомъ небольшого числа представителей, избранныхъ народомъ. Всеобщее и поголовное право избирательства цѣлымъ народомъ такъ-называемыхъ народныхъ представителей и правителей государства—вотъ послѣднее слово марксистовъ, такъ же, какъ и демократической школы—ложь, за которою кроется деспотизмъ управляющаго меньшинства, тѣмъ болѣе опасный, что онъ является, какъ выраженiе мнимой народной воли.

Итакъ, съ какой точки зрѣнiя ни смотрѣть на этотъ вопросъ, все приходишь къ тому же самому печальному результату: къ управленiю огромнаго большинства народныхъ массъ привилегированнымъ меньшинствомъ. Но это меньшинство,—говорятъ марксисты,—будетъ состоять изъ работниковъ. Да, пожалуй, изъ бывшихъ работниковъ, но которые, лишь только сдѣлаются правителями или представителями народа, перестанутъ быть работниками и станутъ смотрѣть на весь чернорабочiй мiръ съ высоты государственной; будутъ представлять уже не народъ, а себя и свои притязанiя на управленiе народомъ. Кто можетъ усумниться въ этомъ, тотъ совсѣмъ не знакомъ съ природою человѣка".

„Если ихъ государство будетъ дѣйствительно народнымъ, то зачѣмъ ему упраздняться", спрашиваетъ М. А. Бакунинъ. Но, конечно, нѣтъ и не можетъ быть народнаго государства, такъ какъ слово „народное" предполагаетъ, въ этомъ случаѣ нѣчто солидарное, гармоническое, а государство, по существу своему, антагонистическое общежитiе.

Вся дѣятельность современныхъ соцiалъ-демократовъ, вся программа ихъ будущей организацiи являются порукой, что ихъ государство не будетъ тяготѣть къ самоуничтоженiю. „Укрѣпляя государство, не уничтожишь его"—справедливо замѣчаетъ Ф. Домела Ньювенгейсъ. И конечно, „плохой прiемъ—начинать съ укрѣпленiя того, что хочешь разрушить". А отъ государства необходимо отдѣлаться, между прочимъ, и потому, что оно создаетъ и поддерживаетъ экономическое неравенство. Прибѣгать къ государству для противоположнаго результата такъ же невозможно, какъ пилить дрова пушкой.

„Всѣ правители,—говоритъ Э. Малатеста,—привыкнувъ къ власти, не пожелали бы возвратиться въ толпу. Если бы они не могли сохранить власть, они по крайней мѣрѣ, укрѣпили бы за собою привилегированное положенiе до того момента, когда имъ пришлось бы уступить эту власть другимъ. Они употребили бы всѣ средства, которыя даетъ власть, чтобы заставить избрать себѣ преемниками своихъ друзей, которые, въ свою очередь, ихъ поддерживали бы и протежировали имъ". Говоря короче, въ соцiалъ-демократическомъ государствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, предвидится нескончаемый рядъ правителей.

Ученiе К. Маркса и Ф. Энгельса, изъ котораго нельзя не сдѣлать вывода, что соцiалистическiй строй мыслимъ только при

наличности извѣстной концентраціи капитала, при наличности абсолютнаго или относительнаго обѣдненія массъ, при наличности паденія % прибыли, при наличности все болѣе частыхъ и длительныхъ кризисовъ, не допускаетъ революціоннаго взрыва для перехода къ соціализму въ такой экономической „отсталой" странѣ какъ Россія; не допускаетъ уничтоженія государства для торжества соціализма.

Изъ того, что Парижская Коммуна побудила Маркса высказать нѣсколько анархическихъ положеній, которыя Ленину угодно называть „марксисткими", (благодаря невѣрному представленію послѣдняго автора объ анархизмѣ), нельзя сдѣлать вывода, что Марксъ, какъ практическій дѣятель, былъ антигосударственникомъ. Эти взгляды Маркса носили чисто случайный характеръ, были простымъ плагіатомъ анархическихъ воззрѣній.

Ленинъ съ достаточнымъ основаніемъ указываетъ, что Марксъ (и это указаніе вѣрно для извѣстнаго періода времени) и Энгельсъ *) говорили о революціонномъ уничтоженіи буржуазнаго государства съ тѣмъ, чтобы на его развалинахъ или даже въ первое время такого уничтоженія, возникло пролетарское государство, которое не можетъ быть уничтожено, а можетъ только отмереть, сойти на нѣтъ.

Въ высшей степени несерьезно звучитъ положеніе:—„разрушеніе буржуазнаго государства возможно революціоннымъ путемъ, а пролетарское государство можетъ умереть только въ процессѣ эволюціи". Это простая игра словъ, предполагающая, что пролетарское государство выгодно народнымъ массамъ. Государство, хотя бы оно и называлось пролетарскимъ, хотя бы оно и было организовано на другой манеръ, чѣмъ государство буржуазное, является такимъ страшнымъ угнетателемъ и эксплуататоромъ народныхъ, въ томъ числѣ и пролетарскихъ массъ, что и оно можетъ быть уничтожено революціоннымъ возста-

---

*) Не смотря на разныя фразы, Ф. Энгельсъ не былъ революціонеромъ. Его, правда, ошибочное ученіе о роли насилія въ исторіи, его „экономическій матеріализмъ", это—ученіе о эволюціи въ вульгарномъ пониманіи послѣдняго слова,—не заключаютъ въ себѣ ничего революціоннаго.

Не революціонеръ, конечно, человѣкъ, говорившій въ Мартѣ 1895-го года слѣдующее:—„Иронія міровой исторіи оборачиваетъ все вверхъ дномъ. Мы „революціонеры", мы „переворотчики" (Die Umstürzler) мы преуспѣваемъ въ гораздо большей степени, дѣйствуя законными средствами, чѣмъ незаконными и „переворотными". Партіи порядка, какъ онѣ сами себя называютъ, погибаютъ въ ими же созданномъ законномъ порядкѣ. Съ отчаяніемъ онѣ восклицаютъ вмѣстѣ съ Одиллономъ Барро—la légalité nous tue — законность для насъ смертельна,—тогда какъ мы на почвѣ этой самой законности пріобрѣтаемъ крѣпкія мышцы да румяныя щеки и выглядимъ, какъ сама вѣчная жизнь".

Конечно, рабочіе Германіи не отличаются румяными щеками, въ отличіе отъ своихъ партійныхъ вождей, но дѣло даже не въ этомъ, а въ томъ, что публицистъ полагающій, что соціалистамъ надо стоять на законной, не революціонной почвѣ, только по странному недоразумѣнію можетъ быть названъ революціонеромъ.

ніемъ пролетаріата. Если запасъ потенціальной революціонной энергіи достаточенъ, то оно можетъ быть сметено тотчасъ же послѣ уничтоженія буржуазнаго государства или одновременно съ его уничтоженіемъ.

Въ сущности, выраженіе „пролетарское государство" также не вѣрно, какъ выраженіе „всенародное государство", примѣняемое къ государству буржуазному. Ясно, что даже революціонное уничтоженіе буржуазнаго государства не передало въ Россіи и нигдѣ не можетъ передать государственную принудительную власть пролетаріату. Эта власть можетъ быть передана или захвачена только лицами, выбранными пролетаріями и другими группами населенія (крестьянами и солдатами, съ которыми сочтутъ нужнымъ считаться). Ясно также, что въ результатѣ эта власть попадаетъ въ руки полуинтеллигентовъ и интеллигентовъ, которые, опираясь на старое чиновничество (тамъ гдѣ оно не опасно для нихъ, напримѣръ, въ счетномъ отдѣлѣ, хотя бы въ сберегательныхъ кассахъ) и на чиновничество новое, вырванное изъ рядовъ пролетаріата, создадутъ интеллигенто-кратическое государство.

Это государство, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ бороться съ буржуазіей, но во всякомъ случаѣ является не пролетарско-кратическимъ (и, конечно, не буржуазно-кратическимъ), а его эксплуатація и угнетеніе населенія въ пользу сначала, быть можетъ, и не большой, но постоянно растущей части интеллигенціи, неизбѣжны.

Революціонное уничтоженіе буржуазнаго государства это—срѣзаніе верхушки, цвѣтовъ и плодовъ ядовитаго дерева. Анархическое уничтоженіе (всякаго) государства, это — подрѣзаніе корней этого ядовитаго дерева.

Странно читать въ наше время, хотя бы въ книжкѣ того же Ленина, что анархисты думаютъ „отмѣнить" государство. Вѣдь кто-кто, а анархисты не думаютъ объ изданіи декретовъ: это—прерогатива государственной власти, которой они чураются.

У нихъ нѣтъ и рѣчи объ отмѣнѣ государства, а все дѣло сводится къ его уничтоженію путемъ уничтоженія злоупотребленія вещами, то есть, путемъ уничтоженія собственности—все одно: частной или государственной—и путемъ уничтоженія злоупотребленія силой—все равно со стороны буржуазнаго или интелигенто - кратическаго государства,—то есть путемъ уничтоженія принудительной власти.

Нѣтъ и тѣни основаній предполагать, что новая властная группа „пролетарскаго" государства не употребитъ всѣхъ усилій и при томъ усилій болѣе обдуманныхъ, чѣмъ буржуазія, для того, чтобы не дать отмереть этому государству.

И эта группа выпуститъ власть изъ своихъ не менѣе цѣпкихъ, чѣмъ у буржуазіи и дворянства рукъ, только тогда, когда нарвется или на массовое пассивное или, вѣрнѣе, на революціонное сопротивленіе пролетаріата и остальнаго трудового народа.

И не далеко то время, когда правители „пролетарскаго государства“ обопрутся въ Россіи не на городскихъ рабочихъ, а на получившее землю крестьянство.

Государство и освобожденіе трудящихся.

„Не было примѣра въ исторіи человѣчества, чтобы классъ рабовладѣльцевъ освободилъ рабовъ“.

Нельзя стремиться къ захвату принудительной власти во имя освобожденія трудящихся. Вольному экономическому строю долженъ соотвѣтствовать и вольный же, отнюдь не покоящійся на принудительной власти общественный строй—анархія.

Государство всегда имѣло своею цѣлью „отдать массу населенія, которымъ оно управляетъ, группамъ эксплуататоровъ, обезпечить имъ право на эксплуатацію, продолжить это право. Съ этою цѣлью было устроено государство; это является его существенной миссіей до нашихъ дней“,—пишетъ П. А. Кропоткинъ. „Государство,—спрашиваетъ этотъ ученый,—которое выработалось въ исторіи цивилизаціи для того, чтобы придать легальный характеръ эксплуатаціи массъ привилегированными классами,—можетъ ли оно быть орудіемъ освобожденія этихъ массъ?“

Новыя экономическія формы требуютъ и новыхъ общественныхъ группировокъ. „Рабочимъ,—говоритъ П. А. Кропоткинъ,—которые хотятъ своего освобожденія, говорятъ:—„дайте намъ только пробраться къ власти въ ея современной политической формѣ, выработанной господами буржуа, капиталистами для того, чтобы васъ эксплуатировать?“ Такъ говорятъ, хотя очень хорошо извѣстно изъ всѣхъ уроковъ исторіи, что новая экономическая форма общества никогда не могла развиться безъ того, чтобы новая политическая форма не была въ то же время выработана и развита тѣми, кто старались освободиться“.

Было бы очень странно, если бы атеистъ, желая распространенія своихъ идей, сталъ убѣждать своихъ единомышленниковъ занимать мѣста архіереевъ, а самъ бы старался пробраться въ митрополиты. Было бы странно, если бы аболиціонисты Америки, вмѣсто того, чтобы силою освободить рабовъ-негровъ, стали бы добиваться положенія рабовладѣльцевъ. Но соціалъ-демократамъ не привыкать къ странностямъ.

Мы увѣрены, что новое дисциплинированное, централистическое государство соціалъ-демократовъ,—эта чудовищная выдумка заблудившихся умовъ, этотъ дряблый плодъ унтеръ-офицерской психики,—не будетъ существовать. Такой взглядъ

раздѣляется не одними только сторонниками анархическаго коммунизма. „Эту общественную функцію, состоящую въ образованіи капиталовъ и въ управленіи капиталами"... коллективистическая школа хочетъ передать государству и этимъ она продолжала римскую, регальную, якобинскую и наполеоновскую традицію,—пишетъ профессоръ Л. Дюги,—эта школа идетъ противъ фактовъ, такъ какъ ея система заключаетъ въ себѣ сохраненіе личнаго и сувереннаго государства; это же государство умерло или находится при смерти. И къ счастью; ибо, если-бы колективистическая доктрина восторжествовала, то государство сдѣлалось бы чудовищной властью, болѣе грозной еще, чѣмъ государство, вышедшее изъ революціи; это было бы уничтоженіемъ индивида и возвратомъ къ варварству.

Мы говорили о томъ, что въ социалъ-демократическомъ государствѣ правителями будутъ въ лучшемъ случаѣ интеллигенты, хотя бы и вышедшіе изъ рядовъ рабочихъ. Мы знаемъ, какъ усердно служитъ интеллигенція современному государству. Съ какими ужасами встрѣтимся мы, когда она будетъ служить „своему" государству, да еще какому государству—занятому, наряду съ общественными дѣлами, производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. При этомъ условіи государство получило бы невѣроятную силу. Передъ гражданами во весь ростъ всталъ бы мощнѣйшій изъ мыслимыхъ трестовъ.

Въ этомъ государствѣ властные люди будутъ руководиться своимъ обычнымъ девизомъ „раздѣляй и властвуй", что очень не трудно, разъ только доходы будутъ не равными. Они укрѣпятъ свою власть и послѣдняя, какъ всегда и вездѣ, дастъ людямъ только униженіе, только страданія. Неудивительно, что Л. Н. Толстой, смѣшивая соціализмъ съ соціалъ-демократизмомъ, говорилъ о „неосуществимомъ, ужасающемъ по своему деспотизму и удивительномъ по своему легкомыслію ученіи соціализма". Какъ антигосударственникъ, онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на стремленіе расширить власть такого вреднаго учрежденія, какъ государство. А власть въ соціалъ-демократическомъ государствѣ не можетъ не усилиться. „Соціализмъ, — говорилъ Р. Штамлеръ,—долженъ не только сохранить юридическое принужденіе, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ вынужденъ значительно усилить его въ нѣкоторые переходные моменты, а во многихъ отношеніяхъ и укрѣпить".

Въ соціалъ-демократическомъ государствѣ производство пищевыхъ продуктовъ, одежды, жилищъ и пр. и пр. сосредоточится въ рукахъ хотя бы и выбираемыхъ правителей. И понятно, что государство можетъ организовать свою государственно-принудительную систему хозяйства и благотворительности только вреднымъ и при томъ унизительнымъ для подвластныхъ способомъ.

Для того, чтобы отказаться отъ государства, достаточно вспомнить, что оно явилось какъ слѣдствіе насилія надъ людьми, что оно представляетъ изъ себя цѣлый рядъ институтовъ по-

стоянно длящагося, постоянно тяготѣющаго надъ людьми насилія, что оно немыслимо безъ принужденія.

Анархисты-коммунисты не знаютъ значимыхъ доводовъ въ пользу того положенія, что государство необходимо для существованія человѣчества.

Они утверждаютъ далѣе, что такихъ доводовъ нѣтъ и не можетъ быть...

Борясь съ современнымъ общественнымъ строемъ, они борятся не только за уничтоженіе института собственности на средства производства и потребленія, но и за уничтоженіе государства. Ихъ задача можетъ быть выражена словами П. Л. Лаврова:—„боевой крикъ рабочаго соціализма заключается, какъ извѣстно, въ двухъ формулахъ: прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, прекращеніе управленія человѣка человѣкомъ".

Государство отнюдь не явилось слѣдствіемъ саморазвитія общества. Государство явилось слѣдствіемъ насилія людей надъ людьми и проявленіемъ такого насилія. Поэтому-то анархисты считаютъ его вреднымъ учрежденіемъ и стремятся къ его уничтоженію.

Въ анархическомъ обществѣ не можетъ быть и тѣни принудительной власти. Во истину правъ былъ Тэкеръ, когда писалъ, что „анархія можетъ быть опредѣлена, какъ принципъ, гласящій, что одно правительство столько же дурно, сколько и другое или даже хуже".

Противъ анархическаго строя имѣется только одно возраженіе, а именно—анархія не выгодна для эксплуататоровъ и угнетателей. Но вѣдь только для этихъ господъ и имѣетъ какую либо цѣнность такое возраженіе по адресу анархистовъ. А далѣе, „что, въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ Ж. Гравъ,—возразить людямъ, которые доказываютъ, что, если вы хотите, чтобы наши дѣла шли хорошо, вы должны дѣлать ихъ сами и не давать на это полномочій другимъ? Въ чемъ можно упрекнуть людей, которые говорятъ, что, если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать управлять собою?"

Государство начало переживать періодъ упадка. Государственный періодъ въ жизни народовъ, это—дѣтское платье, изъ котораго выростаетъ уже человѣчество XX-го вѣка.

Соціалъ-демократы хотятъ обновить этотъ отживающій институтъ, но они не въ силахъ уничтожить того тлѣнія, которое охватило его и той заразы, которая отъ него исходитъ.

Государство, это—цѣпи. Добрая воля объединяетъ людей, объединяетъ ихъ біологическая, экономическая и моральная потребность въ общеніи. Цѣпи же дѣлаютъ изъ скованныхъ людей враговъ. Онѣ обезличиваютъ людей, такъ какъ лишаютъ ихъ свободы. Приведемъ здѣсь слова Ибсена:—„государство—проклятье для индивидуума (личности). Какой цѣной пріобрѣтена

сила прусскаго государства? Цѣною растворенія отдѣльной личности въ политическомъ и географическомъ понятіи. Кельнеръ (лакей)—лучшій солдатъ. Долой государство! Въ такой революціи я приму участіе. Пусть будетъ похоронено самое понятіе государства, пусть только добрая воля и духовное сродство будетъ рѣшающими моментами въ объединеніи людей. Такъ будетъ положено начало свободы, имѣющей какую нибудь цѣнность".

Мѣсто государства должны занять союзы и большія объединенія вольныхъ селеній, вольныхъ городовъ, вольныхъ областей и вольныхъ странъ земного шара.

Мѣсто принудительнаго государственнаго права должно занять право текущаго, въ процессѣ жизни творимаго обычая, право народное, вольное, договорное, право совѣсти, право, считающееся съ даннымъ временемъ и съ данной средой и, прежде всего, право взаимопомощи и солидарности.

Изъ того, что государство существуетъ, (не смотря на то, что оно не выгодно для трудящагося населенія), нерѣдко дѣлается не логическій выводъ, что оно не можетъ быть уничтожено и не менѣе странный выводъ, что не надо стремиться къ его уничтоженію.

Какъ будто учрежденія людей не могутъ быть уничтожены людьми же!

И, конечно, государство — эта разновидность рабовладѣльческаго общества — будетъ уничтожено людьми же, ихъ сознательной волей.

Оглавленіе.

Важнѣйшія опечатки.

Напечатано:				Слѣдуетъ:
3 стр.,	7	строчка:	самостоятельно	самостоятельною
9 „	1	„	серьезно	серьезное
12 „	7	„	знающіе	знающія
12 „	10	„	знающіе	знающія
16 „	12	„	образомъ, что	образомъ, потому что
16 „	16	„	уважаетъ	уважаетъ его
16 „	22	„	подкупаетъ	подкупаютъ
16 „	30	„	ремщика мужчинъ	ремщика мучить мужчинъ
20 „	31	„	вмѣшиваться.	вмѣшиваться“.
29 „	41	„	вещей	вящей
33 „	14	„	небыло	не было
33 „	23	„	наконецъ	наконецъ,
36 „	24	„	посвящается	освящается
39 „	37	„	людей	люди
40 „	20	„	личности	наличности
40 „	27	„	вырвать,	вырвать
41 „	8	„	литемѣрить,	лицемѣрить
41 „	28	„	Тайные	Тайныя
49 „	14	„	чиновничество“.	, чиновничество.
50 „	24	„	у	и у
52 „	24	„	свои.	свою силу.
61 „	29	„	14	16
61 „	34	„	17	16
63 „	25	„	не потому	потому
64 „	2	„	исторіи	стороны

Имѣются на Складѣ:

С. Форъ — Мировая Скорбь.

его-же — Преступленіе Бога.

М. Бакунинъ — Богъ и Государство.

Пѣсни и стихотворенія Анархистовъ.

Макай — Анархисты.

Цоколи — Анархизмъ, I-й и II-й томъ.

Эльцбахеръ — Анархизмъ.

2 р. 25 к.

Типографія Л. Федорова. Б. Дмитровка, 15. Тел. 59-32.

